Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский
научный центр Российской академии наук»

СКИФО-АЛАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА

Сборник научных трудов

Владикавказ 2017

ББК83.3(2Рос 37)

Скифо-аланское наследие Кавказа. Сборник научных трудов / Под ред. докт. ист. наук А.А. Туаллагова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 246 с.

ISBN 978-5-91480-279-7

Научный редактор – доктор исторических наук, зав. отделом археологии СОИГСИ ВНЦ РАН *Алан Ахсарович Туаллагов*

Сборник научных трудов посвящен юбилею видного российского ученого, археолога, заслуженного деятеля науки Республика Северная Осетия-Алания и Республики Южная Осетия, доктора исторических наук Руслана Георгиевича Дзаттиаты.

Печатается по решению Учёного совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 83.3(2Рос 37)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

ISBN 978-5-91480-279-7

РУСЛАН ДЗАТТИАТЫ. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ

С начала прошлого века в Южной Осетии сменилось несколько поколений национальной интеллигенции. Каждое из них имело свой колорит, оставило особый след в культуре и общественном интерьере, выдвинуло ярких представителей в самых разных областях. Здесь особое место занимает плеяда тех, кто родился в тридцатые годы, рос во время войны и вошел в сознательную жизнь в начале пятидесятых. Тех из них, кто проживал в столице, стали называть «сталинирцами». Одной из самых заметных, оригинальных и успешных фигур той славной когорты, вне всякого сомнения, является Руслан Георгиевич Дзаттиаты, которому в ноябре исполнилось 80 лет.

Он родился в Сталинире 22 ноября 1936 года в интеллигентной семье. Отец Руслана — Георгий Петрович — был

известным писателем, ученым, кандидатом филологических наук. Именно он привил сыну почитание родимых мест, родного очага. И Руслан, будучи школьником, нередко в одиночку отправлялся в село Сба. Тогда это был непростой путь. На машине можно было доехать только до Дзау, ну а потом пешим ходом до самого Сбийского ущелья. Видимо, именно тогда в нем проснулись качества неутомимого ходока, вдохновленного созерцателя природы. А в родовом поместье его ждали рассказы деда, которые пробуждали интерес к истории своего народа, родного края.

Учился Руслан в «гвардейской второй школе», где в те годы был собран лучший педагогический коллектив, а среди одноклассников были те, кто в дальнейшем достойно проявил себя. Была учеба в Сталинирском художественном училище, куда его принял сам Махарбег Туганов, разглядев в юноше художественный талант. Кстати, эти качества и навыки очень помогли Руслану, когда он стал профессиональным археологом.

После службы в армии Р. Дзаттиаты поступил на историко-филологический факультет госпединститута, который закончил в 1962 году. Именно здесь пришло решение заняться археологией. А толчком послужило то, что он был приглашен в качестве художника в маршрутную экспедицию молодого тогда этнографа Людвига Чибирова. Пришлось тогда много походить по горам и ущельям обоих Осетий. А затем было участие уже в археологических экспедициях, которыми руководил Баграт Виссарионович Техов. Начало было положено.

Продолжением исполнения желания стало прохождение курса аспирантуры в Институте археологии АН СССР в Москве. Здесь Руслану сильно повезло, что его научным руководителем стал профессор, лауреат Ленинской премии Е. И. Крупнов. Этот ученый уже тогда являлся признанным авторитетом в области археологии и многому научил своего способного и восприимчивого ученика. Уже после его смерти стали регулярно проводиться Крупновские чтения

— своеобразный форум кавказских археологов — непременным участников которых является и Руслан Георгиевич. Он даже оформил уголок на буклете об ученом. В этом же институте в 1969 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Средневековые памятники Южной Осетии как исторический источник (XIII-XVIII вв.)».

Возвратившись в Цхинвал, стал работать в отделе археологии ЮОНИИ, который возглавлял профессор Б. В. Техов. Вместе с ним здесь работали еще два молодых кандидата наук — Руслан Гаглоев и Аким Сланов. Четыре археолога решили определиться в своих научных предпочтениях с тем, чтобы охват по времени был как можно шире. И Руслан Георгиевич выбрал для себя средневековый период. Последовала кропотливая работа по изучению уже имеющегося материала и регулярные экспедиции в места, где предположительно находились памятники средневековой культуры. Работа археолога предполагает труд и великое терпение. И, конечно, должна присутствовать удача. Общеизвестно, что всем известным археологам в какой-то момент сопутствовал фарт, великое везение. У Руслана Георгиевича есть одно серьезное преимущество перед другими археологами — это то, что он прекрасно рисует. Любой археолог во многом зависим от своего художника и часто его успех напрямую связан с качеством художественного оформления научного текста. Хрестоматийный факт — оформление археологических трудов, выполненное художником Володей Козаевым, которое до сих пор считается эталонным. Руслан в этом плане независим, поскольку сам иллюстрирует свои тексты.

В конце 80-х годов начались известные события, научную работу стали сворачивать, об экспедициях пришлось забыть, коллекцию археологических находок были вынуждены вывезти во Владикавказ. Исключая Руслана Гаглоева, последовали на Север и сотрудники отдела археологии ЮОНИИ. Здесь Руслан Георгиевич начал работать в отделе археологии Северо-Осетинского института гуманитарных

и социальных исследований им. В. И. Абаева, являясь ведущим научным сотрудником. В 2001 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Культура позднесредневековой Осетии по письменным и археологическим источникам».

С 1993 года Руслан Георгиевич руководит Даргавской археологической экспедицией СОИГСИ, материалы которой регулярно пополняют фонды Национального музея Северной Осетии и выставлялись в экспозициях различных музеев. С 2003 года материальное обеспечение экспедиции осуществляется за счет выигранных под руководством Р. Г. Дзаттиаты конкурсов грантов РГНФ, Программ целевых расходов Президиума РАН, Программ фундаментальных исследований РАН. Возобновил он полевые исследования и на территории Южной Осетии.

Руслан Георгиевич автор около 100 научных работ, среди которых монографии «Оборонительные сооружения южных осетин», «Орнаменты горной Осетии», «Культура позднесредневековой Осетии», «Царциатские памятники: Едысское городище и могильники», «Снаряжение коня и всадника (по материалам Даргавского катакомбного могильника)». Его научно-популярные статьи, опубликованные в различных периодических изданиях Северной и Южной Осетии, всегда вызывают читательский интерес. Его материалами пользуется и газета «Республика», много внимания уделяющая истории и культуре осетин. И эти подборки и выдержки всегда украшают издание.

Р. Г. Дзаттиаты принимает активное участие в работах научных конференций, сессий, семинаров, проводимых в различных городах России и других стран. Часто приезжает в Южную Осетию, являясь непременным участником всех научных событий здесь, государственных праздников, юбилеев видных деятелей, других мероприятиях.

Под его руководством подготовлены и защищены кандидатские диссертации. Он выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских дис-

сертаций, является членом Экспертного совета Комитета по охране и использовании объектов культурного наследия РСО-А.

Многогранный и плодотворный труд отмечен Почетными грамотами Президиума РСО-А и Главы РСО-А. За заслуги в сфере науки и многолетний добросовестный труд ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСО-А».

Это, как говорится, официальный раздел, обязательная программа. Но позволю себе сказать еще несколько слов, поскольку уже много лет поддерживаю дружеские отношения с Русланом Георгиевичем, несмотря на возрастную разницу в полтора десятка лет. В этом, кстати, еще одна его особость: коммуникабельность, способность найти общий язык с людьми самого разного возраста, национальности, партийной принадлежности, интересов.

Так случилось, что мы по жизни пересекались несколько раз на самых разных временных и пространственных перекрестках. Первый из них случился году в 1963. Руслан Георгиевич преподавал тогда историю в пятой городской школе и вел кружки в Доме пионеров. Как-то ребята затащили меня в секцию, где обучали игре на пионерских горне и барабане и которую вел Р. Дзаттиаты. Набралось нас много, поэтому наш маэстро без всякого прослушивания принял единственно правильное решение. Тем, кто поздоровее, он выдал трубы, а тем, кто помельче — барабаны. Мне достался второй. Посещали мы кружок недолго. А мой звездный час состоялся во время школьной линейки. И теперь я могу с гордостью заявить, что моим первым музыкальным наставником был Руслан Георгиевич.

Второй раз мы пересеклись уже в стенах научно-исследовательского института. Попал я туда после института, а Руслан был здесь уже старожилом, поскольку находился здесь уже пять лет. Был я молод и неопытен и, оказавшись среди людей самых уважаемых людей югоосетинского об-

щества, несколько заробел. Нуждался в помощи и поддержке. И сразу нашел ее в лице не только сотрудников своего отдела, но и со стороны таких личностей как Нафи, Хаджи Дзуццаты, Зара Абаева, Герас Тедеев, в присутствии которых я рот боялся открыть. Но больше всех со мной носился Руслан Георгиевич, вводя в курс дела, помогая в освоении тонкостей нахождения в научной среде, подсказывая, что нужно делать в первую очередь, а что во вторую. Именно по его подсказке, практически через два месяца я выдал статью для Известий института, чем сильно удивил зам. директора Вахтанга Дмитриевича Цховребова. Были и другие проявления бескорыстного патронажа, о чем сейчас вспоминается с особой благодарностью.

Был и московский период нашего общения (вторая половина 70-х), где я проходил курс аспирантуры, а Руслан наезжал в столицу в качестве докторанта. Общение здесь проходило в культурно-академическом разрезе. Это работа в институтах, библиотеках, проведение досуга вместе с земляками, с обязательным обменом цхинвальскими новостями и колоритными южанскими байками.

В начале 80-х мне поручили провести социологические экспедиции в районах Южной Осетии. Набрать работников для работы было сложно, поскольку попутчик должен быть дельным, согласным на низкую оплату и готовым к длительным пешим переходам. К моему удивлению, Руслан сразу согласился поучаствовать в этом мероприятии. Мало того, он еще привлек в нашу команду художника Роланда Чочиева и предложил в качестве транспортного средства свой автомобиль. Это было щедрое предложение и об этом агрегате следует сказать особо. Ни до, ни после ничего подобного я не видел. Имени у него тоже не было. Судя по всему, это был «Запорожец», из которого попытались сделать внедорожник. Видимо его разработчики, увидев первые образцы, настолько устыдились, что серию прикрыли, а оставшиеся особи стали сразу раритетами. Но Руслан этим чудом гор-

дился и считал, что это лучшая экспедиционная модель. В то время личных автомобилей было мало, и их владельцы готовы были носить их на руках, чем на них ездить. Руслан же никому не отказывал, и потому к нему записывались всякого рода грибники, охотники, рыболовы и просто любители отдохнуть на природе. Так вот, на этом чуде мы объездили Дзауский и Ленингорский районы, посетив места, где до нас не побывала шина ни одного автомобиля.

Говорят, что человека лучше всего можно узнать в пути. В этом плане Руслан Георгиевич всегда выше всех похвал. Помимо неутомимости и образцовых ходовых качеств, он весьма неприхотлив и даже в самых неблагоприятных ситуациях умеет находить позитив. К тому же это прекрасный рассказчик, выдумщик и креативщик, обладающий своеобразным чувством юмора и умеющий с удовольствием слушать и других.

Так случилось, что мы оба вместе работали не только в ЮОНИИ, но и в СОИГСИ. И принял нас туда один и тот же человек — Сергей Таболов, тогдашний директор института. Правда статус у нас оказался разный. Руслан Георгиевич работал на постоянно основе, а я входил в команду так называемых «заочников», то есть тех, кто не проживал во Владикавказе. В нее тогда входили такие личности, как Нафи Джусойты, Васо Абаев, Владимир Кузнецов. Мне было предписано работать в Цхинвале и раза три-четыре в год приезжать в институт. Во время таких визитов первым делом посещал Руслана Георгиевича. В этом был особый резон. Во-первых, он оперативно вводил меня в полный курс дел, знакомил с обстановкой. Во-вторых, он мог оптимально спланировать мое пребывание на Севере с тем, чтобы я в кратчайший срок мог выполнить свою программу пребывания. В-третьих, он человек запасливый, хозяйственный, умеющий везде создавать уют (всему этому его научили экспедиции), поэтому на гостеприимство можно было рассчитывать всегда.

Руслан Георгиевич — человек увлекающийся, до всего любопытный, оттого много знающий и много помнящий. О его увлечении рисованием уже было сказано. Кроме того, он очень любит фотографировать и занимается этим всю жизнь. Работал со всеми системами камер. При этом он единственный (!) известный мне снимать, который не только наводит объектив и щелкает, но и доставляет фотоснимки всем фигурантам фотосессий. Даже сейчас он дарит оттиски времен проявителя и закрепителя, которые сейчас днем с огнем не найдешь. У меня есть предположение, что добывает он эти химикаты из раскопов.

Руслан всегда был и остается большим любителем вылазок на природу. Но такое легкомысленное определение его явно не устраивает, и он решил подверстать действие под охоту. Для этого надо было вступить в Охотсоюз, приобрести ружье и обзавестись охотничьим псом. Все это было сделано. Из собак он предпочитает только восточноевропейских лаек. А поскольку этот зверь поблизости не обитает, завозить его приходилось издалека, а затем еще и содержать в малогабаритной квартире. Время от времени устраивались охотничьи вылазки с оружием и собакой, но ни разу от нас ни одна зверушка не пострадала, и отнюдь ни от нашего миролюбия. Много удачнее нам давалась тихая охота — облава на грибы.

Лично для меня во время таких походов важнее было другое — послушать комментарии моего попутчика по поводу всего нас окружающего, его рассказы про всякие былинки, зверушки, червячки и паучки. Они всегда сопровождались ссылками на мировую классику и даже музыкальными вкладками в виде напевов. Впрочем, так же Руслан ведет себя и в городе. В Цхинвале Руслан может рассказать про каждый дом и здание. И если в них никто из великих не родился или не работал, то можно хотя бы узнать о том, в каком году с крыши этого дома свалился кровельщик или когда там случился пожар. Лучшего экскурсовода и представить нельзя.

Можно много еще говорить об увлечениях Руслана Георгиевича, но еще об одном можно сказать всенепременно. От природы он музыкален, пластичен, поэтому любовь к танцу у него в крови. В конце концов, такая предрасположенность привела его в самодеятельный коллектив осетинского танца Уакка Джатиева. Иногда я заглядывал на репетиции и удивлялся старанию и вдохновению немолодых уже исполнителей. И надо было видеть, как волновались эти люди, некоторые из которых были уже в пенсионном возрасте, перед публичными выступлениями. И для Руслана это было святое. Он мог встать из-за любого застолья и объявить, что у него репетиция. И всем становилось ясно, что для человека важнее.

Нашему герою дарована завидная природная конституция, характерная для наших горцев. Он строен, подтянут, подвижен, обладает хорошей реакцией, отзывчив на все внешние проявления. Все это позволяет ему всегда находиться в форме. Он из породы «всегда готов». Большинству людей с возрастом свойственно меняться, иногда довольно существенно. Но Руслан Георгиевич не из таких — он задор и пыл. Поэтому остается пожелать ему всегда оставаться таким на радость всем нам.

Батрадз Харебов

Р. Х. Гаглойти,
кин, директор ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева
(г. Цхинвал)

ПРЕДМЕТЫ КОСТЮМА — ВАЖНЫЙ РАЗДЕЛ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

…Одеяние на тебе да будет
из виссона, умащайся дивными,
истинными мазями богов…
Итак, празднуй, не унывай, ибо
нельзя брать своего достояния с собой
и никто из умерших ещё не вернулся.

«Книга мёртвых», эпоха среднего царства. (1, 5)

Аннотация. *В статье рассмотрены аксессуары одежды населения Южной Осетии сарматского периода с привлечением и анализом артефактов, добытых из раскопок ряда могильников. Приводимые в качестве примеров предметы, кроме своего утилитарного назначения, играли и роль оберегов. Утверждается положение о том, что аксессуары одежды подчеркивали социальный статус носителей, которые в то же время придерживались моды, распространенной в окружающих регионах.*

Ключевые слова*: Южная Осетия, украшения, одежда, фибулы, подвески, ожерелья, амулеты, бусы.*

The article examines the clothing accessories of the population of South Ossetia of the Sarmatian period with the involvement and analysis of the artifacts extracted from the excavations of several burial grounds. The objects cited as examples, besides their utilitarian purpose, were played by the role of amulets. It is argued that clothing accessories underlined the social status of carriers, which at the same time adhered to the fashion prevalent in the surrounding regions.

Keywords*: South Ossetia, adornments, clothing, fibulas, pendants, necklaces, amulets, beads.*

Учитывая, что древних рисунков и описаний одежд в источниках очень мало (2, 234), а применительно к

сарматскому периоду на территории Южной Осетии этих описаний и вовсе нет, дошедшие до нас металлические или из другого материала (например, кости) предметы или детали костюмов позволяют проследить или наметить их облик, что в свою очередь позволяет нам представить общий живописный характер одежды.

Одежда, как известно, один из наиболее важных разделов народной культуры. Она несет довольно сложную знаковую систему, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности.

Все эти признаки перекрещиваются между собой и изменяются сообразно природным, биологическим и производственным условиям, образуя в совокупности сложный комплекс народного костюма с его многочисленными вариантами (3, 4).

В процессе развития народной одежды сказывались как изменения быта народа, его социальной структуры, условий существования каждой этносоциальной группы, так и многообразные взаимосвязи и взаимовлияния различных народов — соседних или отдаленных (3, 4).

Велико и разнообразно культурное наследие народов, населяющих Кавказ, накопленное веками, и хотя время не пощадило многого, сохранившееся позволяет судить о высоком художественном значении изделий, сработанных руками его мастеров. Таковы и предметы костюма, прошедшие в своем развитии долгий путь, тесно связанные с историей и эстетическими воззрениями ее создателей.

В целом костюм не только яркий, самобытный элемент материальной культуры, стойкий этнический ин-

дикатор, но и синтез различных видов декоративного творчества, который донес до нас характерные традиционные элементы покроя, орнаментации, использования материалов и украшений, свойственных разным народам Кавказа в прошлом (4, 5).

Костюм на протяжении всей его многотысячелетней истории всегда был именно произведением искусства, произведением крайне сложным по своей основе (хотя часто, может быть, и простым по форме), имеющим свои принципы художественной композиции, изменявшиеся в зависимости от эпохи со всеми ее, иногда мало изученными, особенностями.

Костюм любой эпохи является произведением искусства уже потому, что человек всегда мыслит себя как некий художественный образ, отвечающий его эстетическим вкусам и представлениям (1, 3).

Эстетическая деятельность человека, одной из форм которой является одежда, охватывает все области жизни.

Одежда в самой своей сущности имеет известную двойственность: с одной стороны она предмет первой необходимости, предмет утилитарный, с другой — выражает определенное представление о красоте, т.е. постепенно смыкает материальное производство с эстетической деятельностью человека, выражающей идеал эпохи.

Одежда, как утилитарный предмет, связана, прежде всего, с природными условиями страны, в которой она появилась. Даже в один и тот же исторический период в странах с различными климатическими условиями одежда бывает различной по характеру (5, 3).

Говоря о предметах костюма, особенно женского, прежде всего следует указать на их многообразие и популярность, что вероятнее всего было связано и с тем, что они могли передаваться из одного поколения в другое (6, 107).

Широкое бытование среди древнего населения изучаемой нами территории различных украшений и предметов, имеющих непосредственное отношение к костюму, уходит своими корнями в глубокую древность. Об этом свидетельствуют данные древних памятников Южной Осетии. В частности, на Тлийском могильнике эпохи бронзы были найдены многочисленные и разнообразные украшения, предназначенные как для головного убора, так и костюма в целом. Уже в эпоху бронзы окончательно сформировались основные виды личных украшений (перстни-кольца, браслеты, нагрудные украшения, ожерелья, серьги, диадемы) и создалось понятие гарнитуры — одного набора различных украшений, причем до настоящего времени главные виды украшений сохранились без существенных изменений. Украшения, очевидно, изначально имели двойственную природу, две стороны, две сущности — эстетическую и значимую. Внешняя форма и характер украшений, в связи с изменчивостью капризной моды, подвержены быстрым и частым переменам, но в то же время украшению приписывалась и функция оберега, защиты его носителя от всякого зла.

Украшение служило и отличительным знаком этнической или социальной принадлежности своего носителя, т.е. оно могло быть инсигнией.

В связи с вышесказанным, следует отметить, что, несмотря на изменение состава украшений, не были забыты и не потеряли своего значения также и древние верования, уходящие вглубь тысячелетий. Именно в процессе освоения предшествующей культуры предметная ее форма переходит в личностную, т.е. осваивая культуру, человек превращает ее содержание в свое личное достояние (7, 8-9).

Предметы одежды, костюма, на наш взгляд, несомненно, относятся к средствам индивидуального потребления, которое является одним из важнейших частей материальной культуры.

Без тщательного изучения одежды, жилища, домашней утвари нельзя составить правильного представления о культуре народов, об уровне их материального развития в различные эпохи.

Именно богатство и разнообразие потребностей, сами способы их удовлетворения являются существенной стороной культурного облика человека.

Территория Южной Осетии, ее население, жило общей жизнью вместе со всем остальным окружающим её культурным миром. Именно в результате оживленных торговых связей с близкими и дальними странами попало на территорию Южной Осетии то множество украшений разного вида, которое мы имеем в нашем распоряжении из раскопанных погребений.

Надо сказать, что как привозные (больший процент!), так и местного характера предметы украшения, украшали местную женщину или мужчину, что является отображением одного из этапов развития эстетиче-

ского вкуса аборигенов одного из центральных районов Кавказа.

История украшений берет начало в истоках человеческой истории. С самого начала украшения, наряду со своей эстетической функцией должны были выполнять и иные важные задачи.

Во-первых, оно служило в качестве амулета или талисмана, во-вторых, украшением застегивалась или скреплялась одежда, обувь или пояс и укреплялась прическа. Поэтому мы можем подразделить украшения на символические, платяные, нательные и украшения для волос.

Всякая эпоха создавала украшения по-своему и не только с точки зрения присущего ей стиля, но и того, что касалось выбора материала, способа обработки и техники.

Какой форме отдавали предпочтение в разные времена, стилевые эпохи и в разных странах, не в последнюю очередь зависело от господствующей моды. Ибо украшение в более широком смысле слова является принадлежностью костюма и это касается не только платяных украшений, но и нательных.

Предметы костюма, изучаемые нами, базируются на раскопочном материале из Стырфазского, Монастерского, Сохтинского, Аркнетского, Паткнетского, Куртинского, Велурского, Рукского могильников позднеантичного времени, а также, случайных находках вне погребений.

По назначению и способу ношения все предметы костюма можно условно разделить на головные, шейные, нагрудные, поясные.

Как известно, костюм, так же как жилище и поселение тесно связан с образом жизни и представляет собой ценный источник для изучения этнической, социально-экономической и политической истории народа, его идеолого-религиозных воззрений и контактов с окружающими его близкими и отдаленными культурными регионами.

Традиционные формы предметов от имеющих непосредственное отношение к костюму древних жителей населявших территорию Южной Осетии в сарматское время, формировались на протяжении многих столетий. Большинство из них отличается единством основных элементов, хотя есть некоторые особенности, локальные варианты, что не противоречит общему выводу о единстве, общности культуры на всей территории Южной Осетии в сарматское время.

Сопоставление ряда элементов основных групп и форм предметов костюма позволяет проследить и развитие отдельных компонентов, говорить о преимущественности.

Несомненно, что в процессе своего исторического развития материальная культура, единая в своей основе уже в глубокой древности распалась на множество местных вариантов, которые в дальнейшем приобрели устойчивый характер.

В качестве общих элементов костюма женщин дошли до нас височные привески, серьги, фибулы, ожерелья, браслеты, подвески ритуально-магического характера и т.д., которые имели сходные формы почти у всего населения, проживавшего в сарматское время на территории Южной Осетии. Но имелись и локальные,

разнообразные варианты, обусловленные характером и спецификой социально-экономического, политического развития, природно-географическими условиями, а также внешними связями, которые охватывали как хозяйственную, так и историко-культурную и торговую сферы, причем с населением не только сопредельных областей и регионов, но и иногда, дальних стран.

Это в первую очередь можно отнести к женскому костюму, которая сохранила для нас ряд предметов, которые можно с уверенностью отнести к декоративно-прикладному искусству, искусству, вбирающему в себя огромный мир не только предметный, материальный, но и духовный, сложный мир образов и идей. Можно сказать, что изучаемые нами предметы раскрывают в какой-то степени, элементы декоративно-прикладного искусства, которая вбирает в себя частицу истории народа, его жизни и быта, его представлений о красоте.

Большое значение имеет обнаружение в погребениях бронзовых, железных и костяных игл и предметов для вязания и сучивания шерсти, в том числе и пряслиц и стержней.

Присутствие пряслиц из керамики говорит об обработке шерсти, которая, несомненно использовалась при изготовлении одежды. На Монастерском могильнике неоднократно находились фрагменты кожаных, (правда, истлевших) изделий. Особенно ярко кожа представлена в погребении № 6 Монастерского могильника, где усопшая была захоронена в кожаном платье с нашитыми на нее бусами из бронзы и стекла. По всей вероятности, применение имел и мех.

С эпохи поздней бронзы и до сарматской эпохи, на изучаемой нами территории не могли не сталкиваться народы, обладавшие резко отличными друг от друга культурами и верованиями. Все это, конечно же, не могло не наложить свой отпечаток на национальные традиции, в том числе и на обычаи, обряды, символику.

По торжественным поводам, во время танца или ритуальных церемониалов человек уже в глубокой древности украшал голову. Простой гладкий налобник, который первоначально, вероятно, должен был придерживать волосы, падающие на лоб, у многих народов превратился в знак достоинства и высокого происхождения (8, 299), хотя не исключено, что налобник из меди мог применяться и как медицинское средство. Это допускается исследователями, изучающими народную традиционную медицину.

Своеобразное место в костюме должны были занимать височные привески и серьги.

Важное значение имели фибулы, которые уже с эпохи поздней бронзы и до средневековья употреблялись древним населением Южной Осетии, причем наибольшее разнообразие типов фибул приходится на сарматский период.

В ходе столетий они претерпели изменения от простой крепежной булавки до поздних произведений искусства, от одночленных до многочастных драгоценных. Именно посредством торговых взаимосвязей попало на территорию Южной Осетии то многообразие фибул импортного характера, которое мы сейчас имеем. Определенное время фибулы уступали свое место различного типа подвескам, но уже с XVII века, в

виде брошей, прочно заняли одно из ведущих мест в категории украшений. Особое место в костюме занимают подвески, которые в комплексе с ожерельями из бус, браслетами, серьгами и др. образуют неразрывное эстетическое целое и обладают идеальной или символической значимостью.

Подвеска, пожалуй, столь же древнего происхождения, как и само человечество.

Амулетам, например, которые относятся к подвескам, приписывали магическую силу и использовали при различных обрядовых действиях.

Считалось, что украшения магически благоприятствуют своему владельцу, поэтому и религиозные тексты предписывали их носить. Обычай украшать себя блестящими предметами присущ всем народам, и подвески разного типа и характера, из различных металлов, украшенные цветным или резным камнем, эмалью, чернью, филигранью, зернью, рельефными или живописными изображениями встречаются уже в древности, о чем свидетельствуют найденные в раскопках артефакты на территории Южной Осетии.

Одним из распространенных категорий украшений являлись браслеты, которые уже несколько тысячелетий являются модными.

Браслет на протяжении своей истории изготовливался из самых разных материалов, имел различную форму и разные варианты. На территории Южной Осетии в сарматское время имели хождение, в основном, кольцевидные, из проволоки круглого сечения, из бронзы, серебра, железа.

Серьги, браслеты и подвески, в подлинном смысле

этого слова с самого начала были украшениями, хотя несли в себе некоторую смысловую религиозную нагрузку. Подвески могли иметь и помимо символического значения и значение амулета-оберега.

Учитывая все данные, полученные в результате анализа погребального инвентаря могильников сарматского времени на территории Южной Осетии можно прийти к выводу, что основными компонентами костюма человека (особенно женщины), жившего на территории Южной Осетии в позднеантичное время, были:

1. Головные булавки, скреплявшие какой-то убор (редкие случаи).

2. Женщина, выделявшаяся социальным происхождением, могла иметь серебряную диадему.

3. Рядовое население — женщины носили какую-то повязку, может быть платок, к которому были подвешены височные подвески. Некоторые подвески могли выполнять функцию серег.

Вывод зависит от того, в каком месте обычно находятся in situ те или иные предметы костюма.

4. С социально-дифференцирующей составляющей мы связываем и ношение ожерелья и медальонов из драгоценных металлов и камней. Рядовое население считало модным ожерелье, составленное из импортных бус. Имеет значение присутствие в ожерельях определенного количества бусин из сердолика, янтаря, кальцита, гагата, мрамора, кости, дерева. При этом цветовая гамма, цветовое сочетание нанизанных бус различно. Так, если на Стырфазском могильнике превалируют белый, красный, желтый, зеленый цвет, то в Монастерском — черный, зеленый, синий, желтый, голубой.

5. Особое место в костюме занимают фибулы. Прослеживается, что в предгорном и горном районах Южной Осетии превалируют фибулы архаичного типа, тогда как на равнине много импортных. Само собой разумеется, что и одежда должна была различаться. Имеется ввиду покрой. Иногда фибулы бывали связаны цепочками с предметами апотропейного назначения, особенно с колокольчиками и привесками разного типа.

6. Булавки, исключая головные, в основном присутствуют в комплексах, где нет фибул или же, в редких случаях, вместе с фибулами. Вероятно это связано с вопросами социальной дифференциации, т.к. при наличии фибулы, булавка могла быть дополнительным звеном платяной булавки-фибулы.

7. Важную функцию должны были выполнять поясные пряжки, имеющие длительную историю начиная с эпохи бронзы. Правда, трудно согласиться с мнением тех исследователей, которые в ажурных квадратных поясных пряжках III в. до н.э.-II-III вв. н.э. видят «потомков» тех экземпляров, которые были модны в эпоху бронзы. Если разбирать семантику изображения и технику изготовления тех и других, вряд ли можно прийти к такому выводу. Вопрос в том, почему эти пряжки имели распространение в основном, в предгорьях и горах; почему они появляются на рубеже нашей эры; почему их нет уже в IV и последующих веках н.э.? Ведь, по археологическим материалам ясно прослеживается, что хронологически диапазон, охватывающий бытование этих пряжек укладывается в II-III века. Неужели ни до, ни после не было возмож-

ности на Центральном Кавказе выделки такого типа пряжек, очень сходные элементы которых, имею ввиду и форму и семантический рисунок, прослежены у скифов/золотые квадратные пластины, фигурки оленей, наконец, культы/

Некоторые исследователи связывают эти пряжки с грузинским религиозным пантеоном. Видимо из-за того, что некоторая часть их найдена на территории Грузии.

Но дело в том, что появление этих пряжек совпадает с резким повышением политической активности сарматов, и не только на Северном Кавказе, что удостоверяется материалами погребениий из Южной Осетии. Исчезновение пряжек также связано с политическими событиями, связанными с гегемонистическими притязаниями Рима и Парфии на территорию Закавказья, с борьбой этих двух держав, в которой активное участие принимали и предки осетин — аланы.

Конечно же, разрешение вопроса требует серьезного подхода, но мы считаем, что появление этих пряжек требует тщательного, скрупулезного семантического анализа, с охватом и истории, и металлургии, и искусства, и религии, и этнических вопросов.

Что касается маленьких круглорамчатых пряжек с язычком, то судя по обстоятельствам их находок in situ, можно утверждать, что они имели различное предназначение: — а) для скрепления каких-то ремешков в области черепа и шейных позвонков, б) в женских погребениях они могли выполнять роль поясной пряжки, в) обстоятельства находок таких пряжек в области ног, наталкивают на мысль, что они могли быть атрибутом

какой-то повязки или ремешка стягивающей одежду, типа шаровар?!

Не было найдено металлических деталей поясов, видимо из-за того, что они делались из кожи. К поясу слева, иногда подвешивались предметы апотропейного назначения (Стырфаз, Монастер, Велура, Сохта, Аркнет и др.).

Сравнивая предметы костюма насельников, оставивших Юго-Осетинские памятники, с предметами костюма других регионов, можно сказать, что мода на ношение того или иного предмета костюма была одна, но с определеными различиями.

При этом прослеживается взаимовлияние культур разных народов.

История костюма имеет отношение не только к искусству, но и к этнографии и физиологии, позволяя изучать нравы и обычаи народов.

В одежде, и украшениях отражается весь склад умственной и духовной жизни каждого народа и его взаимоотношения от другим народом (9, 10).

Территория Южной Осетии занимала одно из выгодных географических положений и поэтому ее население уже в древности принимало участие в международной торговле, что хорошо видно по материалам эпохи бронзы (Тли — Техов Б. В.) и раннего железа (Кливана — Сланов А. Х.). Эти же связи были продолжены и в позднеантичное время и средневековье (Стырфаз, Монастер — Гаглойти Р. Х.; Эдыс — Дзаттиаты Р. Г). Несомненно, важное значение имеет и тот факт, что учитывая местоположение, стратегическое, на пути к перевалам, сюда могли если не вторгаться

то пробираться отдельные иноэтнические племена. Очевидно, посредством этих явлений отдельные элементы иноэтнической материальной культуры и быта проникают на интересующую нас территорию вместе с (в разное время!) сарматами и аланами и, возможно, римлянами — если учитывать дислокацию отдельных легионов, а также посредством торговых связей и того факта, что в римских легионах служили и представители местных племен.

Таким образом, анализ предметов костюма населения проживавшего в позднеантичное время на территории Южной Осетии, ее общности и сравнительного многообразия, позволяет выдвинуть ряд вопросов интересных как с точки зрения культуры, так и экономических и этнических вопросов населения проживавшего на территории Южной Осетии в I-IV вв. Но, это уже другая, очень сложная тема для исследовании.

Примечания:

1. Мерцалова М. Н. История костюма М., 1972.
2. История культуры древней Руси. Т. I. М.-Л., 1948.
3. Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986.
4. Русский народный костюм. Ленинград, 1984.
5. Киреева Е. В. История костюма. М., 1970.
6. Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981.
7. Межуев В. М. О понятии «культура». М., 1968.
8. Большая иллюстративная энциклопедия древностей. Прага, 1986.
9. Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма. М., 2005.

Г. Н. Вольная,
кин, доцент
Институт истории и археологии РСО-Алания
(г. Владикавказ)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОШАДИ В «ЛЕТЯЩЕМ ГАЛОПЕ» В ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Аннотация. *На Северном Кавказе изображения лошади в «летящем галопе» известны на кобанских бронзовых поясных пряжках Верхнекобанского могильника и из Терской области (VIII-VII вв. до н.э.), на бронзовых стержневидных двухдырчатых псалий: из кургана 2 могильника Семь братьев (конец VI — начало V вв. до н.э.) и из окрестностей Кисловодска (V-IV вв. до н.э.). Аналогичные изображения лошадей встречаются на античных эллинистических ритонах и на предметах из памятников меотской культуры.*

Аналогиями северокавказским изображения лошади в «летящем галопе» являются луристанские изображения на навершиях штандартов и ручках сосуда (X-VIII вв. до н.э.), поздние иранские изображения на скарабеоидах и каменных печатях (V-IV вв. до н.э.), бронзовые стержневидные псалии в виде «летящей в галопе» лошади из Центральной Азии: Внутренней Монголии, Ордоса, Южной Сибири, Алтая (конец V — начало IV вв. до н.э.). Центральноазиатские и ближневосточные аналогии северокавказским изображениям могут свидетельствовать о контактах населения этих территорий в середине раннего железного века через территорию Закавказья.

Изображение «летящего в галопе» животного, появилось в эпоху поздней бронзы в крито-микенской культуре и распространилось в раннем железном веке на территории Ближнего Востока, Закавказья, Северного Кавказа, Центральной Азии. В данном случае поза лошади не является диагностирующим признаком той или иной культуры, а отражает сюжет, распространившийся в различных культурах, а, следовательно, миграционные направления и культурные связи между этими культурами.

Ключевые слова: *Северный Кавказ прикладное искусство ранний железный век фигурка лошади «летящий галоп» миграции культурные взаимовлияния*

In the North Caucasus images of a horse in «the flying gallop» are known on the Coban bronze zone buckles of the Verkhnekobansky burial ground and from the Tersky region (the 8-7th centuries BC), on bronze rod-shaped two-perforated cheek piece: from a barrow 2 burial grounds Seven brothers (the end of VI — the beginning of the 5th centuries BC) and from vicinities of Kislovodsk (the V-IV centuries of BC). Similar images of horses meet on antique Hellenistic brothels and on objects from monuments of meotsky culture.

Analogies North Caucasian images of a horse in «the flying gallop» are the Luristan images on the navershiyakh of standards and vessel handles (the 10-8th centuries BC), late Iranian images on the skarabeoidakh and the stone seals (the 5-4th centuries BC), bronze rod-shaped psaliya in a look «the horse flying in gallop» from Central Asia: The Inner Mongolia, Ordos, Southern Siberia, Altai (the end of V — the beginning of the 4th centuries BC). The Central Asian and Middle Eastern analogies to the North Caucasian images can demonstrate contacts of the population of these territories in the middle of the early Iron Age through the territory of Transcaucasia.

The image «flying in gallop» of an animal, appeared during an era of late bronze in Cretan-Mycenaean culture and extended in the early Iron Age in the territory of the Middle East, Transcaucasia, the North Caucasus, Central Asia. In this case the pose of a horse is not the diagnosing sign of this or that culture, and reflects the plot which extended in various cultures, and, therefore, the migratory directions and cultural ties between these cultures.

Key words: *The North Caucasus applied art the early Iron Age a figure of a horse «the flying gallop» of migration cultural interferences*

В древнем искусстве Евразии известно изображение скачущих животных, когда все четыре ноги коня оторвались от земли, не распластаны, а вместе с корпусом, вытянутой шеей и головой образуют слитную динамическую форму, направленную по горизонтали. В искусствоведческой литературе такая поза животных

получила название «летящего галопа». В реальной жизни лошадь в таком положении бывает в прыжке (Рис.1, *1-2*).

На территории Северного Кавказа среди находок раннего железного века (РЖВ) известны профильные изображения фигурок лошади в «летящем галопе»:

1. Бронзовая поясная прямоугольная пряжка (Рис.1, *6;* 3,*7*) с 7 круглыми отверстиями и крючком, с железной инкрустацией в виде двух стилизованных силуэтов лошадей в «летящем галопе» происходит из Верхнекобанского могильника [1]. Туловище лошадей прямоугольное с закруглённым крупом. Морда направлена вперёд, нос вытянут с расширением на конце, что характерно для изображений лошадей Кобанского и Тлийского могильников. У лошадей длинные тонкие ноги с расширением в области копыта, хвост и уши не изображены.

2. Бронзовая поясная пряжка из Верхнекобанского могильника в виде фигурки лошади в «летящем галопе» (Рис. 1,*3;* 3,*9*) была покрыта с обеих сторон геометрическим орнаментом [2]. Её длина 12, 9 см. В области груди, имеется крючок. Моделировка фигурки уплощенно-цилиндрическая. Торчащие уши изображены в виде торчащих объемных треугольников. По краю гривы и на хвосте коня — косые насечки, на туловище и голове параллельные и пересекающиеся линии. Морда лошади стилизована в виде ромба, при этом скула и надбровные дуги являются его углами, грибовидный нос. Такая стилизация морды с выделением подбородка и надбровного выступа находит аналогии среди предметов из Казбекского клада и на

поясных пряжках «типа Исти-Су». Голова, лопатка и бедро лошади очерчены одинарной линией и заполнены сетчатым орнаментом.

Грибовидный нос встречается у лошадей на плоскостных изображениях бронзовых топоров из пог. 140, 262, 417 Тлийского мог., на топоре, найденном вне погребений этого могильника [3], на бронзовых поясных пряжках из Кобанского мог. [4] и из пог.368 Тлийского мог. [5]. Изображение ушей животного объёмными треугольниками, как у фигурки лошади из Кобанского могильника, встречается на навершии в виде фигурки хищника из пог. 230 Тлийского мог. [6].

В ГИМ хранится ещё одна пряжка аналогичная вышеописанным из Верхнекобанского могильника (Рис. 1,*8*).

3. Бронзовая пряжка в виде фигурки лошади идентичная предыдущей происходит из коллекции Н. Семёнова из могильников Терской области [7]. Она не орнаментирована. На животе лошади — петля. Черты животного более сглаженные. Изображён выпуклый глаз (Рис. 1,*4;* 3,*10*).

Возможно, эти пряжки были отлиты по одной литейной форме, либо был использован оттиск пряжки из Верхнекобанского могильника. Для укрепления конструкции хвост на обеих пряжках касается копыт лошади. А на пряжке из Терской области передняя нога касается морды.

Художественная стилистика рассмотренных выше пряжек характерна для прикладного искусства центрального варианта кобанской культуры. Оформление лопатки и бедра пряжки в виде лошади из Верхнеко-

банского могильника аналогично скульптурным изображениям хищников на обухах бронзовых топоров из Центрального Кавказа: Фаскау, Тлийского мог. [8], Загвли в Восточной Грузии [9]. Такие топоры датируют VIII-VII вв. до н.э. и связаны с объединенным северо-осетинским — западно-грузинским вариантом [10] или VII-VI вв. до н.э. [11]. Аналогичное оформление встречается на бронзовом навершии жезла-посоха в виде фигурки хищника из Тлийского мог. [12] и в виде протомы барана [13] из Южной Осетии, на бронзовой пластине в виде хищника из Казбекского клада. Выделение лопатки каплевидной или овальной линией встречается в изображении животных из памятников VII в. до н.э. на пластинчатом серебряном поясе из Саккызского клада найденного в 1947 г. в Иранском Курдистане близ с. Зивие, а также на золотой обкладке рукоятки келермесской секиры.

Таким образом, исходя из аналогий, поясные пряжки в виде скачущей лошади могут датироваться VIII-VII в. до н.э.

4. Изображение лошади в «летящем галопе» известно позже из скифских памятников Северного Кавказа. Из кургана 2 могильника Семь братьев конца VI — начало первой половины V вв. до н. э. происходят два бронзовых двухдырчатых псалия (Рис.1, *7,10;* 3,*8,11*). Один с изображением скачущей лошади и пышным хвостом на другом конце. Конец хвоста стилизован под копыто. Изображены две передние ноги. Другой псалий аналогичен первому, но фрагментирован, сохранилась лишь передняя часть [14]. На фрагментированном псалии лопатка лошади выделена двойной каплевид-

ной линией, что стилистически роднит её с и поясной пряжкой из Кобанского могильника, предметами с южного склона Кавказского хребта и Зивие.

Аналогией изображениям лошадей на псалиях из 2 могильника Семь братьев являются изображения объёмных протом лошадей с согнутыми передними ногами на серебряных античных эллинистических ритонах из Ульского кургана и фракийских памятников из кургана у села Борово Руссе в Болгарии (VI-V вв. до н. э.) (Рис.2,*8-9*). Уплощённые изображения двух передних ног псалия из могильника Семь Братьев имитирует объёмные изображения ног на ритонах.

Такой же пышный хвост, с продольным рифлением, как и на псалиях из мог. Семь братьев, встречается на бронзовой фрагментированной пряжке с изображением фигуры копытного животного, скорее всего коня в «летящем галопе» с утрированно большими ушами из кургана 15 Перещепинского могильника 50-60 гг. V в. до н.э (Рис.3,*3*). Задняя нога касается хвоста, передняя не сохранилась [15].

Для всех описанных выше изображений лошади в «летящем галопе» характерно изображение пятки лошади, направленной вниз. Это положение не естественно для лошади, а также не встречаются на других изображениях этого периода.

5. Бронзовый двухдырчатый псалий из окрестностей Кисловодска [16] (Рис.1, *5;* 3,*12*). Части тела лошади уплощены и сильно стилизованы. Голова опущена вниз, рот слегка открыт, выделена надбровная дуга и подбородок. Изображена развевающаяся грива и распушенный хвост с фестонами на конце, торчащее ухо,

намечен круглый глаз. По гриве идут штрихи рифления, изображающие волосы. Передняя нога соприкасается с подбородком лошади, а задняя нога с хвостом. Контур шеи, задней ноги и хвоста очерчен одинарной полосой, на задней ноге в области бедра — небольшие сквозные окружности.

Стилистически он близок двум меотским налобникам в виде крылатого грифона в подобной позе и с аналогичным оформлением из ст. Кужорской (Адыгея) IV в. до н.э. [17]. Из Елизаветинского мог. в Прикубанье также известен бронзовый уздечный налобник в виде фигуры крылатого львиноголового грифона (крылатого хищника) IV в. до н.э. [18].

Аналогией фигурке лошади в «летящем галопе» из окрестностей Кисловодска является бронзовый двухдырчатый псалий из хут. Шунтук конца V — начала IV вв. до н.э. с изображением животного с копытами и длинным тонким хвостом, закинутым на спину (Рис.1,*9*). Передняя нога животного вытянута и касается подбородка, задняя согнута и касается копытом живота. Шея — длинная дуговидная, изображена небольшая голова с открытым ртом и торчащим ухом. Шея, края морды покрыты поперечным рифлением [19]. В аналогичной позе встречаются хищники на бронзовых псалиях из Луристана (IX-VII вв. до н.э.) и бронзовых пластинах со ст. Казбек (VII-VI вв. до н.э.) [20].

В качестве близкой аналогии рассматриваемым предметам с изображением лошади в «летящем галопе» со всадником можно рассматривать идентичные друг другу бронзовые псалии из Тамани (Ри.1,*11*) [21], «Майкопского клада» (5 экз.) [22], из Кавказа [23]. Пе-

редняя нога лошади выброшена вперёд, задняя согнута. А. М. Лесков считает, что эти предметы были сформированы в результате контактов местного населения с регионом западного Ирана и восточной Турции, включая территории Иранского Азербайджана, Курдистана и Луристана. О. А. Брилёва датирует эти предметы IV в. до н.э. [24].

Для большинства изображений лошади «в летящем галопе» с территории Северного Кавказа характерен сквозной фон, композиция в виде вытянутого прямоугольника, силуэт «песочные часы»: узкая центральная часть — туловище животного и более объемные голова, круп и хвост по краям конец хвоста смыкается с задней ногой, а передняя нога находится под нижней челюстью лошади или примыкает ней, туловище лошадей уплощённо-цилиндрическое, изображены торчащие уши, короткая грива. Выделяются два типа изображения хвоста. Первый тип — длинный тонкий хвост, часто с косым рифлением представлен на поясных пряжках VIII-VII вв. до н.э. из Верхнекобанского мог. и Терской обл. Второй тип составляют изображения лошади на псалиях VI-V вв. до н.э. из окрестностей Кисловодска и могильника Семь братьев, где грива и хвост изображены развевающимися в свободном полёте.

Северокавказские изображения стилистически напоминает луристанские изображения двух противостоящих лошадей на дыбах на навершиях штандартов X-VIII вв. до н.э. (Рис.1,*3*) Для них также присуща цилиндрическая моделировка туловища и конечностей, тонкий хвост с рифлением, короткая грива [25]. Изображение скачущей в «летящем галопе» лошади встре-

чено в луристанском искусстве Ирана на ручках бронзового сосуда и на бронзовых навершиях штандартов (Рис. 1, *12-14*). Широко известны изображения хищников в такой позе на бронзовом диске начала I тыс. до н.э. из Ирана [26] и козлов на бронзовой булавке VIII-VII вв. до н.э. из Луристана [27] и др.

Фигура лошади в «летящем галопе», по-видимому, продолжает эти традиции и представлена на некоторых малозийских скарабеоидах и печатях с изображениями сцен охоты и преследования скифа персами (Рис.1,*15-21;* 3,*5*), датируемых концом V — 1 пол. IV в. до н.э. [28].

Близкими аналогиями изображениям лошади в «летящем галопе» из памятников Северного Кавказа являются бронзовые стержневидные двухдырчатые псалиии в виде фигурок сильно вытянутых лошадей на из Внутренней Монголии, Ордоса, Южной Сибири (Рис.3,*14-18*) конца V — начала IV вв. до н.э. [29]. На Алтае обнаружена бронзовая ручка котла в виде фигурки лошади «в летящем галопе» (VI в. до н.э.) из собрания П. К. Фролова и хранящаяся ныне в Государственном Эрмитаже (Рис.1,*16*). Для них характерно узкое цилиндрическое туловище, длинные тонкие ноги. Передняя нога касается снизу морды животного, конец хвоста соприкасается с задней ногой лошади.

Откуда же появились изображения лошади «в летящем галопе»? Самые ранние рисунки, на которых мы видим легкие двухколесные колесницы, запряженные двумя лошадьми с каждой стороны одного дышла, иногда с третьей пристяжной лошадью, бегущей впереди них (Рис.2, *1-2*), имеют параллели в искусстве ми-

кенской Греции. В частности, сходен условный метод изображения галопа: лошади показаны в «летящем галопе», где все четыре ноги вытянуты, в то время как в Египте и позднее на Среднем Востоке и в архаической Греции коней обычно изображали становящимися на дыбы. Это свидетельство дает основания связать описанные колесницы с наступлением «народов моря» и ливийцев на Египет в конце XIII в. до н. э. [30].

Наиболее ранние изображения животных в «летящем галопе» встречаются в искусстве крито-микенской культуры: на фресках Кносского дворца (2000-1700 г. до н.э.), на бронзовых с золотой инкрустацией лезвиях микенских кинжалов (1500-1430 гг. до н.э.) [31]. Самые ранние изображения лошадей были найдены в «шахтовых гробницах» в Микенах, могилах династии, правившей приблизительно с 1650 по 1550 г. до н. э. На одной золотой печати мы видим лучника, охотящегося на оленя с колесницы. Ее везут два бешено мчащихся пони с развевающимися по ветру гривами и хвостами [32]. Во многих местах Сахары: на фресках Тассили, в Акакусе сохранились рисунки колесниц, запряженных двумя или четырьмя лошадьми в «летящем галопе» При более внимательном анализе ученые Дюссо и Соломон Рейнак пришли к выводу, что этот своеобразный стиль изображения несущихся коней совершенно аналогичен стилю «летящего галопа», свойственному крито-микенскому искусству. Кроме того, известно, что около 1200 года до н. э. племена с острова Крит, намеревавшиеся напасть на Египет, высадились в Киренаике и постепенно смешались там с ливийцами [33].

В архаической Греции сохраняется этот сюжет. С острова Самос в Эгейском море происходит псалий с профильным изображением фигурки лошади в «летящем галопе» (Рис.2, *6;* 3,*6*) конца VIII — начала VII вв. до н.э. Аналогией ему являются сирийско-финикийские аналогии также найденные на острове. Имеется фрагмент точно сопоставимого псалия из Линдоса с острове Родос, псалиев из Нимруд в Ираке. Такие же зооморфные псалии изображенные на королевских лошадях колесницы на рельефе Синаххериб (704-681 до н.э.) в Ниневии. Во всех этих примерах лошадь изображена в летящем галопе [34].

Изображения лошади в «летящем галопе» распространились во II тыс до н.э. на территории Ближнего Востока. Стилизованная фигура скачущей лошади встречается на бронзовых топорах II тыс. до н.э. из Луристана [35] и Афганистана [36] (Рис.2, *3,4;* 3,*1*). «Летящие в галопе» животные, в том числе и лошадь, запряженная в колесницу, изображены на золотом блюдо с рельефом, изображающим сцену охоты из Рас-Шамра бывший Угарит (Сирия) XIV-XII вв. до н.э. (Рис.2, *5;* 3,*2*), хранящемся в Лувре [37]. В Ахеминидский период изображены лошади в «летящем галопе» встречаются на бронзовом умбоне из Амударьинского клада IV в. до н.э. со сценой охоты (Рис.2,*11,16*), на печатях и скарабеоидах этого периода (Рис.1,*15-21*). А особенно популярными они становятся уже в Сасанидский период на серебряных дисках (Рис.2,*17*), известны также в виде скульптурной фигурки лошади (Рис.2,*10*).

Позже такие изображения проникают в Закавказье. Гравированные изображения коней в подобной позе

встречены на бронзовом ритуальном кубке из святилища на Двинском холме (Рис.2, *7;* 3,*4*) IX-VIII вв. до н.э. [38].

Длинный тонкий хвост с косым рифлением на пряжках и псалиях в виде фигурки «летящей в галопе» лошади напоминает хвосты пазырыкских верховых лошадей, которые обычно заплетались в три пряди, иногда — в пять. На войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана у коня хвост у основания подстрижен и затем заплетен в косу [39]. С. И. Руденко, отмечал, что у всех пазырыкских коней подстрижены гривы. Такая традиция была широко распространена в скифскую эпоху. Она практиковалась и в Передней Азии, и у причерноморских скифов [40].

Надо отметить, что лошади на псалиях и ручке котла, даже учитывая определённую долю стилизации, представляют породу лошадей с длинными конечностями и шеей, отличную от степных лошадей. Возможно это изображение знаменитой «несейской» лошади [41]. На псалии из Монголии (Рис.3,*18*) на спине более крупной лошади с вытянутыми пропорциями: длинными ногами и туловищем изображены две другие лошади степного «монгольского» типа [42].

Каким же образом изображения иранских коней попадают на территорию Центральной Азии?

В рассматриваемый период большую известность приобрели кони массагетов — кочевого народа, с которым Персии приходилось вести и не всегда победоносные войны. В частности относительно массагетов имеются все основания предполагать, что это был народ также иранского происхождения, близкий древ-

ним персам и отличавшийся от них лишь хозяйственно-экономическим укладом, сохранивший более долгое время кочевое скотоводческое хозяйство. Лошадь северных предгорий Ирана и стран, непосредственно примыкавших к Ирану с севера, лошадь Мидо-Персии, лошадь Бактрии и лошадь Парфии были в основе одного и того же происхождения, типа, характера производительности, экстерьера и окраски, хотя, может быть, между ними и наблюдались некоторые локальные различия [43]. Возможно, именно эти лошади и изображены на псалиях и пряжках.

Существует также другая версия, связанная с продвижением тохаров. Тохары рано ушли на восток с индоевропейской прародины и не позднее II тысячелетия до н.э. продвинулись к границам Китая, приведя с собой лошадей и повозки. Название лошади, колесницы, имена мифологических персонажей конного культа в китайском языке восходят к тохарскому. Китайские мифы, связанные с конем, имеют индоевропейское происхождение [44]. Территории, на которых найдены псалии в виде фигурок лошадей в «летящем галопе» примыкают к территории следования тохаров. В конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. изображения «летящих в галопе коней» с всадниками встречаются на ковре в кургане № 6 гуннского могильника Ноин-Ула (Рис.2,*12-15*) с территории Китая [45].

Появившись впервые в искусстве крито-микенской культуры в середине II тыс. до н.э. — начале I тыс. до н.э. на Ближнем Востоке, в IX-VIII в вв. до н.э. в Урарту, в VIII-VI вв. до н.э. на Северном Кавказе, а в V-IV в Сибири, на Алтае и в Восточной Азии изображение

лошади в «летящем галопе» не является диагностирующим признаком той или иной культуры, а отражает сюжет, распространившийся в различных культурах с территории Ближнего Востока во II-I тыс. до н.э. и, следовательно, миграционные направления и культурные связи между ними (Рис.3).

Примечания:

1. Hančhar F. Ross und der Reiter in urgeschichtlichen Kaukasus. Wien, 1935. Taf.12,6; Chantre E. Le Caucase. Recherches anthropolologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. T.2. Pl. XI, 3; Уварова П.С. Могильники Сев. Кавказа. МАК. Вып. VIII, М., 1900. Табл. XXV, 4.

2. Hančhar F. Ross und der Reiter in urgeschichtlichen Kaukasus. Wien, 1935. Taf.12, 6; Chantre E. Le Caucase. Recherches anthropolologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. T.2. Pl.VI, 2; Chantre E. Recherches Antropologiques. Paris, 1888. Fig.163; Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984. Илл. IX.

3. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977. Рис.40, 74, 40; Техов Б.В. Археологические памятники Южной Осетии. Цхинвал-Владикавказ,2006. Рис.17,2; 39,1; Техов Б.В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. Рис.51, 38.

4. Уварова П.С. Могильники Сев. Кавказа. МАК. Вып. VIII, М., 1900. Табл.XXIV,1.

5. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Рис.149,4.

6. Техов Б.В. Археологические памятники Южной Осетии. Цхинвал-Владикавказ,2006. Рис.51.

7. Фотоархив ИИМ К. QII 25648,594.

8. Техов Б.В. Археологические памятники Южной Осетии. Цхинвал-Владикавказ, 2006. Рис.15.

9. Georgien, Bochum,2001. Tab.254.

10. Скаков А.Ю. Орнаментированные топоры могильни-

ка Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М.,1999. С.128. Рис.7.

11. Панцхава Л.Н. К истории художественного ремесла Колхидской и Кобанской культур: Автореф.… канд. ист. наук. Тбилиси, 1975. С.24-25

12. Техов Б.В. Археологические памятники Южной Осетии. Цхинвал-Владикавказ,2006. Рис.51. С.434.

13. Там же. Рис.53,2. С.435

14. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л., 1966. С. 36. Табл.123, 125.

15. Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Киев — Кам'янец-Подільский, 2008. Рис.841.2.39. С.49; Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum Plus. «Эллинство и Иранство». 2012. № 3. С. 145-160.

16. Прокопенко Ю.А. Новые находки скифского звериного стиля из памятников Центрального Предкавказья V-IV вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. С.16. Рис.1,1.

17. Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. Кат. 101, 105.

18. Галанина Л.К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб., 2006. С.73. Ил.104.

19. Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. Кат. 83, С.126

20. Вольная Г.Н. О происхождении образа лежащего хищника из памятников Центрального и Северо-Восточного Кавказа в раннем железном веке. Владикавказ, 2010. С.257. Рис.4.

21. Portratz J.A. H. Die Mőglichkeiten des Anspannens und Reitens im Altertum. Roma, 1966. Fig.32b; Hančar F. Urgeschichte Kaukasiens. Wien, 1937. Taf.14,9.

22. Leskov *A.M.* The Maikop Treasure. Philadelphia, 2008.

Kat. 165, 167, 134; Phillips *E.D.* The royal Hordes. Nomad Peoples of the Steppes, Thames and Hudson, Londres, 1965. Ill. 21-22. P. 47.

23. Leskov *A.M.* The Maikop Treasure. Philadelphia, 2008. Kat. 165-167, P.134; Брилёва О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. — X в. н.э.). М., 2012. С.163, 196. Кат. 418-422, 480.

24. Брилёва О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. — X в. н.э.). М., 2012. С.163.

25. Machboibian H. Art of Ancient Iran. London,1997. Foto 89, 167, 317.

26. Там же. P.51.

27. Там же. P.220b.

28. Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана по материалам глиптики V-IV вв. до н.э.М.: «Искусство». 1994. Фото 306,467-468, 495,497-500, 512.

29. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967. Табл. 32,47; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М.,1992. Рис. 22, б, с. 130; Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ,35. С. Пб., 2001. Табл. 15, 10-12.

30. Андерсон Дж.К., Древнегреческая конница. С.-Пб., 2006. С.79-80

31. Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. Табл.10

32. Андерсон Дж.К., Древнегреческая конница. СПб., 2006. С. 6-7.

33. Лот А. В поисках фресок Тассили. М., 1976. // http://ufo.metrocom.ru/book3/lot/lot.htm. Гл.12; Кривцов Н.В., Непомнящий Н.Н. Неведомая Африка. М.,2004 // http://www.modernlib.ru/books/krivcov_nikita_vladimirovich/nevedomaya_afrika/read_2/.

34. Moorey P.R. S. Ancient Persian bronzes from the island of Samos // Iran. 1974. Vol. XII. P.194, Fig.2, 7.

35. Karlovski L. Battriana una Antica civilita Venezia. Roma-Venezia, 1999. Taf.424.

36. Machboibian H. Art of Ancient Iran. London,1997. Taf.15.

37. Rizza A. The Assyrians and the Babylonians (History and Treasures of an Ancient Civilization). Turin, 2007. C.99.

38. Кушнарева К.Х. Ритуальный кубок из святилища древнего Двина. // Сб.: Древний Восток и мировая культура. М, 1981. С.63. Рис. 45.

39. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. С. 146-150, рис. 5, С.18.

40. Там же. С. 146-150

41. Геродот VII. Книга 40

42. Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ,35. С. Пб., 2001. Табл. 15, 10-12.

43. Витт В. О. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. М., 1937. С. 12-51.

44. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов старого света.// Древняя Анатолия. М., 1985. С.15.

45. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1962. Рис.59

Приложения:

Рис.1. Стилистические особенности изображения лошади в «летящем галопе» из памятников Северного Кавказа

1-2 — лошадь в прыжке.

3,8 — Кобанский мог.

4 — Терская обл.

5 — окрестности Кисловодска

6 — Кобанский мог. пог.3

7, 10 — могильник Семь братьев курган 2

9 — хут. Шунтук

11 — Тамань

12-14 — Луристан

15, 21– приобретена в Аллепо (Сирия)

16-20 — Малая Азия

6 — бронза с инкрустацией железом, 3-5, 7-14 — бронза, 15-21 — камень.

Рис.2. Происхождение и развитие изображения лошади в «летящем галопе»

1-2 — Тассили-и-Аджер

3 — Луристан

4 — Афганистан

5 — Рас-Шамра, бывш. Угарит

6 — о.Самос

7 — святилище на Двинском холме

8 — Уляп

9 — Борово Руссе

10 — Северо-Западный Иран (Луристан)

11 — Амударьинский клад

12-15 — мог. Ноин-Ула, курган № 6

16 — Иран

1-2 — наскальные росписи, 3-4, 6,7, 105 — золото, 12-15 — ковёр, 8-9,11, 17 — серебро,

Рис.3. Распространение изображения лошади в «летящем галопе» в Евразии

1 — Луристан

2 — Рас-Шамра, бывш. Угарит

3 — святилище на Двинском холме

4 — о.Самос

5-6 — Кобанский мог.

7 — Терская обл

8-9 — могильник Семь братьев курган 2

10 — окрестности Кисловодска

11 — Перещепинский могильник, курган 15

12 — Южная Сибирь

13-14 — Алтай

15 — Ордос

16 — Внутренняя Монголия

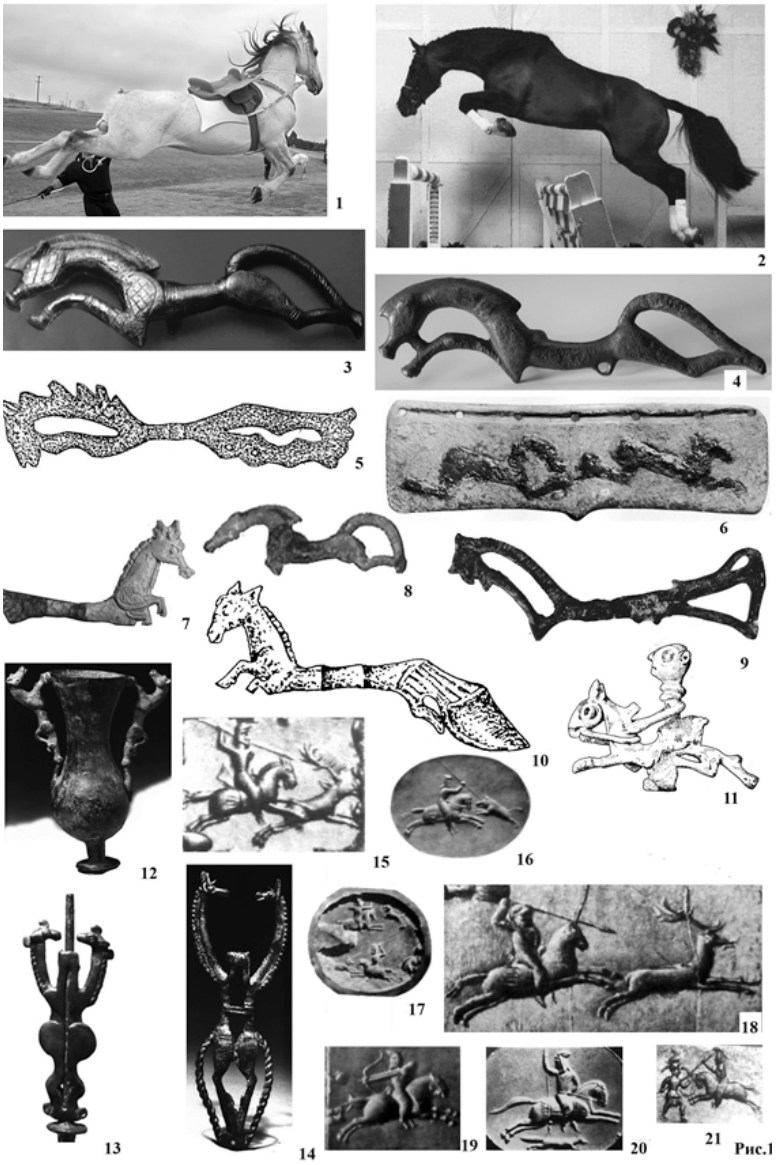


Рис.1. Стилистические особенности изображения лошади в «летящем галопе» из памятников Северного Кавказа

Рис.2. Происхождение и развитие изображения лошади в «летящем галопе»

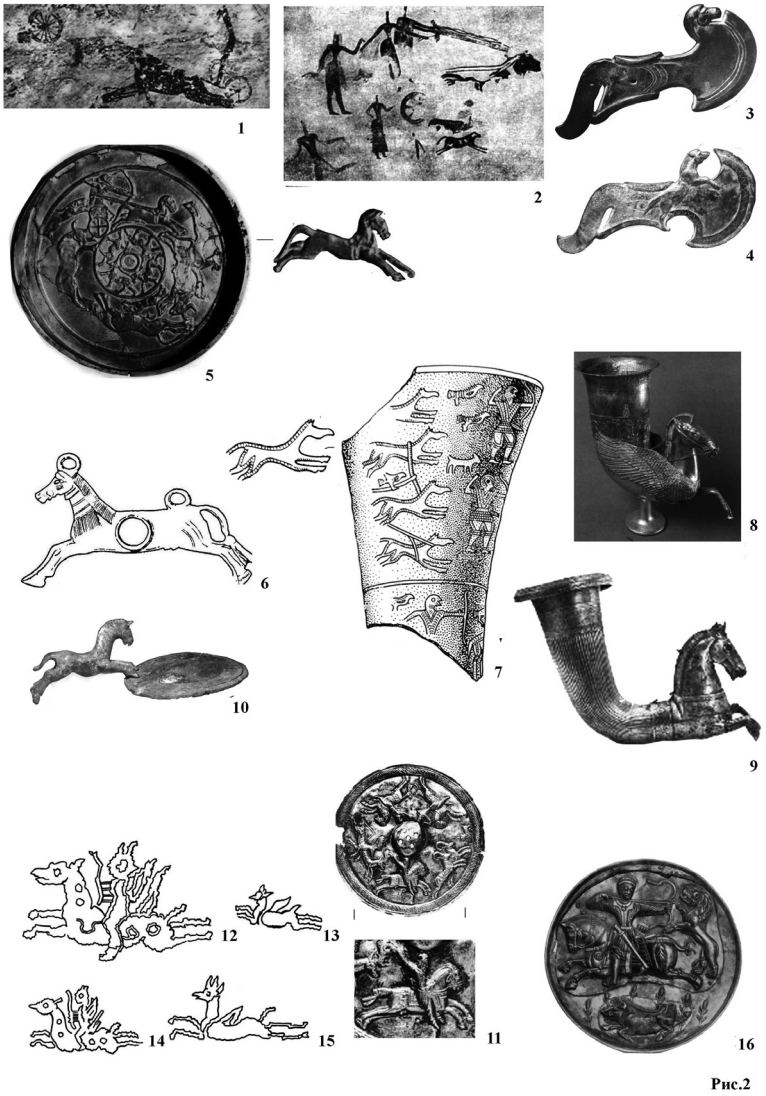


Рис.3. Распространение изображения лошади в «летящем галопе» в Евразии

Д. С. Коробов,
дин, профессор
Институт археологии РАН
(г. Москва)

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ АЛАН В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Аннотация. *В статье рассматривается момент появления аланских племен на северных рубежах Кисловодской котловины и постепенное их проникновение на территорию данного микрорегиона. Первые следы алан — носителей обряда захоронения в Т-образных катакомбных погребениях — фиксируются здесь уже в первой половине IV в. н.э. С начала V в. данный обряд широко распространяется в окрестностях Кисловодска, что, по-видимому, отражает расселение алан по всему пространству Кисловодской котловины.*

Ключевые слова: *ранние аланы, Кисловодская котловина, катакомбные могильники, укрепленные поселения*

The article deals with the appearance of the Alanian tribes on the northern borders of the Kislovodsk Basin and their gradual penetration into the territory of this micro-region. The first traces of Alans — carriers of the burial rite in T-shaped catacomb burials — are recorded here already in the first half of the IV century. Since the beginning of the V century. This ritual is widely spread in the vicinity of Kislovodsk, which, apparently, reflects the Alan's settlement throughout the entire area of the Kislovodsk Basin.

Key words: *early Alans, Kislovodskaya hollow, catacomb cemeteries, fortified settlements*

В последние годы наблюдается повышенный интерес ученых к проблеме появления алан на Северной Кавказе. В недавно вышедших работах А. А. Цуциева, Т. А. Габуева, В. Ю. Малашева, А. А. Туаллагова, [1; 2; 3; 4; 5] рассматриваются пути сложения аланской археологической культуры, сведения письменных источни-

ков об аланах на раннем этапе их истории, истоки формирования аланского этноса. Ведется активная дискуссия об автохтонном или пришлом характере носителей северокавказской аланской культуры.

Большинство подобных работ рассматривает проблему формирования и развития раннего этапа аланской культуры (II-IV вв. н.э.) на региональном пространственном уровне. Речь, как правило, идет о заселении аланами равнин в географических рамках Центрального Предкавказья, которые на определенном этапе могут быть расширены на запад до Нижнего Дона и на восток до Прикаспийского Дагестана. Мне представляется интересным взглянуть на вопрос о времени появления аланских племен на стыке степей и предгорий Северного Кавказа и поэтапном проникновении их в горную зону на микрорегиональном уровне, рассмотрев следы их пребывания в Пятигорье и Кисловодской котловине.

Длительное изучение археологических древностей рассматриваемого микрорегиона привело к накоплению значительного объема информации о памятниках разных эпох и культур [6, 9-49]. Немаловажное место среди этих древностей занимают памятники, оставленные носителями аланской культуры Северного Кавказа. Но если поселения и могильники эпохи раннего Средневековья, в особенности V-VIII вв. н.э., здесь неплохо изучены, то материалы раннего этапа аланской культуры (II-IV вв.) в Пятигорье и Кисловодской котловине гораздо реже исследовались и освещались в литературе. Примечательно, что одна из первых работ на эту тему принадлежит перу Н. М. Егорова, опубликовавше-

го в 1930 г. находки цилиндрических «курильниц», сделанные на городище Юца в окрестностях Пятигорска и возле Провала в черте города [7]. Подобные изделия, скорее всего являвшиеся подставками керамических форм при изготовлении массовых типов посуды, являются своеобразной «визитной карточкой» раннеаланских материалов и присутствуют практически на каждом известном по раскопкам городище II-IV вв. [8].

В последние годы Кисловодской экспедицией ИА РАН была открыта целая серия укреплений, на которых присутствуют элементы фортификации, характерные для так называемых «земляных городищ» Центрального Предкавказья — рвы, эскарпы, валы. Причем подобные городища не единичны в Кисловодской котловине и ее окрестностях. Напротив, они, скорее, составляют здесь периферию распространения подобных памятников, располагающихся севернее котловины, на стыке предгорий и степей. Небольшие укрепления в виде мысов с эскарпированными склонами, валами и рвами были зафиксированы нами в глубине балки Аслан возле пос. Красновосточный на р. Куме [9, 55-56], на краю мыса в балке Соколова в 5,5 км к северу от пос. Новоборгустанского, в окрестностях горы Джуцы [10, 93-95] и станицы Ессентукской [11, 37-40]. Следует, наконец, упомянуть о широкомасштабных раскопках подобных памятников в окрестностях Пятигорска, прежде всего о городище Энергетик [12; 13]. Таким образом, представляется обоснованным связать данную группу укреплений на мысах с эскарпированными склонами с так называемыми «земляными городищами» раннего этапа аланской культуры II-IV вв. [3, 144-146; 8].

При исследовании серии подобных укреплений и поселений на вершине Боргустанского хребта были получены материалы, позволяющие уточнить их датировку. Так, раскопками одной из башен укрепления Боргустанское 4 выяснено, что нижний ряд каменных блоков здесь опирается на слой древесного тлена. Из этой прослойки взят образец древесины на радиоуглеродный анализ, который был датирован в лаборатории университета г. Лунда (Швеция) (LuS — 7191). Полученная дата радиокарбонного возраста относится к 1890±50 BP (1δ 61-211 AD; 2δ 5-240 AD). Таким образом, время строительства башни 1 может быть отнесено к I — первой половине III вв. н.э. Эта дата подкрепляется найденным в нижней части слоя фрагментом миски с загнутым внутрь бортом, относящейся ко II-IV вв. н.э. (рис. 1, *1*). Однако большинство керамики, обнаруженной при расчистке башни, относится к эпохе раннего Средневековья и датируется V-VIII вв. н.э.

На площадке находящегося на соседнем мысу укрепления Боргустанское 2 был сделан шурф, на дне которого расчищена яма с золистым заполнением. В ней находился крупный фрагмент чернолощеного кувшина, датирующийся в пределах V в. н.э. (рис. 1, *3*). Из ямы отобран образец угля (LuS — 7755), радиокарбонный возраст которого относится к 1590±50 BP (1δ 424-535 AD; 2δ 349-583 AD). Исходя из этого, следы жизнедеятельности на площадке укрепления можно отнести к последней четверти IV — концу VI вв. н.э.

Более ранние даты получены также для материалов с нескольких укреплений того же типа (мысовые укрепления с эскарпированными склонами), расположенных в

Воровских Балках на берегах р. Перепрыжки — правого притока Подкумка. Здесь, помимо шурфов на площадках укреплений Воровские Балки 1, 2, 4-6, была устроена серия почвенных разрезов для определения времени возникновения и существования участков земледелия, сохранившихся в виде каскадов из длинных узких террас [14, 104-134]. Обнаруженные в почвенных разрезах на р. Перепрыжке керамические материалы относятся к разным периодам: найдено около 200 фрагментов керамики кобанской культуры предскифского этапа (IX-VI вв. до н.э.) и 57 фрагментов I тыс. н.э. Еще 33 фрагмента не атрибутируются в настоящий момент. В основном это фрагменты посуды зеленовато-коричневой цветовой гаммы, напоминающие кобанскую по составу теста, с большим количеством мелких примесей кварцевого песка, заглаженной или ангобированной поверхностью, но с твердым черепком, говорящем о более качественном обжиге сосудов. Аналогичная посуда была найдена в шурфах на укреплениях Воровские Балки 1, 2, 4-6. Из шурфа на укреплении Воровские Балки 5 происходит также одна радиоуглеродная дата кости животного, исследовавшаяся в Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины (Ki-16940-1680 ± 60 л.н.; 1δ 258-424 или 320-430 AD; 2δ 236-535 AD). Полученная радиоуглеродная дата для обнаруженной там же керамики имеет бóльший разброс в датировке (Ki-16943-1925 ± 100 л.н.; 1δ BC 40-214 AD; 2δ BC 176-335 AD), однако очевидно, что обе даты тяготеют к началу I тыс. н.э. К этому же времени, как нам кажется, следует относить описанную выше керамику. Еще одна дата была получена для керамики, найденной в шурфе на укреплении Воровские

Балки 2 (Ki — 16942), радиоуглеродный возраст которой определен в пределах 1550±100 BP (1δ 413-606 AD; 2δ 258-660 AD).

Наиболее ранние материалы происходят из шурфа, устроенного на верхней площадке укрепления Воровские Балки 4. Здесь были расчищены остатки небольшой каменной стены, сохранившейся в виде кладки из двух-трех рядов камней среднего размера (рис. 1, *2*). В шурфе было найдено 175 фрагментов керамики, из которых 37 экз. (21%) относится к неопределенной. Среди каменного развала были обнаружены кости животных, по которым получены две радиоуглеродные даты (Ki-18430 и Ki-18431): 2030±60 BP (1δ BC 110-60 AD; 2δ BC 200-90 AD, 100-130 AD) и 2070±60 BP (1δ BC 170-10 AD; 2δ BC 350-320, BC 210-70 AD). Таким образом, скорее всего обнаруженное сооружение относится к III-II вв. до н.э. — I в. н.э. и является наиболее ранним из зафиксированных в ходе наших археологических работ. Данная датировка подтверждается находкой венчика кухонного горшка с нарезным орнаментом по краю (рис. 1, *4*). Подобные венчики характерны для раннесарматских материалов III-II вв. до н.э., присутствующих на городище Новопавловское и поселении Георгиевская станица 2[1].

Наиболее достоверные материалы в Кисловодской котловине, относящиеся к раннему этапу аланской культуры, получены при исследовании подкурганного

[1] Выражаю глубокую благодарность сотруднику ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края А. Константинову и аспиранту ИА РАН Н.Д. Угулаве за предоставленную информацию.

катакомбного могильника Левоподкумский 1, сопровождающего мысовое укрепление с эскарпированными склонами Подкумское 2. По результатам проведенной здесь магнитометрической и георадарной разведки, в 2012-2013 гг. были раскопаны две подкурганные Т-образные катакомбы с подквадратными ровиками и одно грунтовое захоронение в двухкамерной катакомбе. Помимо погребальных сооружений, был исследован крупный ров подквадратной формы с двумя перемычками, расположенными с северной и южной стороны. В верхней части заполнения рва были найдены немногочисленные фрагменты керамики, которые могут быть уверенно отнесены к раннему этапу аланской культуры (II-IV вв. н.э.). Судя по сохранившимся предметам погребального инвентаря (лучковая двучленная и сильно профилированная фибулы, пряжки, 14-гранные литые золотые напускные бусины, очевидно относящиеся к серьгам, наконечник копья, керамика), погребения в катакомбах были совершены в первой половине IV в. н.э. К несколько более позднему времени (середина — вторая половина IV в. н.э.), стратиграфически и по инвентарю, относятся захоронения в двухкамерной бескурганной катакомбе I, находившейся между ровиками курганов 1 и 2 и также ограбленной в древности [15]. Примечательно сочетание на одном могильнике разных по своим типам погребальных сооружений, таких как подкурганные Т-образные катакомбы, обычно соотносимые с аланским этносом [3, 146-149; 16, 273-275], и грунтовые захоронения в двухкамерных катакомбах, выделяемые В. Ю. Малашевым в настоящий момент в особый культурно-хронологический горизонт Подку-

мок-Хумара, очевидно оставленный «субстратным» населением Кисловодской котловины, предшествующим волне аланских переселенцев [3, 157-158]. Любопытно отметить, что данные погребального обряда здесь прекрасно сочетаются с результатами антропологического анализа черепов из упомянутых погребений, представлявших по мнению С. Ю Фризена и Н.Я. Березиной разное по своему облику население [17].

В заполнении ямы 1 в шурфе 2 на площадке укрепления Подкумское 2, расположенном поблизости от могильника Левоподкумский 1, были обнаружены многочисленные фрагменты керамических сосудов II-IV вв. Из заполнения ямы были также получены две радиоуглеродные даты из пласта 3 (Ki-18039: 1δ 216-338 AD; 2δ 134-380 AD) и 6 (Ki-18037: 1δ 87-241 AD; 2δ 30-336 AD). Очевидно, укрепление Подкумское 2, сопровождавшееся поселениями и подкурганным могильником, находящимися на первой речной террасе Подкумка, относится к «земляным городищам» раннего этапа аланской культуры и может датироваться в пределах второй половины III — первой половины IV в. н.э. Скорее всего, к этому же времени относятся и другие поселения на левобережной террасе Подкумка, на которых найден аналогичный подъемный материал, фрагменты турлука, фундаменты построек из речной гальки.

Таким образом, городище Подкумское 2 и сопровождающий его курганный катакомбный могильник Левоподкумский 1 являются одним из первых достоверных свидетельств присутствия носителей аланской культуры в Кисловодской котловине уже в первой половине IV в. н.э. Более ранние сведения о появлении алан

в Кисловодской котловине получены Е. П. Алексеевой, доследовавшей в 1961 г. разграбленные подкурганные катакомбные захоронения III-IV вв. н.э. возле южной окраины пос. Терезе Малокарачаевского района КЧР [18, 158-167, 176-177]. Очевидна тенденция приуроченности этих ранних памятников к долине р. Подкумок и северным границам исследуемого микрорегиона.

Несколько более поздний комплекс, связанный с подкурганными погребениями ранних алан в Кисловодской котловине, был недавно открыт нами на могильнике Волчьи Ворота близ урочища Клин-Яр. Здесь под курганной насыпью было обнаружено дважды ограбленное захоронение в Т-образной катакомбе, содержавшее выразительный комплекс предметов финала IV в. н.э. [19]. Примечательно, что в 300 м от данного захоронения располагается широко известный могильник Клин-Яр 3, в котором открыты наиболее ранние грунтовые катакомбы аланской культуры, относящиеся к этому же времени — второй половине IV в. н.э. [20, 27].

Интересно проследить, как проходило постепенное освоение аланами Кисловодской котловины с момента их первого появления на ее северных рубежах в первой половине IV в. н.э. и далее в течение V-VIII вв. Такую картину можно получить при картографировании поселений и погребений разных типов, относящихся к I тыс. н.э., которые известны здесь на сегодняшний день. Для решения вопроса о пространственном соотношении погребальных и жилых памятников можно применить некоторые процедуры пространственного анализа, осуществляемые с помощью географо-информационных систем (ГИС). Поскольку дробной хронологии

для поселений на настоящий момент не существует, используется вся совокупность известных в настоящий момент поселенческих памятников, широко датирующихся в рамках всего I тыс. н.э. (29 неукрепленных и 154 укрепленных поселения). С ними соотносятся данные о могильниках, в основном датирующихся первой половиной I тыс. н.э.; более детальный пространственный ГИС-анализ соотношения могильников и поселений рассматривается в подготовленной к печати авторской монографии [21].

В литературе имеются наблюдения над тем, на каком расстоянии следует искать могильники возле поселений раннего Средневековья. Так, для южноанглийской системы расселения англосаксов V в. характерно расположение могильников на расстоянии не более 500 м от поселений, обычно около 150 м [22, 151]. Похожая картина, когда некрополи, как правило, локализуются на расстоянии 100-200 м и не более 500 м от поселений, наблюдается у раннесредневековых франков на севере Франции [23, 355] и у аламаннов Юго-Западной Германии [24, 94; 25, 136]. Таким образом, принимая во внимание указанные закономерности в размещении могильников и поселений у варварских народов Европы, мною использовался простейший ГИС-анализ, заключающийся в построении буферных зон радиусом 500 м вокруг всех известных на сегодняшний день поселений I тыс. н.э. для предварительного соотнесения их с погребальными памятниками, обнаруженными в ближайших окрестностях этих мест обитания.

Прежде всего, ряд могильников с захоронениями в каменных гробницах и грунтовых ямах, а также в ка-

такомбах разных типов, отличных от характерных для аланского населения Т-образных усыпальниц, относится к I-III вв. — периоду, предшествующему появлению алан в микрорегионе Подобные погребальные сооружения в настоящий момент связываются В. Ю. Малашевым с «субстратным» населением Кисловодской котловины, представленным выделяемым исследователем горизонтом Подкумок-Хумара [3, 157-158]. Следует отметить, что далеко не все эти погребения соотносятся с используемыми в данной работе поселениями (рис. 2) — примерно треть могильников (все они с захоронениями в ямах) лежит на удалении более 500 м от поселенческих памятников I тыс. н.э. Если попытаться проанализировать пространственное распределение материалов из достоверно датированных комплексов могильников III-VIII вв. [26; 27, 25-45; 28], то на III в. приходятся сведения о 12 подобных памятников (рис. 3), десять из которых сочетают захоронения в ямах и катакомбах местного типа, характерного для горизонта Подкумок-Хумара (Церковная Горка, Мачты, Директорская Горка, Замковый 1, Буденновская Слобода 1, Острый Мыс 1, Подкумские 1 и 2, Клин-яр 3 и Высокогорный 4). Имеются также сведения о захоронениях в каменных ящиках и гробницах могильника Высокогорный 1 и о находках первой половины — середины III в. из курганного могильника Волчьи Ворота, тип погребального сооружения в этом случае не установлен.

Как стало очевидным из наших работ последних лет, некоторые из носителей погребального обряда, характерного для горизонта Подкумок-Хумара, доживают до времени широкого расселения аланских племен по Кисло-

водской котловине, что маркируется повсеместным распространением Т-образных катакомб по всей изучаемой территории с середины V в. н.э. Однако первые катакомбные захоронения, достоверно связываемые с носителями аланской культуры, были исследованы нами на вновь открытом курганном могильнике Левоподкумский 1 (рис. 4). Как упоминалось выше, изученные здесь комплексы позволяют отнести момент первого проникновения алан в окрестности современного Кисловодска уже к первой половине IV в. н.э. Они сопровождают типичное «земляное городище», слои обитания на котором датируются в пределах III-IV вв. по обнаруженным здесь керамическим фрагментам, а также данным радиоуглеродного анализа.

Со второй половины IV в. появляются также первые грунтовые Т-образные катакомбы на могильнике Клин-Яр 3, связываемые с аланским населением [16, 273]. Как мы видим из карты, приведенной на рис. 4, оба этих памятника, отстоящих на 7 км друг от друга, расположены в среднем течение р. Подкумок на севере котловины. В непосредственной близости от Клин-Яра находится доследованный нами в 2014 г. комплекс из подкурганной Т-образной катакомбы могильника Волчьи Ворота. Южнее материалы IV в. присутствуют в захоронениях в катакомбах местных типов могильника Замковый 1 и в каменных гробницах могильников Высокогорный 1 и Конхуторский 3, очевидно, относящихся к субстратному населению Кисловодской котловины.

Примерно через одно-два поколения обряд захоронения в бескурганных катакомбах Т-образной формы становится доминирующим на территории Кисловодской котловины на протяжении нескольких сотен

лет. Причем характерно именно повсеместное распространение данного обряда. Если нанести на карту могильники с наиболее ранними комплексами этапа Iа и Iб хронологии погребений Кисловодской котловины (V в. н.э.) [29, 38-39; 30, 48], упоминаемые также в работе М. П. Абрамовой [27, 25-45], с добавлением новых, открытых в последнее время, погребений этого времени, то получается следующая картина (рис. 5). Достоверно материалы этого раннего этапа обнаружены в катакомбных захоронениях могильников Сан. им. Орджоникидзе, Георгиевское Плато 1, Сан. Наркомтяжпром, Отстойник и Задвижка (Кисловодское Озеро 1 и 2), Замковый 1, Мокрая Балка 1, Лермонтовская Скала 1 и 2, Острый Мыс 1, Волчьи Ворота, Клин-Яр 3, Березовский 2 и Хлораторный (Зеленогорский 1). Из приводимой на рис. 5 карты очевидно, что тринадцать наиболее ранних катакомбных могильников занимают центральную часть котловины и распространяются по основным долинам рек, примыкающих к Подкумку. Скорее всего, перед нами пути заселения Кисловодской котловины носителями катакомбного обряда погребения, связываемыми с аланами, от Подкумка вверх по течению его основных притоков. Однако находки V в. присутствовали в погребениях в каменных ящиках могильника Высокогорный 1 и Корсунка (№№ 98/99, 939) (тип захоронения последнего М. П. Абрамова также относит к ящикам, а не склепам [27, 29]), а также в гробнице на территории городища Уллу-Дорбунла (№ 903). Очевидно, что погребальные сооружения в виде каменных гробниц и ящиков располагаются на южной периферии котловины или

отстоят достаточно далеко на запад от места распространения катакомбного погребального обряда. Примечательно, что они тяготеют к долине Кубани, лежащей через перевал Гум-Баши от Кисловодской котловины, где данный погребальный обряд имеет широкое распространение. Это наблюдение подтверждает предположение В. А. Кузнецова о разных пропорциях в соотношении двух этнических компонентов — субстратного кавказского и суперстратного аланского — характерных для территории Кисловодской котловины (где преобладает суперстратный компонент) и лежащих к западу от нее областей (где доминирует субстратный) [31, 103].

В последующую эпоху VI-VII вв. (хронологические периоды Iв-Iд, IIа-IIб и IIIа-IIIб периодизации В. Ю. Малашева и И. О. Гавритухина — [29, 38-39; 30, 48]) возрастает количество катакомбных могильников с захоронениями в Т-образных усыпальницах и полностью исчезают погребения в каменных ящиках и гробницах (рис. 6, 7). На смену им приходят единичные погребения в каменных склепах, присутствие которых на территории катакомбных могильников или вблизи от них носит, скорее всего, социальный характер, что уже отмечалось исследователями [32, 247]. К середине VIII в. (период IIIв периодизации В. Ю. Малашева и И. О. Гавритухина) число катакомбных могильников резко сокращается, смещаясь из центра на периферию Кисловодской котловины (рис. 8), а их место занимают скальные захоронения.

Подведем итоги. Работами Кисловодской экспедиции был открыт ряд укреплений и поселений, связывае-

мых с ранним этапом аланской культуры и находящихся на вершине Боргустанского и Дарьинского хребта и на левом берегу р. Подкумок в его среднем течении. Высокая плотность расположения этих поселений говорит в пользу того, что все они составляли единую крупную агломерацию. Можно предположить достаточно плотное проживание здесь 1500-2000 человек, занимавших несколько укрепленных и ряд неукрепленных поселений, которые также могли играть роль своеобразного аланского «лимеса», маркирующего южную границу проживания данного населения на стыке степей и предгорий Северного Кавказа в эпоху, предшествующую гуннскому завоеванию. Свидетельством существования подобной пограничной системы является цепь укрепленных сигнально-сторожевых постов, занимающих южную кромку Боргустанского и Дарьинского хребтов [33]. Очевидно, рядовые поселения носителей аланской культуры располагались в глубине территорий к северу от этой кромки. К ним относится укрепление Боргустанские Горы 1, отстоящее от южной границы Боргустанского хребта на 5 км [33], а также обнаруженные нами в ходе рекогносцировочного осмотра 2012-2013 гг. укрепления Аслан 1 и 2 [9, 55-56] и Балка Соколова [10, 93-95], находящиеся к северу и северо-востоку от северных границ Кисловодской котловины на расстоянии 10-15 км. Очевидно, что основной ареал обитания алан в рассматриваемый период приходился на окрестности современного Пятигорска, которые необходимо более подробно обследовать для уточнения культурно-хронологических особенностей пребывания ранних алан в районе Кавказских Минеральных Вод.

К сожалению, степень изученности поселений раннего этапа аланской культуры в Кисловодской котловине не позволяет сделать каких-либо более глубоких выводов, за исключением того, что, скорее всего, высокая концентрация укрепленных поселений этого хронологического этапа отражает ситуацию первичного освоения новой территории аланским населением во враждебном или полувраждебном окружении. В результате первыми аланскими поселенцами основывается цепь пограничных крепостей на северных рубежах Кисловодской котловины, призванных контролировать окрестные ресурсные зоны, пути сообщения и пограничную территорию с инокультурным населением. Подобная ситуация, очевидно, возникла не позднее середины III в. н.э. и продолжалась до рубежа IV-V вв., когда появляются новые поселения во внутренних территориях изучаемого микрорегиона, а система расселения претерпевает значительные изменения. За короткий период практически все пространство Кисловодской котловины покрывается сетью каменных крепостей, служивших местом обитания небольших родственных коллективов и сопровождавшихся родовыми кладбищами в виде грунтовых могильников из Т-образных катакомб. Однако этот период остается за рамками настоящей публикации.

Примечания:

1. Цуциев А. А. Известия китайских письменных источников по ранней истории алан // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 34-43.

2. Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иристон, 1999.

3. Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009.

4. Туаллагов А. А. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.

5. Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015.

6. Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004.

7. Jegorov N. Gefässe von Juca // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. Vol. V. S. 49-51.

8. Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Y. Zilgi — Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age/Ed. par: M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 211-250.

9. Коробов Д. С. Отчет об археологических раскопках и разведке в окрестностях города Кисловодска в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера), 2013.

10. Коробов Д. С. Отчет об об археологических раскопках и разведке в окрестностях города Кисловодска в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 34761.

11. Коробов Д. С. Отчет об об археологических раскопках и разведке в окрестностях города Кисловодска в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера), 2014.

12. Березин Я. Б., Швырева А. К. Фауна поселения Энергетик II-IV вв. на Пятигорье (по данным раскопок 2001 года) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 208-217.

13. Березин Я. Б., Колесниченко К. Б. Хозяйственные ямы поселения Энергетик // Седьмые Прозрителевские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 22-23 ноября 2012 г. Ставрополь: Ставропольский гос. историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник, 2013. С. 154-155.

14. Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: ТАУС, 2013.

15. Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 120-135.

16. Малашев В. Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В. А. Башилова. М.: ТАУС, 2008. С. 265-283.

17. Березина Н. Я., Фризен С. Ю., Коробов Д. С. Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина) // Вестник антропологии. 2014. № 1 (27). С. 170-178.

18. Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Труды КЧНИИ ИЯЛ. Вып. V (серия историческая). Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. С. 132-260.

19. Коробов Д. С., Малашев В. Ю. Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 214-230.

20. Малашев В. Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии/Труды Клин-Ярской экспедиции. Т. II. Москва: Полимедиа, 2000.

21. Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). В 2-х томах. М.: Нестор-История, 2016. В печати.

22. Harrington S., Welch M. The archaeological evidence for state formation in southern England: a comparison of the early kingdoms of Kent, Sussex and Wessex // Transformations in North-Western Europe (AD 300-1000). Proceedings of the 60th Sachsensymposion 19.–23. September 2009 Maastricht. Stuttgart: Konrad Theiss, 2011. P. 149-158.

23. Peytremann E. Archéologie de l'habitat rural dans le Nord de la France du IVe au XIIe sciècle. Vol. 1. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 2003.

24. Steuer H. The Hierarchy of Alamannic Settlements in the Former Limes Region of South-Western Germany to AD 500 // Journal of European Archaeology. 1994. Vol. 2 (1). P. 82-96.

25. Quast D. Die frühalamannische und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach/Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 84. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2006.

26. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987.

27. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. М.: ИА РАН, 1997.

28. Коробов Д.С. Погребальный комплекс начала III в. н.э. из Кисловодской котловины // РА. 2010. № 1. С. 138-148.

29. Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001.

30. Гавритухин И.О. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. С. 40-49.

31. Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014.

32. Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 232-247.

33. Коробов Д.С. Укрепления эпохи раннего средневековья на Боргустанском хребте близ Кисловодска // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 1 (27). С. 560-593.

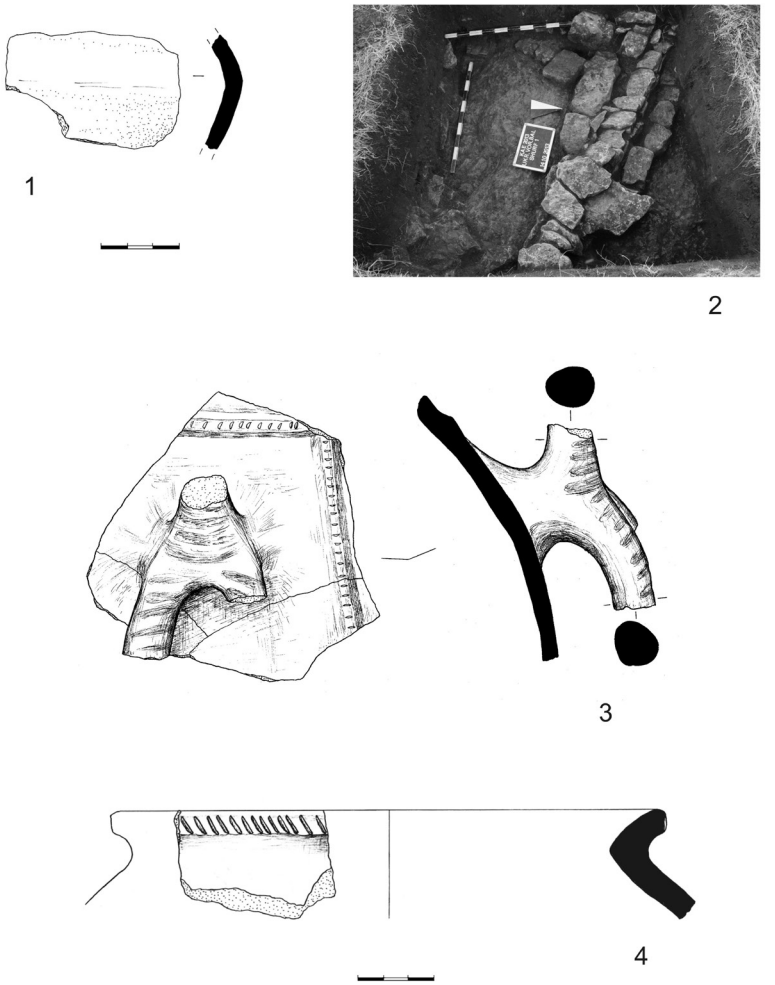


Рис. 1. Находки на укреплениях раннего этапа аланской культуры в Кисловодской котловине: 1 — Боргустанское 1; 2, 4 — Воровские Балки 4; 3 — Боргустанское 2. 1, 3, 4 — фрагменты сосудов; 2 — вид с востока на каменную стенку в шурфе 1 на уровне материка.

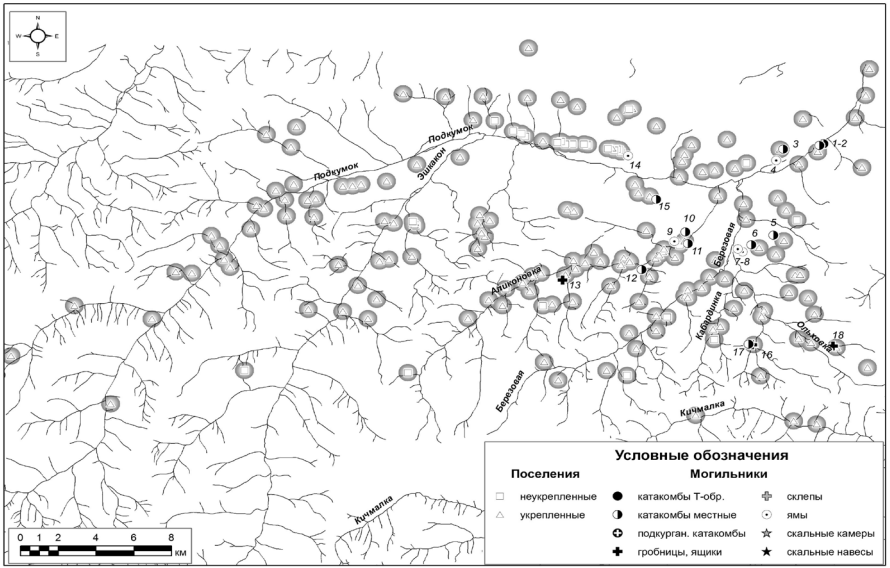


Рис. 2. Могильники Кисловодской котловины с некатакомбными захоронениями I-III вв. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1, 2 — Подкумский 1 и 2; 3 — Острый Мыс 1; 4 — Граничый; 5 — Буденновская Слобода; 6 — Церковная Горка; 7 — Аэрофлот; 8 — Театральный; 9 — Развилка; 10 — Директорская Горка; 11 — Мачты; 12 — Замковый 1; 13 — Конхуторский 3; 14 — Мирный 3; 15 — Клин-Яр 3; 16, 17 — Высокогорный 1 и 4; 18 — Султан-Гора 2

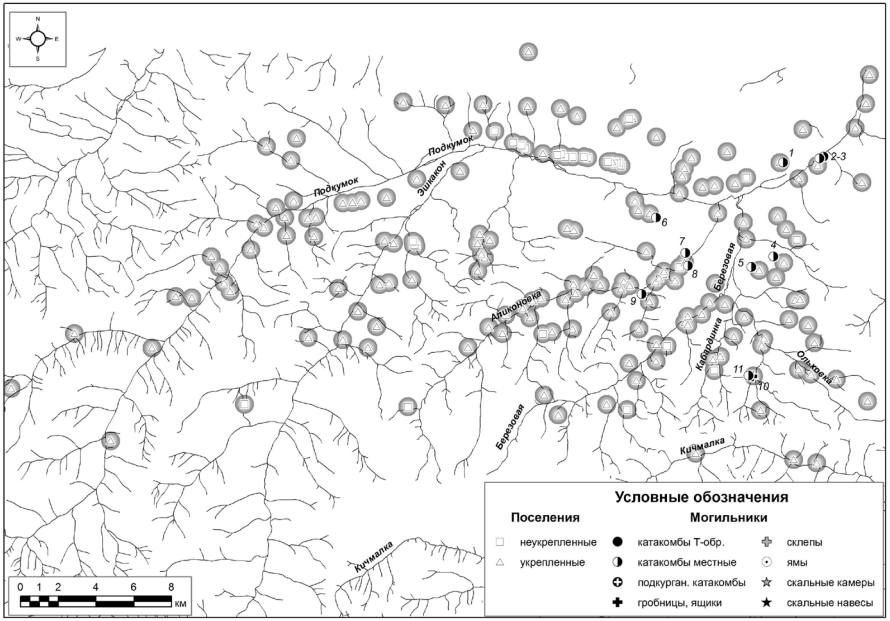


Рис. 3. Могильники Кисловодской котловины с захоронениями III в. н.э. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1 — Острый Мыс 1; 2, 3 — Подкумский 1 и 2; 4 — Буденновская Слобода; 5 — Церковная Горка; 6 — Клин-Яр 3; 7 — Директорская Горка; 8 — Мачты; 9 — Замковый 1; 10, 11 — Высокогорный 1 и 4

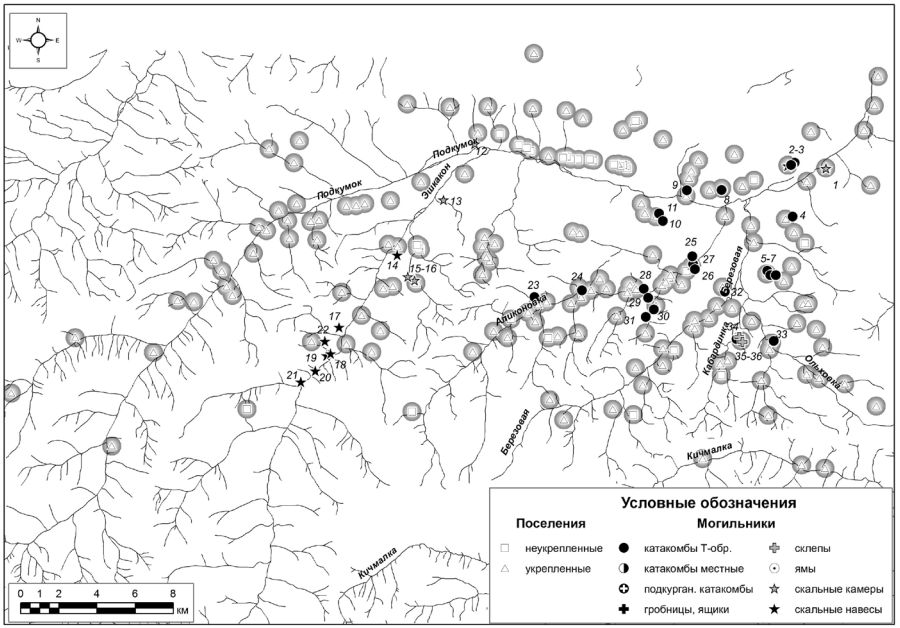


Рис. 4. Могильники Кисловодской котловины с захоронениями IV в. н.э. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1 — Левоподкумский 1; 2 — Волчьи Ворота; 3 — Клин-Яр 3; 4 — Конхуторский 3; 5 — Замковый 1; 6 — Высокогорный 1

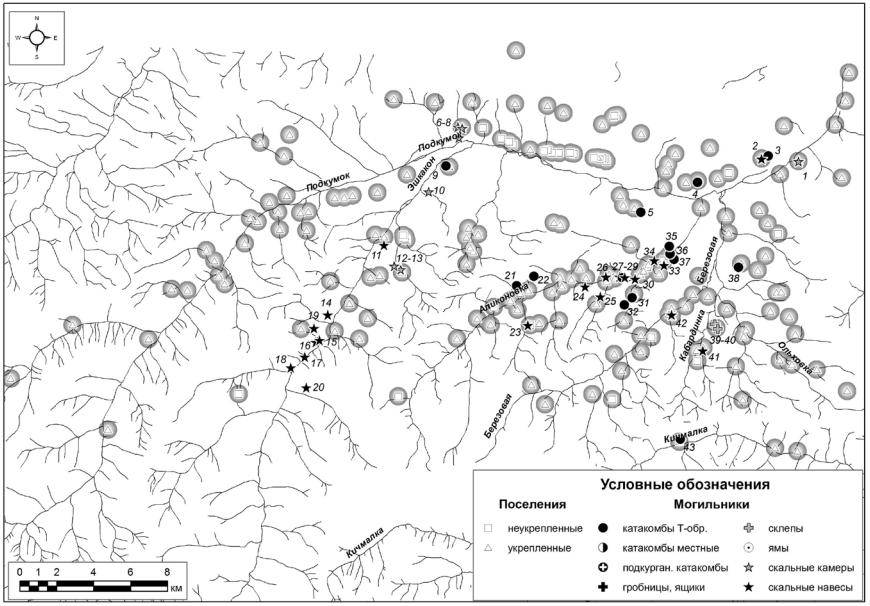


Рис. 5. Могильники Кисловодской котловины с захоронениями V в. н.э. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1 — Острый Мыс 1; 2 — Уллу-Дорбунла; 3 — Корсунский; 4 — Волчьи Ворота; 5 — Клин-Яр 3; 6 — Отстойник 1, Задвижка; 7 — Хлораторный; 8 — Замковый 1; 9 — Мокрая Балка 1; 10-12 — Сан.им. Орджоникидзе, Сан. Наркомтяжпром, Георгиевское Плато; 13 — Березовский 2; 14, 15 — Лермонтовская Скала 1 и 2; 16 — Высокогорный 1

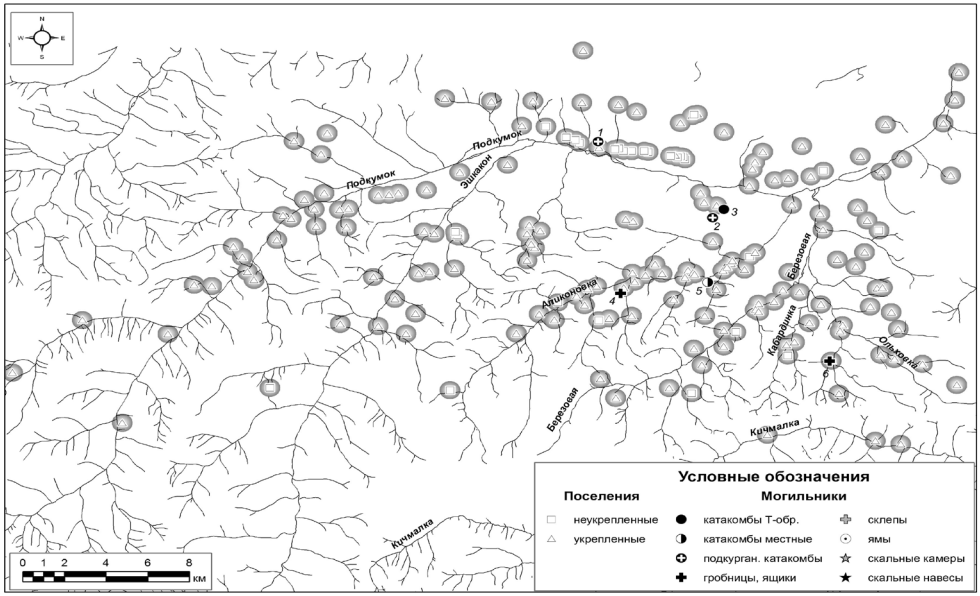


Рис. 6. Могильники Кисловодской котловины с захоронениями VI в. н.э. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1 — Острый Мыс 1; 2 — Аланская Крепость; 3 — Мирный 2; 4 — Клин-Яр 3; 5 — Отстойник 1; 6-8 — Сан.им. Орджоникидзе, Сан. Наркомтяжпром, Георгиевское Плато; 9 — Мокрая Балка 1; 10 — Конхуторский 2; 11 — Нарт-Башинский 1; 12 — Березовский 2; 13 — Кугульский Западный; 14 — Кугульский 1; 15 — Лермонтовская Скала 1

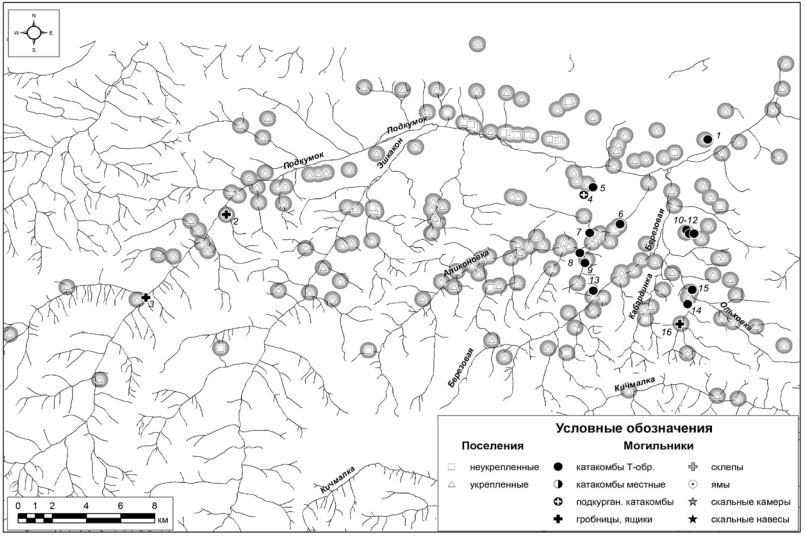


Рис. 7. Могильники Кисловодской котловины с захоронениями VII в. н.э. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1 — Тихий Уголок; 2, 3 — Острый Мыс 1 и 2; 4 — Ясли; 5-7 — Сан. им. Орджоникидзе, Сан. Наркомтяжпром, Георгиевское Плато; 8 — Аланская Крепость 1 и 2; 9 — Мирный 2; 10-11 — Клин-Яр 3 и 4; 12 — Джагинский 1; 13 — Учкекенский 1; 14 — Эшкаконский 24; 15-16 — Ниязбековский 1 и 2; 17-22 — Эшкаконский 1-6; 23 — Нарт-Башинский 1; 24 — Конхуторский 2; 25 — Отстойник 1; 26 — Мачты; 27 — Директорская Горка; 28 — Катыхинский 1; 29 — Замковый 1; 30, 31 — Мокрая Балка 1 и 2; 32 — Бермамытский 1; 33– Лермонтовская Скала 2; 34 — Кугульский 1; 35, 36 — Кугульский Западный и Восточный

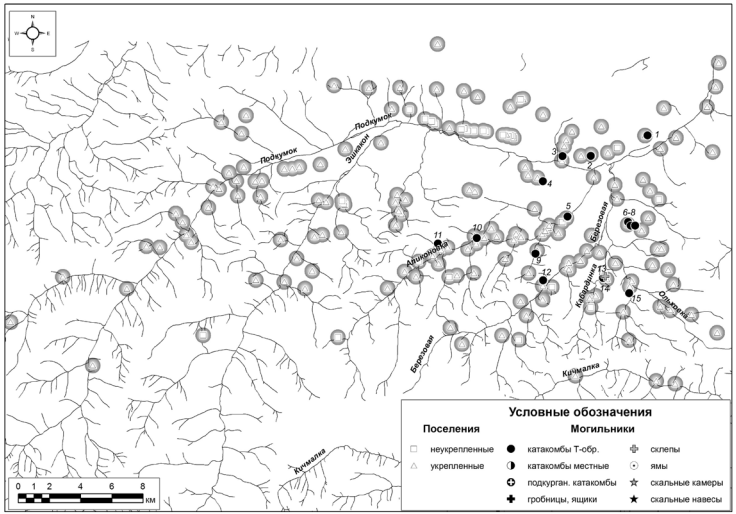


Рис. 8. Могильники Кисловодской котловины с захоронениями VIII в. н.э. и их соотношение с поселениями I тыс. н.э. (серым цветом обозначены буферные зоны радиусом 500 м). Цифрами обозначены могильники: 1 — Тихий Уголок; 2 — Острый Мыс 1; 3 — Острый Мыс; 4 — Аланская Крепость 2; 5 — Клин-Яр 3; 6-8 — Джагинский 1-3; 9 — Рим-Гора 2; 10 — Учкекенский 1; 11 — Эшкаконский 24; 12-13 — Ниязбековский 1 и 2; 14-19 — Эшкаконский 1-6; 20 — Эшкаконский 11; 21 — Нарт-Башинский 1; 22 — Указатель; 23 — Эчкиваш; 24 — Катыхинский 2а; 25 — Катыхинский 4; 26 — Катыхинский 2б; 27-29 — Катыхинский 1 и 3; 30 — Замковый 1; 31, 32 — Мокрая Балка 1 и 2; 33 — Митькин Кутан; 34 — У моста через Аликоновку; 35 — Директорская Горка; 36 — Отстойник 1; 37 — Луначарка; 38 — Проспект Ленина; 39, 40 — Кугульский Западный и Восточный; 41 — Кабардинка; 42 — Мосейкин Мыс 1; 43 — Кич-Малка

Т. А. Габуев,
кин, зав. отделом
Государственный музей искусства народов Востока
(г. Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА БРУТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В IV-V В. Н. Э.

Аннотация. *К Брутскому аланскому городищу в Северной Осетии относятся два могильника Брут 1 и Брут 2. Они датируются от рубежа IV-V в. до рубежа V-VI в. Анализ материала позволил на каждом памятнике выделить социальные группы. В Бруте 1: 1 — погребения «царей», 2 — погребения воинской аристократии, 3 — рядовые воины. В Бруте 2: 1 — богатые; 2 — бедные. Различие между Брут 1 и Брут 2 носят не только и не столько социальный характер — бедные и богатые. Они скорее всего разделяются по признаку родовой или племенной принадлежности. И это при том, что и те, и другие аланы.*

Ключевые слова: *аланы, Брут, Моздок, курганы, катакомбы, социальная стратификация.*

The Alan fortified settlement of Brut in Northern Ossetia includes two burial sites, Brut 1 and Brut 2. It dates between the transitions of the IV-V and the V-VI centuries AD. The analysis of material at each site enables classification into social groups. Brut 1: 1 — 'royal'burials, 2 — burials of the warrior aristocracy, 3 — common warriors. Brut 2: 1 — wealthy class; 2 — poor class. The disparity between the Brut 1 and Brut 2 sites is not only of social character, i.e. poor vs. wealthy. Instead, these sites are divided by a number of ancestral and tribal affiliations, an observation which holds true when dealing with these or other Alans.

Keywords: *Alans, Brut, Mozdok, kurgans, catacombs, social stratification*

Одним из памятников ранних алан является Брутское городище в Северной Осетии и принадлежащие ему катакомбные могильники. Могильник Брут 2 рас-

положен непосредственно у городища и содержал подкурганные катакомбы с ровиками, но без выраженных насыпей и грунтовые катакомбы, датированные с середины II в. н.э. до рубежа VI-VII в. [1]. Второй могильник — Брут 1 находится в 2-3 км к юго-юго-востоку от городища и могильника Брут 2 и относится ко времени от рубежа IV-V в. до рубежа V-VI в. Он состоит из двух памятников — курганного катакомбного могильника, в котором катакомбы фиксировались под видимыми насыпями, но не имели ровиков, и грунтового катакомбного могильника.

На могильнике Брут 2 имеются несколько погребений синхронных погребениям Брута 1, это катакомбы в курганах №№ 9, 15 и шесть грунтовых катакомб (№№ I, II, XXI, XXII, XXIII, XXIX). В данной статье будет предпринята попытка установления социальной стратификация аланского населения городища Брут для периода существования могильника Брут 1.

На могильнике Брут 1 в 1969 г. М.П. Абрамовой были раскопаны 2 кургана с катакомбами и 5 катакомб грунтового могильника V в. н.э. [2], 1975), а экспедицией Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ, Москва) с 1989 г. по 2011 г. было раскопано 23 кургана [3][1]. Из них 21 курган (№ 2-21, 23) — аланские и относятся ко времени от рубежа IV-V в. до рубежа V-VI в. Рубежом V-VI в. можно датировать и подкурганную катакомбу, раскопанную В.Л. Ростуновым в 1996 г. [4]. Выявлению наиболее богатых, «княжеских» погребений среди этих захоронений по четырем вы-

[1]Руководитель Т.А. Габуев. Курганы № 2-14 опубликованы [3], курганы № 15-23 готовятся к изданию.

деленным хронлогическим периодам была посвящена статья Т. А. Габуева [5]. Первый период (рубеж IV-V в.) представлен единственным курганом № 13, что не позволяет давать ему социальную оценку. Второй период (1-я пол. V в.) представлен рядом погребений, среди которых, выделяются курганы № 6 и № 7. Среди курганов третьего периода (сер. V в.) выделяется курган № 2. Этот курган самый богатый и его можно рассматривать как погребение «царя». В четвертом периоде (рубеж V-VI в.) установить иерархию между курганом № 21 и курганом, раскопанным В. Л. Ростуновым в 1996 г. у с. Брут затруднительно. Они хотя и принадлежат к одному периоду, но не обязательно должны быть синхронными.

Следуем иметь в виду, что все погребения могильника Брут 1 были ограблены в древности. Критерием же для выявления этих самых элитных комплексов послужило сочетание двух признаков: 1 — наличие в погребениях изделий из золота и серебра, 2 — размеры и глубина залегания катакомб, а также размеры насыпи т.е. чем больше труда затрачено на создание погребения, то тем выше социальный статус погребенного.

Если говорить о социальном статусе погребенных в остальных курганах могильника Брут 1, то надо иметь в виду, что несмотря на ограбленность, из всех курганов, раскопанных экспедицией ГМИНВ, пятнадцать содержали изделия из золота и серебра, и только шесть курганов драгоценных находок не имели. Беднее выглядят грунтовые катакомбы могильника Брут 1. В них иногда имелись серебряные вещи [1, 291, рис. 125, *1-7*], но отсутствовали изделия из золота. Кроме того, они

уступают в размерах катакомбам подкурганным. Наличие клинкового оружия и воинского снаряжения, а также отсутствие женских вещей во всех погребениях могильника Брут 1 позволяет предположить, что это было кладбище аланской воинской элиты. Мы можем выделить три группы погребений: 1 — погребения, если исходить из письменной традиции, описывающей Северный Кавказ, «царей» (самые богатые и трудоемкие курганы), 2 — погребения аланской воинской аристократии (все остальные курганы), 3 — рядовые воины (грунтовые катакомбы).

На грунтовом и курганном могильниках Брут 1 конструкции катакомб идентичны. Схожи с ними и подкурганные катакомбы с ровиками №№ 9 и 15 на могильнике Брут 2 [1, С. 199-200, рис. 33-34; с. 222, рис. 56-57]. Но несколько отличаются от этой группы грунтовые катакомбы из Брута 2. Они имеют небольшие размеры, небольшую глубину залегания и малое количество ступеней (за исключением погребения XXXIII) или не имеют их вовсе, кроме того, они небрежно сделаны [1, С. 265-269, рис. 99-103; с. 277-283, рис. 111-117; с. 284-285, 287, рис. 118-119, 121], в то время, как катакомбы из могильника Брут 1 (как подкурганные, так и грунтовые) и катакомбы в курганах №№ 9 и 15 на могильнике Брут 2 больших размеров с большим количеством ступеней и отличаются тщательностью отделки. Т.о. грунтовые катакомбы могильника Брута 2 выглядят более примитивно по сравнению с катакомбами, в том числе и грунтовыми, могильника Брут 1. Труда на их сооружение было затрачено немного.

На могильнике Брут 2 в грабленых курганах №№ 9

и 15 имелись изделия из серебра [1, С. 201, рис. 34, *3-6, 10-12, 15*; с. 224, рис. 58, *1-6*]. Драгоценных предметов в грунтовых погребениях могильника Брут 2 не зафиксировано, хотя пять из шести погребений (№№ I, XXI, XXII, XXIII, XXIX) ограблены не были. Эти погребения отличаются существенной скудностью погребального инвентаря, вне зависимости от наличия в них драгоценных предметов. Таким образом, население оставившее могильник Брут 2 можно разделить на две социальные группы: 1 — богатые, захороненные в курганах с ровиками; 2 — бедные, захороненные в грунтовых катакомбах.

Как мы видим, и в могильнике Брут 1 и в могильнике Брут 2 имеются богатые и бедные погребения, но соотнесение между собой одних бедных с другими бедными и одних богатых с другими богатыми неодинаково. Если бедные в Бруте 2, самые бедные, то бедные в грунтовых катакомбах могильника Брут 1 имеют изделия из серебра. Если богатые в Бруте 2 имеют только серебро, то богатые в Бруте 1 имеют и серебро, и золото, а иногда, очень много. Я имею в виду тайники курганов №№ 2 и 7, где в тайниках было зафиксировано много драгоценных предметов.

Итак, весь массив катакомб городища Брут рассматриваемого времени социально делится на две группы, каждая из которых делится еще на подгруппы. Если могильник Брут 2 можно считать кладбищем для горожан, которые делились на бедных и богатых, то могильник Брут 1 являлся местом погребения аланской элиты, которое можно характеризовать как кладбище аланских правителей и, возможно, их дружины со сво-

ей стратификацией. Все сказанное могло бы позволить считать Брут 1 просто элитным участком могильника всего населения Брутского городища для конкретного отрезка времени, как это делает, полемизируя со мной, В.Ю. Малашев [1, 155]. Однако вывод этот, на мой взгляд, верен только отчасти. Есть некоторые наблюдения, которые не позволяют считать вопрос окончательно решенным именно таким образом.

О могильнике Брут 2 мы можем судить только по тем участкам, которые были раскопаны. Но мы ничего не знаем, что может быть найдено на этом же поле (всего несколько сот метров к северу) в курганах, имеющих насыпи, превышающие 1 м. Дело в том, что на могильнике Беслан, но для более раннего времени, имелись катакомбы подкурганные с ровиками, размеры насыпи которых были значительными, как и размеры самих погребальных сооружений, а также имелось большое количество драгоценного инвентаря [6].

О могильнике Брут 1, мы так же не имеем всей информации и в первую очередь о грунтовом могильнике. Что касается курганов Брут 1, то вывод о захоронении только социальной элиты, пока преждевременен. Обращают на себя внимание курганы из этой группы, которые не имели существенных размеров и имели небольшие по сравнению с остальными курганами этой группы, размеры самих катакомб. Это в первую очередь курганы 19 и 20. Они имели небольшую глубину залегания и очень скудный инвентарь. Катакомбы этих курганов уступают по размерам, глубине и инвентарю, синхронным им курганам (№№ 9, 15) из могильника Брут 2. Т.е. соотнесение двух могильников одного как

кладбища социальной верхушки, а другого как кладбища рядовых горожан, не выглядит абсолютно убедительным.

Существенным отличием в погребальном обряде могильников Брут 1 и Брут 2 является, как уже указывалось, наличие или отсутствие ровиков.

В статье, посвященной предварительным итогам работ на могильнике Брут 2 [7], мы касались вопроса о ровиках и причину их появления объясняли некоторыми техническими потребностями. Насыпь кургана с ровиками создавалась из грунта, выбранного из камеры катакомбы и из этих ровиков, что, в свою очередь объяснялось высокой плотностью могильника и отсутствием свободных земельных ресурсов около городища для создания высокой насыпи. При этом отсутствие ровиков около курганов в таких памятниках Среднего Затеречья как Братское [8], Октябрьское [2], Виноградное [9], объяснялось или недостаточным вскрытием площади вокруг курганов, или небольшой глубиной их залегания, или их отсутствием [7, 465].

В настоящее время, основываясь на опыте работ на курганах могильников Брут 1 и Пегушин 1[1], а также курганах у Киевского городища в Моздокском районе [10], я склонен считать, что вышеуказанные курганные могильники Затеречья ровиков вокруг курганов не имели. Анализ всего массива подкурганных катакомб приводит к заключению, что наличие перемычек у ровиков и их строгий геометризм позволяют говорить о них не как о технической особенности, вызванной ма-

[1] Раскопки Т. А. Габуева в 2006-2007 годах. Материал не опубликован, готовится к изданию.

лоземельем, а как о значимом элементе погребального обряда, который, в свою очередь, отдаляет друг от друга группы курганов с ровиками и без.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере двух могильников — Брут 1 и Брут 2 в Северной Осетии, с одной стороны, и Пегушин 1 в Ставрополье — с другой. Памятники Брут 1 и Брут 2, являясь могильниками Брутского городища, территориально занимают разное положение относительно него. Если Брут 2 расположен непосредственно у городища, буквально примыкая к нему, то Брут 1 находится на расстоянии нескольких километров к югу от него, и пространство это наблюдаемыми насыпями курганов не заполнено. Как было установлено, курганы без ровиков богаче, чем курганы с ровиками.

Что касается могильника Пегушин 1, то на этом памятнике также имеется городище, к которому вплотную примыкает могильник, содержащий катакомбы в курганах с ровиками и грунтовые катакомбы. Датируется этот участок могильника III-V вв. н.э. Несколько обособленно, но на меньшем расстоянии, чем в Бруте, расположен курганный катакомбный могильник с настоящими насыпями без ровиков, относящийся к гуннскому времени. Речь пойдет только об этом периоде. Все катакомбы ограблены. При этом курганы с настоящими насыпями без ровиков (№ 1-3) по составу инвентаря, выглядят социально менее значимыми, чем курганы с ровиками. Особым богатством отличается курган № 8 с ровиками. Набор погребального инвентаря в нем содержит изделие из золота и вставки из полудрагоценных камней, тогда как инвентарь из курга-

нов без ровиков исключительно беден. Т.е. ситуация в Пегушине 1 существенно отличается от Брута, и богатство, указывающее на принадлежность к социальной элите данного сообщества, распределено ровно наоборот, чем в Бруте. Возможно, здесь мы сталкиваемся не столько с социальными различиями — бедные и богатые, а и с различиями другого характера. Скорее всего этнополитического.

Исходя из выше сказанного, можно представить иной вариант объяснения этой сложной ситуации чем просто бедные и богатые. Могильники Брут 1 и Брут 2 (как и два разных участка могильника Пегушин 1) принадлежали разным этнополитическим группам населения. На протяжении всего времени (с середины II в., а возможно и ранее) на Брутском городище проживало население, оставившее могильник Брут 2, а позже появилось население, оставившее Брут 1, вступив с первыми в какие-то политические отношения и не обязательно антагонистические. Это не обязательно указывает на существенное этническое различие между ними. Мы просто фиксируем разницу на уровне «мы» и «они».

Памятниками, которые бы предшествовали курганам без ровиков могильника Брут 1 предположительно можно считать курганные могильники Моздока и прилегающих территорий Среднего Затеречья (Братское, Виноградное, Октябрьское, Киевское), которые датируется с середины III в. до V в. Они не только не имеют ровиков вокруг катакомб, как и курганы могильника Брут 1, но имеют широтную ориентировку входных ям катакомб, как и самая ранняя (кон. IV — нач. V в.) катакомба из кургана № 13 на могильнике Брут 1, тогда

как входные ямы курганов с ровиками (Брут 2, Беслан) имели ориентировку меридиональную, как и поздние курганы могильника Брут 1. В то же время раскопанные мною в 2012 г. курганы с катакомбами у с. Киевское около Моздока не отличались ни богатством, ни внушительными размерами. Вероятно, они принадлежали рядовому аланскому населению. Этот факт, как и то, что в районе Моздока аланских курганов с ровиками не было обнаружено, делает его отличным от района Брут-Беслан и позволяет предположить, что население, оставившее курганы Брута 1, могло прийти туда из района Моздока несколько позже, чем то, которое оставило могильники Брут 2 и Беслан.

Что касается всего Центрального Предкавказья, то, на мойвзгляд, ситуация здесь могла складывайся следующим образом. Первоначально (до сер. II в. н.э.) здесь появляется население, принесшее курганы с ровиками и катакомбами. Были ли еще какие-либо другие формы погребений, нам неизвестно. Эта волна алан продвинулась максимально на юг, практически до устья Дарьяльского прохода, вступив во взаимодействие с местным населением, также имеющим эту погребальную конструкцию. В местном населении я вижу тех, кто оставил такие грунтовые могильники с катакомбами как Нижний Джулат [11], Чегем [12], Заманкул [13], [14]. Эта вновь образуемая этническая общность оставила могильники типа Беслан и Брут 2. За этой волной алан приходит следующая — носители катакомб под курганами, но без ровиков. Обосновавшись первоначально на севере Среднего Затеречья (2-я половина III-IV в.) группировка алан продвинулась на юг вступив во взаи-

модействие или даже установив свое верховенство над аланами первой волны миграции (могильники: Беслан и Брут 2).

Эта схема не более чем гипотеза, как ее вариант можно предположить, что на Кавказ носители подкурганного обряда с ровиками и без ровиков проникли одновременно и расселились по разным территориям или даже на одних и тех же, но оставили разные участки могильников относительно близлежащих городищ.

По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с двумя различающимися группами населения. И различающимися не столько по социальному признаку (бедные и богатые), сколько по признаку родовой или племенной принадлежности. И это при том, что и те, и другие аланы.

Примечания:

1. Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС. 2009. 468 с. (МИАР; № 11.)

2. Абрамова М. П. Катакомбные погребения IV-V вв. из Северного Кавказа // СА. № 1. 1975. С. 213-233.

3. Габуев Т. А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева». 2014.184 с.

4. Туаллагов А. А. Раннеаланский период на территории современной Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2/Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ им. В. И. Абаева. 2007. С. 61-108.

5. Габуев Т. А.. " Княжеские» аланские курганы на Верхнем Тереке (Брут, Беслан) // КСИА. № 234. 2014. С. 84-94.

6. Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю. Бесланский археологиче-

ский комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988-2014 гг.). Владикавказ: Проект-Пресс. 2015. 112 с., ил. (Алано-Кавказская библиотека)

7. Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Элементы погребального обряда Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой/Отв. ред. тома В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. М.: ИА РАН. 2007. С. 458-471. (МИАР; № 8.)

8. Мунчаев Р. М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. № 2. 1965. С. 174-184.

9. Габуев Т. А. Аланские погребения IV в. из Северной Осетии // СА. № 2. 1985. С. 197-204.

10. Габуев Т. А. Аланские курганы у Киевского городища в Моздокском районе Северной Осетии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. — М.: ИА РАН. 2014. С. 229-230.

11. Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: «Эльбрус». 1972. 76 с.

12. Керефов Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2/Под ред. М. П. Абрамовой и В. И. Козенковой. Нальчик: «Эльбрус». 1985. С. 135-259.

13. Ростунов В. Л. Отчет о раскопках курганов у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17880, 17881. 1993.

14. Ростунов В. Л. Отчет о доисследовании кургана № 2 у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18412, 18413. 1994.

З. Х. Албегова (Царикаева),
кин, нс
П. С. Успенский,
кин, нс
Институт археологии РАН
(г. Москва)

ФИБУЛЫ ДАРГАВССКОГО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993-2009 гг.)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию морфологии и хронологии 37 фибул раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры Даргавс. Авторами выделено 4 типа фибул, относящихся к разным хронологическим периодам. В целом, фибулы Даргавса датируются VII — первой половиной IX столетия, однако, отдельные экземпляры были зафиксированы в погребениях второй половины IX- первой половины X века.*

Ключевые слова: *аланская культура, раннее средневековье, кавказские фибулы, хронология.*

The article is devoted to morphology and chronology of 37 fibulas from Dargavs earlymedieval catacomb cemetery of Alanic culture research. The authors divided the fibulas into 4 types, which belonged to different chronological periods. The fibulas of Dargavs refer to VII — first half of IX century in general. However, some exemplars were fixed in the burials of the second half of IX century and first half of X century.

Keywords: *Alanic culture, early middle ages, Caucasian fibulas, chronology*

Даргавсский катакомбный могильник, раскопки которого более 20-ти лет ведет Р. Г. Дзаттиаты, один из немногих систематически исследуемых длительно существовавших памятников аланской культуры Северного Кавказа. Значение полученных материалов для разработки хронологии раннесредневековых древностей ре-

гиона трудно переоценить. В настоящий момент перед исследователями стоит задача изучить отдельные категории вещей могильника и постараться разработать дробную датировку катакомбам.

Целью данной работы является анализ представительной серии фибул из катакомб могильника Даргавс, где выявлено 22 разновременных комплекса с этой категорией вещей (рис. 1, 2). По особенностям своей морфологии все фибулы могильника, за исключением одной пружинной, относятся к шарнирным. Даргавсские фибулы являются ярким примером раннесредневековой моды в регионе, при том, что их генезис, прямо или косвенно связан с позднеантичным влиянием, они характерны исключительно для Кавказа, а со второй половины VIII в. с миграцией катакомбного обряда погребения аланской культуры в бассейн Среднего Дона появляются и на этой территории.

Работая над статьей, мы пользовались в основном иллюстрациями из монографии Р.Г. Дзаттиаты «Аланские древности Даргавса» [1], опубликованной в 2014 г., ряд фибул удалось отрисовать непосредственно в фондах Национального музея Республики Северная Осетия-Алания, где хранятся материалы раскопок Р.Г. Дзаттиаты. К сожалению, так как в настоящее время фонды музея в состоянии переезда, то часть их была недоступна[1].

Первая попытка классификация фибул Юга России была предпринята А.К. Амброзом. В исследова-

[1] Пользуясь случаем, выражаем благодарность Р.Г. Дзаттиаты за возможность использовать материалы раскопок Даргавса, директору Национального музея Л.Х. Сохиевой и сотрудникам музея Э.С. Кантемирову и А.Ф. Огиенко за оказание максимально возможной помощи при работе с музейными коллекциями.

нии «Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.» он охарактеризовал фибулы подобные даргавсским как двучленные шарнирные кавказские фибулы. Первично наметив две группы этих фибул (о выделенных группах мы скажем ниже), А. К. Амброз [2, с. 46, 75, Табл. 6, *3-9*; Табл. 13, *9*] подробно их не рассматривал. Позднее специально к этой теме обращался И. О. Гавритухин [3; 4; 5]. Он выделил и исследовал отдельные серии фибул, ранее включенные А. К. Амброзом в генерализованные группы.

Железные шарнирные фибулы II-III вв., найденные при раскопках Брутского могильника, морфологически близкие железным даргавсским фибулам, хотя и заметно отстоящие от них по времени, рассматривали Т. А. Габуев и В. Ю. Малашев [6, с. 131-134]. Фибулы конца IV — середины VI в. описаны в монографии А. В. Мастыковой [7, с. 43-46].

Как уже говорилось, из 78 опубликованных в монографии Р. Г. Дзаттиаты катакомб, фибулы были обнаружены в 22. Всего найдено 37 экземпляров, которые можно разделить на четыре типа.

Тип 1 (7 экземпляров из катакомб №№ 12, 21, 27, 59, 75) (рис. 1, *4-10*). Т-образные шарнирные фибулы с дуговидной спинкой, тремя кнопками у расширяющейся головки, плоской короткой заоваленой или ромбической ножкой, коротким пластинчатым приемником. По классификации А. К. Амброза они относятся к Серии II, Группе 19 [2, с. 75, табл. 13, *9*].

А. К. Амброз связывал их возникновение с влиянием импортных провинциальных фибул, датировал их периодом не ранее VI в. и отмечал, что Т-образные фибу-

лы наиболее распространены с VI по VIII в., до времени бытования салтово-маяцкой культуры включительно. Позднее, в 1998 г. И. О. Гавритухин и В. Ю. Малашев в своей статье указывали, что Т-образные фибулы с ромбической ножкой известны с периода 1д (вторая половина VI, не исключая начала VII в.), хотя встречаются крайне редко [3, с. 64, 67, 80]. Еще позднее, в публикации 2010 г., И. О. Гавритухин опустил нижнюю дату этих фибул, указав весь VI [5, с. 411]. Аналогии фибулам типа 1 представлены рядом образцом с могильников Чми, Суаргом, единично они известны на территории Кисловодской котловины и Кабардино-Балкарии [5, с. 411]. В Чми подобные фибулы обнаружены в погребениях периодов 2 и 3 (конец VII-VIII в.), согласно периодизации этого некрополя, разработанной И. О. Гавритухиным и А. М. Обломским [8, с. 79-81, рис. 83]. В целом, широкое распространение фибул типа 1 приходится на вторую половину VII в. — VIII в. [3, с. 64, 67, 80].

Следуя за А. К. Амброзом, И. О. Гавритухин высказал предположение, что северокавказские шарнирные фибулы связаны с античными традициями, уточнив, что влияние традиций, скорее всего, распространялось из Закавказья. Закавказские импульсы могли способствовать возникновению в VII в. и формированию локальной традиции на Северном Кавказе [5, с. 411]. Большинство катакомб Мокрой Балки 1 с этими фибулами (за исключением более ранней катакомбы № 61) датируются Г. Е. Афанасьевым второй четвертью VII — первой половиной VIII в. [9], что соответствует 3 и 4 этапам существования некрополя Мокрой Балки 1 [9, с. 237]. Однако, материалы этого могильника не отража-

ют весь период бытования таких фибул, хотя, по мнению В. Б. Ковалевской, на памятнике есть погребения и IX в. [10, с. 155, 159, 332, рис. 100].

О том, что время существования фибул типа 1 может заходить и в IX в. говорят их находки в погребениях Среднего Дона, например, в катакомбах №№ 26, 119 Дмитриевского могильника [11, с. 112, рис. 59]. Обе катакомбы С. А. Плетнева датирует промежуточным периодом существования могильника (многие исследователи считают, что датировка Дмитриевского могильника нуждается в корректировке). Известны они и в погребениях Маяцкого селища (катакомба № 18) IX в. [12, с. 48, рис. 20, 9; 13, с. 182, рис. 70, Ц, с. 194].

Основная масса опубликованных находок фибул этого типа на сегодняшний день происходит с территории Северной Осетии из могильников Чми, Балты [5, с. 423; 14], Рутхи [15, Табл. CIV, *9*] (З. П. Кадзаевой готовится к печати большая серия подобных застежек из Садона), а также Кисловодской котловины Ставропольского края (могильники Мокрая Балка 1, Конхуторский, Клин-Яр 3) [9; 16, рис. 5, *17*; 17, рис. 32, *10*]. Отдельные находки происходят из Кабардино-Балкарии (Песчанка, катакомба № 3; Тызыл, покупка 1928 г.) [18, с. 127, рис. 10; 19, рис. 29, *1, 2*], Карачаево-Черкесии (Гиляч) [20, рис. 14, *10*], Южного Кавказа (Квемо-Алеви, Мцхета, Самтавро) [21, Табл. XXX; по 2, с. 75; 4; 22, Табл. II], Абхазии (с. Куланурхва) [по 23, с.36, *17*]. Оригинальные, но наиболее близкие находки из Чечни также можно привлечь в качестве параллелей [24, с. 19, рис. 6, *11*].

Этот далеко не полный список находок грубо очерчивает их ареал на Кавказе. В настоящий момент место

наибольшей концентрации этих фибул локализуется на территории Центрального Кавказа.

В рамках Типа 1 фибул Даргавса по **профилировке спинки** выделяется **два подтипа**. На особенности профилировки спинки как на хронологический репер обратил внимание И. О. Гавритухин [5, с. 412, 414]. Так, у поздних фибул этого типа, найденных в погребениях салтово-маяцкой культуры [11, рис. 59], спинки выгнуты слабее, чем у более ранних кавказских, иногда пик прогиба сдвинут ближе к ножке. Спинки ранних фибул более выпуклые и имеют форму близкую к полуциркульной, а иногда пик прогиба расположен ближе к головке. Начало изменения прогиба спинки И. О. Гавритухин относит к периоду 2 Чми (конец VII — первая половина VIII в.).

В Даргавсском катакомбном могильнике бронзовые фибулы этого подтипа (с тенденцией к смягчению прогиба и сдвигания его пика к ножке) найдены в катакомбах №№ 27, 59, 75 (рис. 1, *4-8*). К подтипу фибул с выраженной профилировкой спинки следует отнести экземпляры из катакомб №№ 12 и 21 Даргавса (рис. 1, *9, 10*). Они могут представлять материалы уходящие в VII в. в указанных катакомбах. Если катакомба № 21 одиночная, то катакомба № 12 содержит три смещённых костяка с немногочисленным перемешанным инвентарем, среди которого присутствует перстень первой половины — середины VIII в. (Тип 8, вариант 1 — могильника Мамисондон) [25, рис. 168, 203; 26, рис. 3].

Катакомба № 27 содержала 3 костяка. Фибула была обнаружена при дальнем от входа в катакомбу скелете, видимо, наиболее раннем из погребений. В Катаком-

бе 27 была также найдена овальнорамчатая пряжка с неподвижным щитком, рамка с углублением для фиксации язычка, язычок массивный не выступающий за передний край рамки, щиток неорнаментированный, оканчивающийся острием и безщитковая овальнорамчатая пряжка с двумя выступами в задней части рамки. По перстню со стеклянной геммой близкому перстням Квемо-Алеви VI-VII вв. [21, Табл. XIV, *18, 19*; XVII, *14* и др.], обнаруженным пряжкам, ложечкам морфологически схожими с золотой ложечкой из Перещепино [27, с. 8] и инвентарю других, более поздних, захоронений, погребение с фибулой можно датировать концом VII — первой половиной VIII в.

Катакомба № 59. В катакомбе выявлено 3 скелета, два из которых смещены. Среди смещенных костей было найдено 3 фибулы (самая крупная, возможно, латунная). Прогиб спинки фибул мягче, чем у фибул из катакомб №№ 12 и 21, у одной фибулы пик прогиба смещен к ножке. Спинки двух крупных фибулы декорированы у головки (при переходе от раскованной части к спинке) поперечными желобками; у ножки, на выделенной фасетками квадратной площадке, был вдавлен крест. Самая маленькая фибула изготовлена из серебра. На спинке, при переходе к ножке — узкий поперечный выступ, на шейке — рельефный треугольник, вершина которого переходит в выступ спинки. Фибулы встречены в комплексе с колесовидным амулетом, амулетом в виде кольца с 8 птичьими головами, ложечками, морфологически близкими ложечкам Перещепино [27, 1972, с. 8], поясным набором, состоящим из шарнирной овальнорамчатой пряжки с массивным язычком, полу-

овальным наконечником пояса и прямоугольными поясными накладками. Весь поясной набор с декором выполнен в едином стиле так называемой «перевязанной пальметты» (термин И. О. Гавритухина). Подобные детали поясов иногда, объединяют термином «неволинские пояса», однако этот термин неудачен и не отражает генезис стиля. Происхождение и хронология таких пряжек являются дискуссионными [28, с. 184; 29, с. 137-138]. А. В. Комар пряжки подобной формы относит к раннесалтовским формам. Поясные детали раннесалтовского облика, по мнению исследователя, впервые возникают в погребениях горизонта Галиат-Гелиновка (725-740 гг.) [30, с. 105]. Пряжка из катакомбы 59 Даргавса наиболее близка находке из Тепсеньского кургана, датирующегося 30-ми гг. VIII столетия. Временем не позднее первой трети-середины VIII в. может быть датирована и катакомба № 59 Даргавса.

Катакомба № 75 содержала погребения как минимум четырех человек. Одно скопление предметов, возможно, связанное с наиболее ранним погребением, находилось у задней стенки катакомбы. Здесь был найден золотой солид Фоки (602-610 гг. — определение А. А. Цуциева) и железная фибула (а не железное кольцо, судя по рисунку на плане и отсутствию железного кольца в инвентаре). Основной инвентарь был сосредоточен рядом с более поздним погребением, расположенным чуть ближе ко входу в погребальную камеру. Среди этого более позднего инвентаря находились: бронзовая Т-образная фибула с орнаментом в виде ряда точек на площадке между головкой и спинкой; бронзовое миниатюрное зеркальце; амулет в виде кольца с 8-мью пти-

чьими головами; амулет в виде кольца с наплывами. Дата катакомбы — не позднее середины VIII в.

Для определения датировки комплексов с фибулами типа 1 важную роль играют монетные находки. В научной литературе вопрос об использовании монет для определения абсолютных дат является дискуссионным. Не вдаваясь в детали данной дискуссии, отметим лишь, что в рассматриваемых нами комплексах мы используем монеты как репер terminus post quem. Как говорилось выше, в катакомбе № 75 Даргавса был выявлен золотой солид Фоки (602-610 гг.) [1, с. 205, Табл. CLXVII, 12]. Также монеты были выявлены со сходными фибулами в других могильниках Северного Кавказа: в Мокрой Балке в катакомбе № 15 встречены две позолоченные индикации из серебряной фольги с солида Фоки (602-610 гг.). Комплексы с монетами Фоки, Хосрова I и Хормизда IV (см. об этих монетах в связи с типом 2 фибул Даргавса) из Мокрой Балки 1, согласно исследованиям Г.Е. Афанасьева, относятся ко второй четверти VII — рубежу VII-VIII вв. [9, с. 71, 72, 237]. В катакомбе № 20 Клин-Яра III находился солид Ираклия (613-630 гг.). В.С. Флеров датирует комплекс временем от 613-630 гг. до середины VIII в., И.О. Гавритухин с В.Ю. Малашевым концом VII — первой половиной VIII в. [17, с. 36, 132, рис. 32, *10;* 3, рис. 1, с. 67].

К сожалению, в настоящее время не достаточно данных для точного определения нижней границы появления фибул в некрополе Даргавса. Обнаруженные в комплексах монеты указывают на первую четверть VII столетия. Однако, учитывая аналогии из других памятников, а также запаздывание монет в комплексах, наи-

более вероятное время совершения ранних погребений в рассматриваемых комплексах приходится на вторую половину VII — рубеж VII-VIII вв., Наиболее поздним комплексом, с фибулой этой серии является катакомба № 59 с раннесалтовсккким поясным набором, датирующимся не позднее первой трети-середины VIII в. В настоящее время именно эту дату мы можем считать верхней границей существования фибул типа 1 в Даргавсе.

Тип 2 (3 экземпляра из катакомб № 13, 14, 75) (рис. 1, *1-3*). Железные шарнирные дуговидные фибулы с плоской узкой треугольной спинкой и завитком на конце пластинчатого приемника. Происхождение фибул типа 2 может быть связано с более ранними образцами, исследованными Т.А. Габуевым и В.Ю. Малашевым на примере железных и бронзовых находок из могильника Брут. Согласно их выводам, фибулы, подобные брутским были распространены на территории от Кубани до Северной Осетии во II-III вв., и возникли, видимо, под влиянием провинциальных фибул типа Авцисса [6, с. 131-134]. Однако, между фибулами Брута и фибулами Даргавса существует достаточно большая временная лакуна. В Даргавсе плоские спинки имели железные фибулы, у исследованных бронзовых — спинка была треугольной в сечении. Железные фибулы VI-VI вв. рассматривались А.В. Мастыковой [7, с. 43, 44, 263, рис. 14]. Исследовательница подчеркивала невозможность судить о конструкциях фибул из-за их плохой сохранности, но гипотетически, под большим вопросом, отнесла использованные в монографии фибулы к подвязным. Гипотетичность классификации собранного ею материала и возможность по-разному интерпре-

тировать его морфологию, позволяет предположить, что железные фибулы, в том числе близкие брутским и даргавсским были достаточно широко распространены на территории от Верхней Кубани до Северной Осетии, а также на Южном Кавказе и на протяжении VI-VI вв. В пользу этого свидетельствуют также фибулы из катакомбы № 1 Конхуторского могильника, которую Д. С. Коробов и А. А. Кадиева датировали VI в. [16, рис. 4, *9,10*].

Из-за их плохой сохранности, с наибольшей долей вероятности к типу 2 можно отнести фибулы из катакомб №№ 13, 14, 75 (рис. 1, *1-3*). Но если фибула из катакомбы № 13 и 75 более или менее сохранились и на месте завитка виден выступ, то от фибулы из катакомбы № 14 осталась лишь часть корпуса с головкой. Тем не менее, наличие шарнира и плоской спинки позволяет хотя бы гипотетически объединить ее в одну группу с фибулами из катакомб №№ 13 и 75. Еще один экземпляр из катакомбы № 54 — очень сильно разрушен. Так как определить его конструкцию не представляется возможным, мы не включили его в исследование.

Катакомбы №№ 13, 14 и 54, в которых были найдены железные фибулы — в основном малоинвентарные, что сильно затрудняет их датировку. Датирующими находками являются вышеописанные монеты. Интересно, что две найденные на могильнике монеты оба раза встречаются в комплексах с железными фибулами. Так, в катакомбе №14 при одном погребенном найдены фибула и монета. А. А. Цуциев отнес монету ко времени царствования Хосрова I (531-579 гг.) или Хормизда IV (579-590 гг.) [31, с. 284]. О золотом солиде Фоки

602-610 гг. из катакомбы № 75 мы уже не раз упоминали выше.

Возможно, комплексы с шарнирными железными фибулами в Даргавсе относятся ко времени не позднее начала VIII в. и заходят в VII в. Хотя, нужно отметить, что они существуют и позже, в салтово-маяцкой культуре. Например, они выявлены в катакомбах Дмитриевского могильника [11, с. 112, рис. 59].

Тип 3 (1 экземпляр из катакомбы № 74) (рис. 1, *11*). Двучленная пружинная фибула с бронзовым корпусом, с широким кольцом для крепления оси пружины, железной пружиной и иглой. Тетива пропущена под шейку фибулы (нижняя тетива). Спинка сужается к ножке, с коротким сплошным пластинчатым приемником и завитком на его конце. Передний конец корпуса расплющен и загнут в кольцо, в котором закреплена ось. Форма пружины из-за коррозии до конца не ясна. Представляется, что пружина короткая, крепиться на длинной оси. Возможно, судя по рисунку [1, с. 205, Табл. CLXVI, 3], на концах оси располагались кнопки или утолщения. Но это не факт. Сечение спинки не ясно. По прогибу спинки фибула близка шарнирным фибулам периода Чми 1 (VII в.).

А. К. Амброз рассматривал эти фибулы в массе шарнирных фибул с завитком Группы 13, о которой мы скажем ниже [2, стр. 47, Табл. 6, *3*]. К серии этих фибул обращались в своих работах И. О. Гавтирухин [4, с. 364-365] и А. В. Мастыкова [7, с. 45, 46]. Исследование А. В. Мастыковой касалось материалов конца IV — середины VI в. Статья И. О. Гавритухина кратко касалось истории фибул на всем протяжении их существования на Кав-

казе. Вслед за А.К. Амброзом [2, с. 45-47] он отметил длительную историю фибул с завитком в Причерноморье и на Кавказе (с римского времени), кроме того исследователь осветил периоды затухания и возобновления моды, ее смещения в соседние регионы. По его наблюдениям они получают распространение в Западном Причерноморье и на Южном Кавказе с VI в. [21, Табл. XXX, 9; 32, рис. 11, *5*; 51, *23*; 96, *16* и другие; 4, с. 364-365; 33]. В это время единичные находки есть и на Северном Кавказе [3, с. 64], но резкое увеличение их числа в этом регионе И.О. Гавритухин относит к VII в. По его мнению, взрыв моды на подобные фибулы мог быть связан не только и не столько с прямой преемственностью местных традиций римского времени, сколько с византийско-персидским противостоянием в Закавказье, в которое было вовлечено население Северного Кавказа. В результате, местные племена и народы, состоявшие в тесной связи с хазарами или подвластные хазарам, могли получить импульс для распространения моды на описываемые фибулы. Двучленные пружинные фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника и пластинчатым корпусом бытуют до VIII в. (катакомба № 38 Мокрой Балки, период III и финальный горизонт древностей Кисловодской котловины по И.О. Гавритухину и В.Ю. Малашеву) [3, с. 67, 68, 81, рис. 8, *27*]. Вопрос, заходит ли верхняя дата их бытования в IX в., пока остается открытым.

По соотношению длины оси и корпуса фибуле из Даргавса наиболее близки фибулы из Кисловодской котловины (Мокрая Балка 1, катакомба № 63; Ясли, катакомба № 3; Конхуторский, катакомбы № 3) [4, рис. 1,

2,3; 16, рис. 5, *13*]. Это как раз те комплексы, которые датируются И. О. Гавитухиным и В. Ю. Малашевым второй половиной VI в. — первой третью VII в. [3, с. 77, рис. 4, 23, 24].

По набору инвентаря к катакомбе № 74 Даргавса очень близка катакомба № 28 Мокрой Балки 1, где похожая фибула, но с более короткой осью, также сочетается с небольшими парными овальнорамчатыми пряжками. Г. Е. Афанасьев датирует катакомбу второй половиной VI — первой четвертью VII в.

Подводя итоги, можно сказать, что хотя катакомба № 74 малоинвентарная, но принимая во внимание, то, что она была прорезана катакомбой № 75 (что предполагало значительный временной разрыв между сооружением катакомб №№ 74 и 75, позволивший забыть о местонахождении катакомбы № 74), а также ближайшие аналогии, можно датировать комплекс катакомбы № 74 не позднее середины VII в.

Тип 4 (25 экземпляров из катакомб №№ 1, 2, 19, 24, 28, 36, 47, 53, 65, 71, 76, 78) (рис. 2). Т-образные шарнирные фибулы с несильно прогнутой спинкой, без расширения или немного расширяющиеся у головки, с двумя или тремя кнопками на головке. Спинка сужается к ножке (треугольная) с коротким пластинчатым приемником и завитком на ее конце. Пик прогиба спинки приходится на ее центр или смещен к приемнику. По классификации А. К. Амброза такие застежки относятся к Группе 13 [2, с. 46, Табл. 6, *6*]. А. К. Амброз отмечал, что рассматриваемая разновидность имеет последовательную историю развития только на Северном Кавказе (с I в. н.э.) и очень характерна для VIII-IX вв. [2, с. 46, Табл. 6, *6*].

Позднее И. О. Гавритухин выделил из обозначенного А. К. Амброзом массива фибул особую их разновидность. Она отличалась треугольной и сегментовидной в сечении спинкой, узкой ножкой и завитком или реже кнопкой, отсутствием (в отличие от Закавказских фибул) площадок между дужкой и ножкой [5, с. 413, 414]. Исходя из локализации этих фибул и их своеобразия, И. О. Гавритухин предложил называть серии этих фибул ***«верхнетерским блоком серий»*** [5, с. 414]. Именно эти фибулы и были распространены в погребениях Даргавса. Здесь нам следует отметить характерную морфологическую черту даргавсских фибул — у них короткий приемник, и завиток подходит близко к спинке, сечение спинки во всех исследованных нами случаях — треугольное. По мнению И. О. Гавритухина, основанном на детальном анализе серии подобных фибул, они отсутствуют в материалах IV-VI вв., а импульс для их распространения, как и в случае с Т-образными фибулами, приходит из Закавказья в VII в., распространяется с VIII в., синхронизируется с ранними наборами салтово-маяцкой культуры, периодами 2 и 3 Чми, и бытуют также в IX в. [5, с. 414].

Находки фибул типа 4 в основном концентрируются на территории Северной Осетии (Кумбулта, Донифарс, Чми, Кобан, Дзивгис, Балта, Фаскау, Даргавс, Лац), отдельные экземпляры происходят из Ингушетии (Гоуст, Джейраховское ущелье) и Чечни (Ассинское ущелье). Находки в Закавказье немногочисленны, а появление их на Среднем Дону (катакомбы №№ 11 и 92 Дмитриевского могильника) связано с импульсом с Центрального Кавказа в середине VIII в. [2, с. 46; 21, 1979, Табл. XXX,

12-16; 34, стр. 412, рис. 12; 4, с. 413, 414; 11, с. 112, рис. 59; 22, с. 155, Табл. II; 35, Табл. II, 5]. Так, фибулы Типа 4 найдены в катакомбах №№ 11 и 92, и 110 Дмитриевского могильника. С. А. Плетнева датирует эти катакомбы промежуточным и поздним хронологическим этапом существования могильника. Поздний этап С. А. Плетнева относит ко второй половине IX — началу X в. [11, с. 171, 172, рис. 59]. Однако, как справедливо отмечает И. О. Гавритухин, хронологическая дифференциация дмитриевских катакомб требует уточнения, поскольку среди «поздних комплексов» существуют явно относящиеся к начальным периодам существования могильника [5, с. 414].

Фибулы типа 4 встречены часто в комплексах со штампованными овальнорамчатыми пряжками с неподвижным щитком, без ограничений для язычка на рамке, с пряжками с прорезным расширяющимся щитком с треугольным окончанием, а также безщитковыми прямоугольно- и трапециевиднорамчатыми пряжками. Среди других элементов поясов с фибулами типа 4 зафиксированы наконечники пояса полуовальной формы с геометрической орнаментацией. Все вышеперечисленные составляющие поясов характерны для поясных наборов второй половины VIII-IX в. Именно эта дата является общей для большинства рассматриваемых катакомб.

В частности, катакомбы №№ 47 и 71 по бронзовым перстням (тип 8 вариант 1 Мамисондон), амулетам, поясному набору (катакомба № 71) датируются, видимо, временем не ранее второй половиной VIII — началом IX в. Пряжка из катакомбы № 71 цельнолитая с прямоугольной рамкой и полукруглым щитком, декорирован-

ная изображением псевдошарнира в месте соединения рамки и щитка, растительным и спиралевидным орнаментом по рамке и щитку. Подобные пряжки распространены от Крыма до Среднего Поволжья [36, с. 44; 37, с. 92]. Даргавсский экземпляр отличается тонким язычком. Пряжка датируется временем не ранее второй половины VIII в. Видимо, эта пряжка подражает «богатым» образцам типа золотой или позолоченной шарнирной пряжки с орнаментом в виде завитков на рамке и язычке и с изображениями птиц на щитке (ср. также с бляшкой с птицами из катакомбы № 76 Даргавса), обнаруженной Э.Ю. Шестопаловой в Архонском могильнике [38, рис. 212].

Из всех комплексов с фибулами типа 4 выделяется катакомба № 76, так как, в отличие от других, она содержит одиночное погребение. Среди сопровождавшего костяк инвентаря обнаружено 5 фибул разных размеров (рис. 2, *18-22*). В катакомбе выявлено большое количество штампованных перстней, которые датируются по данным могильника Мамисондон первой половиной/серединой VIII в. Однако, судя по находкам этих перстней с дирхемом в Катакомбе Верхнего Алкуна, они могли запаздывать на памятниках севернее Мамисондона и в целом на Северном Кавказе, выпадая в том числе и в комплексах конца VIII — начала IX в [39]. Погребению из катакомбы № 76 синхронно погребение с 7 фибулами из катакомбы № 53 (рис. 2, *7-12*).

Фибула из камеры 36 (рис. 2, *1*) датируется по совокупности инвентаря, а также на основе планиграфии катакомбы, концом VIII — первой половиной IX в. [40, с. 166, рис. 4, 48]. К этому времени тяготеет и катаком-

ба № 19. В катакомбе зафиксировано три костяка. Судя по тому, что костяки не были смещены, что являлось обычным при последующих подхоронениях, можно предположить, что новые погребения в камере были совершены до полного разрушения мягких тканей более раннего погребения, следовательно, с относительно небольшими перерывами. Фибула (рис. 2, *16*) была найдена при дальнем от входа скелете в комплексе с семью стеклянными и четырьмя бронзовыми перстнями, бусами и бубенчиками. Также среди инвентаря была найдена монета. К сожалению, определение монеты не проводилось, однако в научном отчете указывается, что монета была арабской.

Катакомба № 2 также содержала несколько погребенных, точное число которых не определяется. Часть из них смещена до полного разрушения мягких тканей. В катакомбе найдено две идентичные фибулы (рис. 2, *6*), слегка различающиеся размерами. Предварительно данный комплекс датируется второй половиной VIII — первыми десятилетиями IX в.

В катакомбе №78 из выразительного инвентаря только черный стеклянный перстень, который не противоречит датировке салтовским периодом.

Помимо вышеназванных катакомб, в Даргавсе фибулы этого типа обнаружены и в более поздних погребениях (со стеклянными браслетами, серьгами с крупными колонками, бронзовыми ногтечистками в виде медвежьего когтя и т.п.). В катакомбе № 1 среди сдвинутых вещей находилась и фибула (рис. 1, *2*). Фибула отличается от большинства даргавсских застежек декором на спинке в виде продольных ребер и несколько

более крупным размером. Вещевой комплекс камеры достаточно близок по хронологии и, видимо, относится в основном ко второй половине IX — середине X в., В камере катакомбы 28 было зафиксировано четверо погребенных. Камера содержала материалы середины/конца IX — первой половины X в. Обнаруженная в этом погребении фибула отличалась от всех встреченных на могильнике более длинной ножкой (рис. 2, *3*). К катакомбам этого периода относятся также катакомба № 65 (спинка которой выгнута более круто, чем у остальных фибул) (рис. 2, *4*) и № 24 (где фибула использована вторично — из ее спинки сделан перстень).

К сожалению, с рассматриваемым типом фибул в катакомбах Даргавса выявлена только одна монета, определение ее затруднительно. Однако есть находки с монетами из других могильников. На территории Осетии близкие по морфологии фибулы известны в катакомбах В, №№ 15, 6 Чми. В катакомбе № 15 была найдена монета VIII в., катакомба В была безинвентарной, а катакомба № 6 датируется в рамках второй половины VIII — начала IX в. [5, с. 423, рис. 2, *7, 8*; 3]. Близкая по форме фибула из Мамисондондона, которая соотносится с другими образцами «верхнетерского блока серий» северокавказских фибул, датируется временем не ранее VIII в. [5, с. 419].

Неорнаментированная фибула типа 4 найдена в катакомбе № 13 Верхне-Салтовского могильника с дирхемом Харун ар-Рашида, мединат Зеренж, 797/798 гг. В камере 5 костяков, три из которых смещены в ходе позднейших подхоронений. Дирхем был найден среди потревоженных (ранних) погребений, что дает основа-

ние автору датировать комплекс первой половиной — серединой IX в [41, с. 269, 270, 286, рис. 7, 9].

Таким образом, можно сказать, что временем наибольшего распространения фибул типа 4 в погребениях Даргавса, по-видимому, является середина VIII — первая половина IX в.

Следует отметить, что материалы некоторых северокавказских памятников свидетельствуют в пользу того, что во второй половине IX в. эти фибулы выходят из моды и встречаются уже достаточно редко. Например, в Тарском могильнике (также расположенном в Северной Осетии), зафиксирован только один экземпляр с продольными желобками на спинке, завитком на конце приемника, с пиком прогиба спинки фибулы смещенным к приемнику. Отсутствуют фибулы среди инвентаря могильника Мартан-Чу 1, на что обратили внимание Э.С. Кантемиров и Р.Г. Дзаттиаты [42, 1995, с. 269]. Это может свидетельствовать об изменении способов фиксации элементов одежды, и самих элементов одежды происходивших во второй половине IX — начале X столетия.

Анализ даргавсских материалов несколько корректируют наши представления о времени выхода фибул из обихода. Несколько фибул обнаружено в погребениях, датирующихся второй половиной IX — первыми десятилетиями X в. Однако, следует отметить, что морфологически они несколько отличаются от всего массива фибул типа 4: крутостью прогиба спинки (катакомба № 65), длиной приемника (катакомба № 28), более крупным размером и ребрами на спинке (катакомба № 1), вторичностью использования (катакомба № 24).

Подводя итоги исследования можно сказать, что фибулы как элемент одежды использовались населением, оставившим Даргавсский могильник с VII по первую половину X в. По выделенным типам фибул могильник сближается с другими памятниками Осетии (например, могильник Чми), Фибулы находят довольно много аналогий в других некрополях, в первую очередь, Центрального Кавказа. С другой стороны, могильник Даргавс отличается от расположенного относительно недалеко некрополя Мамисондон, для которого данный элемент одежды был не характерен.

Что касается хронологии четырех выделенных типов фибул Даргавса, то обращает на себя внимание то, что они никогда не встречаются в одних комплексах, даже в катакомбе № 75 фибулы типа 1 и 2 найдены с разными индивидами, захороненными с перерывом. Это подчеркивает датирующие возможности фибул для данного могильника.

Фибулы типа 1 могут быть широко датированы VII — первой половиной VIII в. Не позднее этого времени датируются железные застежки типа 2 и единичный экземпляр типа 3, вместе с тем их бытование, видимо, не выходит за пределы начала VIII в., а фибула типа 3 наряду с Т-образными фибулами с круто (циркульно) выгнутой спинкой со смещением прогиба к головке маркируют наиболее ранний этап существования могильника Даргавс.

По-видимому, в конце первой половины — середине VIII в. фибулы типов 1-3 постепенно вышли из обихода. Им на смену пришли фибулы типа 4. Судя по материалам могильника, время наибольшего распро-

странения фибул типа 4 приходится на вторую половину VIII — первую половину IX в.

В связи с вопросом о начале массового распространения фибул типа 4 интересна высказанная Г. Е. Афанасьевым мысль о роли арабо-хазарских войн 721-737 гг. в формировании набора вещей аланской культуры, сложившегося к середине VIII в. «Как следствие этих военно-политических событий, оказались блокированными традиционные торговые пути через Северный Кавказ — с юга арабами, с севера хазарами, — что обусловило на этом хронологическом этапе импульс именно для внутреннего развития аланской культуры, без существенных влияний на нее извне. В это же время в Центральном Предкавказье начинают формироваться зачатки тех признаков материальной культуры, которые несколько позже, в середине VIII в., на Среднем Дону предстанут как «салтовские»…» [9, с. 237].

Это во многом объясняет быстрое и широкое распространение местных серий фибул с середины VIII в. Выглядит логичным, что шарнирные фибулы с завитком «верхнетерского блока серий» (типа 4) начинают массово поступать в Даргавс именно в середине VIII в. В это время арабо-хазарские войны прекращаются, с 737 по 762/763 г. устанавливается мир, начинают активнее функционировать местные торговые пути. Представляется, что уход носителей аланской культуры на Средний Дон совпал со временем выхода из моды фибул типа 1 и расцвета моды на фибулы типа 4, что объясняет наличие и тех и других в памятниках салтово-маяцкой культуры. Однако если на Северном Кавказе фибулы типа 4 распространялись массово, так

как изготавливались в местных близких к Даргавсу центрах, то на Средний Дон они попадали эпизодично.

Примечания:

1. Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир, 2014.

2. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ, 1966. Вып. Д1–30.

3. Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. Самара. Самара, 1998. С. 28-86.

4. Гавритухин И.О. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН, ТАУС, 2008. С. 362-367.

5. Гавритухин И.О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. М., 2010. Т. 11. С.410-428.

6. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан Центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009.

7. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. М.: ИА РАН, 2009.

8. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

9. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып.1: Дневник раскопок М.: Научный мир, 2001.

10. Ковалевская В.Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). М., 2005.

11. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989.

12. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1991.

13. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж. Издательство Воронежского государственного университета, 1998.

14. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Вып. III. Владикавказ, 1995. С. 184-258.

15. МАК. М, 1900. Вып. VIII.

16. Коробов Д.С., Кадиева А.А. Могильник Конхуторский 2 близ Кисловодска // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара: ООО «Офорт». 2010. С. 76-92.

17. Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. — Труды Клин-Ярской экспедиции. I. — М.: Полимедиа, 2000.

18. ОАК за 1898. СПб., 1901.

19. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.

20. Минаева Т.М. Археологические памятники на Р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. 1951. № 23. С. 273-301.

21. Апхазава Н.И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). (на груз. яз.). Тбилиси. 1979.

22. Угрелидзе Н.Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли (Иберии). Тбилиси: Мецниереба, 1967.

23. Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абхазии и Санигии (II-VII в.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 49-94.

24. Мамаев Х.М., Савенко С.Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 5-37.

25. Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И., Гавритухин И.О. Хронология могильника Мамисондон // Раннесредневековый могильник Мамисонодон: результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: Таус, 2010. С. 94-111.

26. Албегова З.Х. Археологические памятники Зарамагской котловины по материалам охранных раскопок 2007-2009 г. // КСИА 2013. Вып. 228. С. 3-18.

27. Маршак Б.И., Скалон К.М. Перещепинский клад (к выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии). Ленинград: Государственный ордена Ленина Эрмитаж, 1972.

28. Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Офорт, 2010. С.169-206

29. Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // пермский мир в раннем средневековье. Ижевсс, 1999. С. 99-211

30. Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия. н.э.Т.2. Самара, 2001. С. 103-117.

31. Цуциев А.А. Новые находки сасанидских драхм на территории Осетии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 283-285.

32. Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977-1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003.

33. Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // СА. 1986. № 2. С.198-209.

34. Пчелина Е. Г. Два погребения алано-хазарской культуры из селения Лац // Труды секции археологии. М., 1928. С.408-426.

35. Mindorashvili D. 2000. The structure of burials and burial customs at the necropolis of Gveleti // Dziebani, The journal of the Centre for archaeological studies Georgian Academy of Sciences. Tbilisi, № 5. P. 78-86.

36. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ, М.: Наука, 1979.

37. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго- Камья). Самара. 1998.

38. Сокровища Алании. М.: Эксмо, 2011.

39. Мамаев Х. М., 2010. О дате Верхнеалкунской катакомбы 1939 г. (к хронологии могильника Мамисондон) // Албегова З. Х., Верещинский-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 11. С. 390-409.

40. Дзаттиаты Р. Г., Успенский П. С., 2016. Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии // Российская археология. №2. М. С. 150-168.

41. Хоружая М. В., 2009. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т.7. Донецк: Дон НУ. С. 260-294.

42. Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Alanica — III. Владикавказ, 1995. С. 259-314

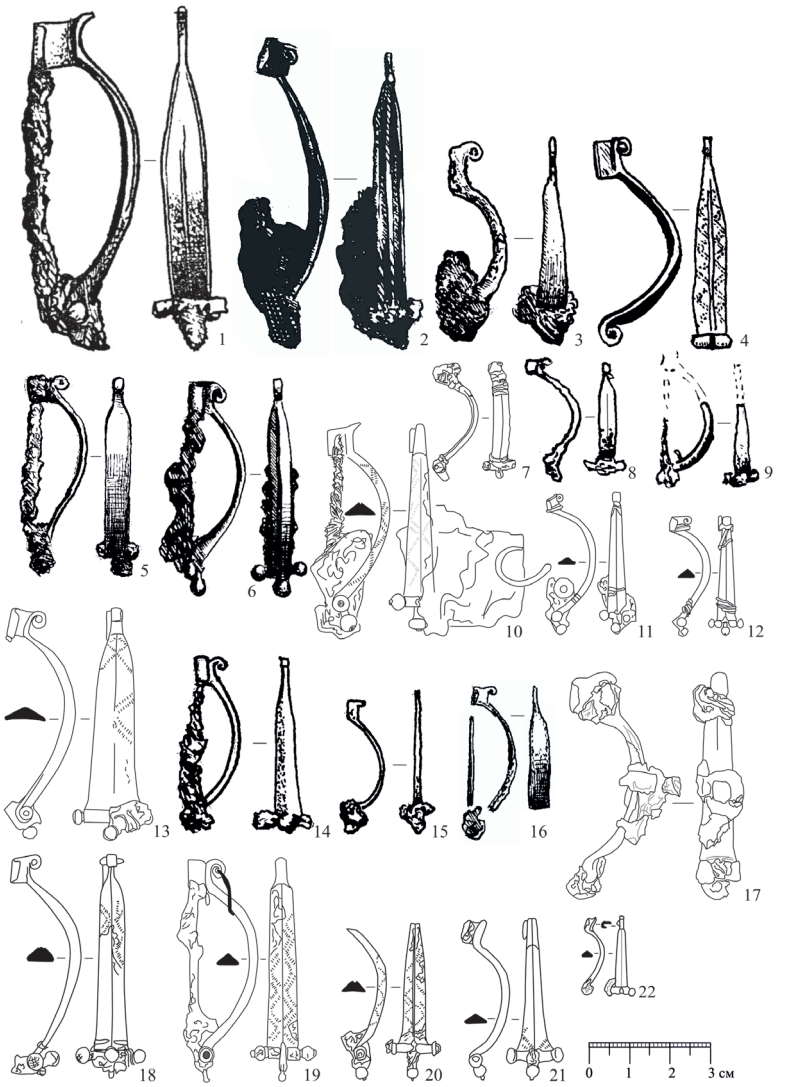


Рис. 1. Фибулы даргавсского катакомбного могильника

4-10 — тип 1; 1-3 — тип 2; 11 — тип 3. 1 — кат.13, 2 — кат. 14, 3, 7 — кат. 75, 4-6 — кат. 59, 8 — кат. 27, 9 — кат. 12, 10 — кат. 21, 11 — кат. 74. 2, 3, 7, 9-11 — рисунки по публикации Р.Г. Дзаттиаты [1].

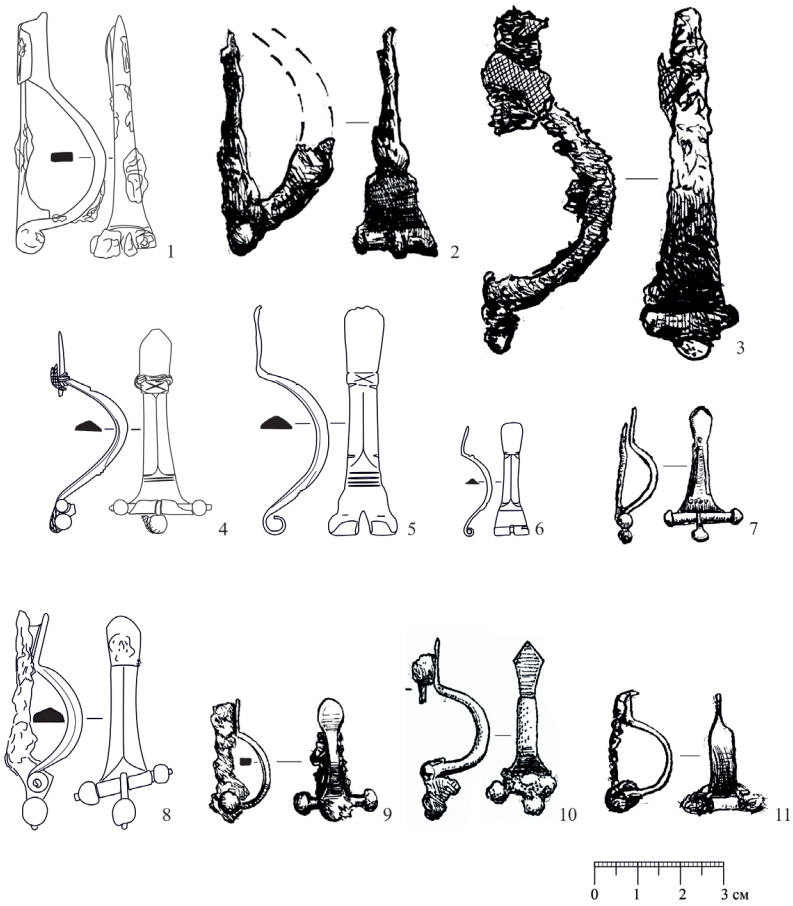


Рис. 2. Фибулы даргавсского катакомбного могильника

Тип 4. 1 — кат. 36, 2 — кат. 1, 3 — кат. 28, 4 — кат. 65, 5 — кат. 71, 6 — кат. 2, 7-12 — кат. 53, 13-15 — кат. 47, 16 — кат. 19, 17 — кат. 78, 18-22 — кат 76. 1-6, 8, 9, 14-16 — рисунки по публикации Р. Г. Дзаттиаты

А. А. Чижова
Государственный Эрмитаж
(г. Санкт-Петербург)

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ДАРГАВСА

Аннотация. *Статья посвящена находкам 31 стеклянного сосуда, найденного при раскопках могильника Даргавс экспедицией СОНИИГСИ под руководством Р. Г. Дзаттиаты в 1993-2015 гг. Предлагается условная классификация находок, оформленная в виде каталога. Каталог содержит описание предметов, разделенных по форме на 8 категорий: стаканы, бокалы, чаши, миски, кубки, рюмки, кувшины, флаконы.*

Аналогии рассматриваемым предметам автор находит на Северном Кавказе, на Южном Кавказе, в Двине, в материалах раскопок и музейных собраниях Ирана, Ирака, Кувейта, Европы и США.

Ключевые слова: *аланы, стеклянные сосуды, каталог, стаканы, бокалы, чаши, кубки, рюмки, кувшины, флаконы, миски, Северный Кавказ, Южный Кавказ, Двин, Ближний Восток.*

Presented article is dedicated to the finds of 31 glass vessels from Dargavs catacomb burial ground, investigated by SONIIGSI archaeological expedition (headed by Dr R..G. Dzattiaty) in 1993-2015. A conditional classification of the vessels in the form of a catalogue is suggested. It consists of description of the items divided by their shape into 8 categories: glasses, beakers, deep bowls, bowls, goblets, stemmed cups, jugs, bottles. The analogies of the vessels from Dargavs the author founds in the Northern Caucasus, Dvin, in the materials of excavations and museum collections in Iran, Irak, Kuwait, Europe and USA.

Key words: *alans, glass vessels, catalogue, glasses, beakers, deep bowls, goblets, stemmed cups, jugs, bottles, bowls, Northern Caucasus, Southern Caucasus, Dvin, Near East*

Археологическое изучение Даргавсского катакомбного могильника, ведущееся под руководством Р. Г. Дзаттиаты с 1993 г. по настоящий день, дало неоценимо важный материал не только для изучения средневековой

аланской археологии. История стекла, в том числе, также приобрела ценный археологический источник.

В 92 катакомбах, исследованных за сезоны 1993-2015 гг. найден 31 целый стеклянный сосуд [1], [2], это является большой редкостью не только в археологии Северного Кавказа. Все они отличаются прекрасной сохранностью, изготовлены способом выдувания, их формы и декор весьма разнообразны. Основная масса, за исключением нескольких экземпляров, изготовлена из прозрачного стекла зеленого и фисташкового оттенка [2,6]. Часть сосудов, доступная для изучения на момент обращения, была осмотрена мною в фондах Северо-Осетинского Государственного Объединенного музея истории, архитектуры и литературы. Другая часть предметов приводится мной на основании отчетов и публикаций Р. Г. Дзаттиаты (которому я выражаю глубокую благодарность за возможность ознакомления и использования материала). В связи с этим, некоторые характеристики опущены мной из-за отсутствия данных. Размеры сосудов и их расположение в погребении в предлагаемом каталоге приводятся по публикации. Основными задачами данного исследования являются оформленные в виде каталога описание и первичная классификация сосудов из Даргавса для их дальнейшего изучения.

При описании форм я обращаюсь к своей прежде сформулированной условной классификации стеклянных сосудов из аланских погребений VI-XII вв. [3, 103-106].

Самой многочисленной категорией — 18 экземпляров — являются стаканы конической формы из

прозрачного стекла (лишь в одном случае — из кат.81-непрозрачного стекла) разных оттенков, из них 5 экземпляров без декора и 13 экземпляров с различным декором. В этой категории на основании особенностей формы можно условно выделить два типа:

1. Конические стаканы с прямыми или слегка расширяющимися от основания стенками (кат. 16; 36, 1-2; 39; 47; 55; 62);

2. Стаканы с прямыми стенками, закругляющимися у основания и прямым или слегка отогнутым венчиком (кат.1; 2;15; 19, 1-2; 76, 1-3; 81; 82, 85). Р. М. Джанполадян называла эту форму «тюльпанообразной» [4,36].

Разновидности декора на стаканах первого типа по способу нанесения: выдутый в форму (кат.16; кат. 39), щипцовый (кат. 55), штампованный (кат.62), рифленый (кат. 47). Разновидности декора на стаканах второго типа по способу нанесения: выдутый в форму (кат. 1, кат.36), рифленый (кат.15, кат.19, кат. 76-2, кат. 82), «защипы» специальным инструментом (кат. 76), налепной (кат. 81).

Остальные формы представлены одним-двумя экземплярами. Это чаши двух типов (кат. 1, кат. 28), миска (кат.3), бокалы (кат. 3, кат. 67, кат.90), кубки (кат.37, 1-2; кам.ящ.2), рюмка (кат. 27), кувшины (кат. 28, кат. 43), флакон (кат. 28).

Даргавсский материал находит широкие аналогии как на Северном Кавказе, так и вне его, прежде всего, на Южном Кавказе- в Рустави, Двине, Байлакане, а также на Ближнем Востоке. К сожалению, небольшое количество опубликованных данных по стеклянным сосудам синхронных памятников Грузии не дает нам пока возможности широкого поиска самых «ближних» анало-

гий. Наиболее многочисленными являются параллели с материалами Двина. Так, в последнем зафиксировано более 20 находок «тюльпановидных» стаканов, в том числе 14 сложенных в яме недалеко от кафедрального собора, что заставило Р.М. Джанполадян отнести эти сосуды к предметам культового назначения. Эти стаканы датируются IX в., и, возможно, являются продукцией стеклоделов Двина [21,29]. Кроме того, наиболее характерным для двинского стекла является зеленый цвет и его оттенки (39%), бесцветное стекло (36%), желтое (13%), синее (6%), черное (4%), марганцево-красное (2%). Р.М. Джанполадян отмечает высокое качество и химическую устойчивость двинских стекол (низкая подверженность патинированию, кристаллизации и ирризации) [4,30]. Таким образом, о двинском происхождении ряда сосудов из Даргавса, помимо совпадения форм, свидетельствуют и другие характеристики, в том числе, их прекрасная сохранность. Большое количество аналогий как даргавсского, так и в целом северокавказского стекла с материалами Двина дает нам возможность сделать вывод об их тесных экономических связях.

Ряд предметов относится к кругу как широко распространенных, так и уникальных (например, кубок со львами из кат.37) форм «исламского» стекла Ирана, Ирака, Месопотамии, Сирии и Египта. Точное определение места производства той или иной формы в связи с перемещениями мастеров, сырья, технологий и стиля, часто вызывает затруднения и редко практикуется в специальной литературе.

Интересные результаты дает анализ расположения стеклянных сосудов в погребении. Так, в ряде случаев

они располагались вблизи головы погребенного, часто рядом с керамическим или деревянным сосудом, таким образом, обнаруживая свою функцию в качестве атрибута заупокойного питья. В рамках данной статьи я не рассматриваю вопросы хронологии, однако, позволю себе заметить, что некоторые рассмотренные аналогии выводят нас за пределы IX в.

Каталог:

I. Стаканы:

1. Стакан (илл.1,1)

Кат.1 (у южной стенки камеры, вместе с кат.III,1)

Дутье в форму

Размеры (см): выс. 7,5; дм устья 9; дм дна 7,5

Стакан с рельефным орнаментом в нижней половине тулова в виде трех горизонтальных рядов многоугольников, соединяющихся между собой сторонами: ромбов (верхний ряд), шестиугольников (два нижних). Дно вогнуто посередине.

Публикации: [1, таб. VIII, рис.2], [2, таб.I,2]

2. Стакан (илл.1,2)

Кат. 2 (в правой стенке, в нише, вместе с кат.II,1)

Выдувание

Размеры (см): выс. 7; дм устья 6; дм дна 5

Стакан из прозрачного стекла «тюльпанообразной» формы без орнамента. Стенки прямые, закругляются к основанию.

Аналогии: Даргавс, кат.19 [1, таб.XXXIX,42); Двин [4, кат.60-61].

Публикации: [1, таб. XVII,рис.8], [2, таб.I,9].

3. Стакан (илл.1,3)

Кат.15 (погр.2 у лаза)

Выдувание, рифление

Размеры (см): выс. 7,5; дм устья 7; дм дна 5,5

Стакан тонкостенный из прозрачного стекла «тюльпа-

нообразной» формы: венчик слегка отогнут, стенки расширяются в средней части, закругляются у дна.

Стенки покрыты диагонально расположенным рифленым декором.

Аналогии: Чми, собрание Д.Я. Самоквасова [5,47, рис.100]; Двин [4, кат.67; 22, таб.166,21]; Афрасиаб [27, илл. XXIV]

Публикации: [1, таб. XXIII, рис.2], [2, таб.I,6]

4. Стакан (илл.1,4)

Кат.16 (погр.1, между берцовыми костями, вместе с фрагментами деревянного черпака)

Выдувание в форму

Размеры (см): выс. 7,5; дм устья; дм дна 6,5

Стакан со стенками, слегка расширяющимися к венчику. Нижняя половина стенок украшена четырьмя горизонтальными рядами вогнутых ромбовидных фигур.

Аналогии: Катакомбы Кобанского ущелья? [6,94, табл. XLI,12]

Публикации: [1, таб. XXX, 14], [2, таб.I,7].

5. Стакан (илл.1,5)

Кат.19 (погр.1 у западной стенки рядом с зеркалом в кожаном футляре, вместе с кат. I, 6 и монетой плохой сохранности, определяемой как сасанидская [1,56].

Выдувание, рифление

Размеры (см): выс. 8,2; дм устья 8; дм дна 5

Стакан «тюльпанообразной» формы: венчик слегка отогнут, стенки расширяются в средней части и закругляются у дна. На стенках диагонально расположенный рифленый декор.

Аналогии: Двин [4, кат.62].

Публикации: [1, таб.XXXIX, 41], [2, таб. I,8]

6. Стакан (илл.1,6)

Кат.19 (погр.1 у западной стенки рядом с зеркалом в кожаном футляре, вместе с кат. I, 5 и монетой плохой сохранности, определяемой как сасанидская [1,56].

Выдувание

Размеры (см): выс. 7; дм устья 6,7; дм дна 4

Стакан «тюльпанообразной» формы с прямыми стенками, закругляющимися у дна.

Аналогии: Даргавс, кат. 2 [1, таб. XVII,рис.8]; Двин [4, кат.60-61].

Публикации: [1, таб. XXXIX, 42], [2, таб.I,9].

7. Стакан (илл.1,7)

Кат.36 (погр.1, у головы, вместе с глиняным сосудом с двухпетельной ручкой):

Выдувание в форму

Размеры (см): выс. 8,5; дм устья 8,5; дм дна 7,2

Стакан с прямыми стенками, закругляются у дна. Дно вогнуто посередине. Две трети стенок (от дна к венчику) покрыты рельефным геометрическим декором в виде переплетенных диагональных полос, образующих сетку из ромбов. На дне вогнутый декор в виде 15-лепестковой розетки. В середине дна след от понтии.

Аналогии: Двин [4, кат.68, таб.X,9] (с десятилепестковой розеткой на дне).

Публикации: [1, табл. LXXVIII,76], [2, таб.II,4].

8. Стакан (илл.1,8)

Кат.36 (рядом с глиняной миской)

Выдувание

Размеры (см): выс.9,5; дм устья 10; дм дна 8,5

Стакан цилиндрической формы из прозрачного стекла оливкового цвета, с прямыми стенками. Венчик слегка отогнут и заглажен. В середине дна след от понтии.

Аналогии: Рустави [31, таб. IV,1]

Публикации: [1, таб. LXXVIII,77], [2, таб.II,3].

9. Стакан (илл. 1,9)

Кат.39 (у северной стенки)

Выдувание в форму или шлифовка?

Размеры (см): выс. 10; дм устья 10,5; дм дна 9,5

Стакан цилиндрической формы. Стенки слегка расширя-

ются к венчику, закругляются у дна. Дно вогнуто посередине. Две верхние трети стенок украшены пятью горизонтальными рядами вогнутых кружков.

Аналогии: Двин [7, табл. IV, 1-2]; Корнинг-музей стекла [8, kat.181].

Публикации: [1, таб.LXXXII, 7], [2, таб.III,1]

10. Стакан (илл.1,10)

Кат.47 (рядом с глиняным кувшином)

Выдувание, рифление

Размеры (см): выс.7,5; дм устья 7,5; дм дна 6

Стакан цилиндрической формы. Венчик отогнут, образует валик. Стенки покрыты диагонально расположенным рифленым декором. Дно слегка вогнуто.

Публикации: [1, таб.XCIV,2], [2, таб.III,2].

11. Стакан (илл.1,11)

Кат. 55 (погр.1, у головы)

Выдувание, наложение щипцов

Размеры (см): выс. 8; дм устья 7,8; дм дна 7,5

Стакан из прозрачного бесцветного стекла, цилиндрической формы, стенки прямые. В средней части тулова щипцовый декор: повторяющийся мотив из концентрического ромба, помещенного между вертикальными линиями. По венчику штампованное многократно повторяющееся изображение головы животного (лань?), голова повернута влево.

Аналогии: The David Collection, inv no 24/2008 [9]. Кроме того, широкие аналогии имеются у щипцового декора в виде вертикальных линий с ромбами между ними: Тарский, кат.14 [28, табл.XXXIX,2], Мартан-Чу, погр.10 [19, рис.7,32], Кобан, Венский музей [6, рис.93], [11,199, табл.LVI,3], Кувейтский национальный музей [24, cat.71a]; Азербайджан [30,167, табл.II,3]. По моему мнению, такой вид декора являлся более простым и дешевым воспроизведением резного декора с аналогичными мотивами, на стаканах, подобных найденным в Двине [28, табл.VI;табл.XIV,8]. Мотив заключенного в рамку концентрического ромба, выдутый в форму, также

встречается на стеклянных иудейских и христианских бутылях пилигримов VI-VII вв. в Иерусалиме и трактуется как изображение переплета Священного писания [32, 43]. Этот сюжет также мог иметь отдаленную типологическую связь с рассматриваемым.

Публикации: [1, таб. CXIII,26]; [2, таб. III,4], [10,254].

12. Стакан (илл.1,12)

Кат. 62 (погр.2 у входного отверстия, у правого плеча)

Выдувание, штамповка

Размеры (см): выс. 7,2; дм устья 8; дм дна 6,5

Стакан цилиндрической формы из прозрачного стекла зеленого оттенка. Дно прямое, в середине след от понтии. Тулово украшено декором в виде двух горизонтальных рядов более крупных розеток с шестью сегментовидными лепестками (верхний ряд) и менее крупных с пятью круглыми лепестками и кружком в центре (нижний ряд). Технологические особенности декора и форма стакана свидетельствуют о пути нанесения декора при помощи штампа.

Аналогии (включая стаканы с декором в виде розеток, однако, не всегда

полностью аналогичным рассматриваемому): Кобан, Венский музей

[11,199, табл.LVI,1]; Балта, катакомба № 1. Раскопки В. А. Долбежева

[5,47, рис.102]; катакомбы Балты, собрание графини Уваровой [6,136,

табл.CXIV, 6]; Терская обл., Джераховское ущелье, раскопки Тимофеева,

ГИМ (не опубликовано); Ст.Баракаевская, Краснодарский край [12,

кат.196]

Публикации: [1, таб. CXXIII, 18], [2, таб.III,3].

13. Стакан (илл.1,13)

Кат.76 (костяк у входного проема, мужской, чуть ниже правого плеча, вместе с кат.I,14-15)

Выдувание, защипывание

Размеры (см): выс. 7,8; дм устья 7,8; дм дна 5

Стакан «тюльпановидной» формы из прозрачного стекла зеленого оттенка. Стенки закругляются к основанию. В середине дна след от понтии. Нижняя часть сосуда имеет выступающий декор в виде двух горизонтальных рядов мелких «защипов» специальным инструментом.

Аналогии: Двин [4, кат.69]; Байлакан [13, табл.I,1], Рустави [31, табл. IV,8].

Публикации: [1, таб. CXCI, 3], [2, таб.III,8].

14. Стакан (илл.1,14)

Кат.76 (мужской костяк у входного проема, чуть ниже правого плеча, вместе с кат.I,13,15)

Выдувание, рифление

Размеры (см): выс.7,5; дм устья 9; дм дна 6

Стакан «тюльпановидной» формы из прозрачного стекла зеленого оттенка.Стенки закругляются к основанию. Венчик слегка отогнут. Стенки декорированы косым рифлением.

Публикации: [1, таб. CXCI, 1], [2, таб.III,6].

15. Стакан (илл.1,15)

Кат.76 (мужской костяк у входного проема, чуть ниже правого плеча, вместе с кат.I,13,14)

Выдувание

Размеры (см): выс.7,5; дм устья 8,5; дм дна 6

Стакан «тюльпановидной» формы из прозрачного стекла вишневого цвета. Стенки слегка закругляются к основанию.

Публикации: [1, таб. CXCI, 2], [2, таб.III,7].

16. Стакан (илл.1,16)

Кат.81

Выдувание, налеп

Размеры (см): выс. 10; дм устья 10; дм дна 5,5

Стакан «тюльпановидной» формы из черного непрозрачного стекла. Стенки закругляются к основанию. Вся

площадь стенок занята декором из налепной толстой нити того же цвета в несколько оборотов, с вертикальными прочесами поперек нее, образующими своеобразный узор.

Аналогии: Камунта, колл. К.И. Ольшевского (Эрмитаж, не опубликован); Лац, раскопки Е.Г. Пчелиной [23,411, рис.2]; Чми, кат.6, 11, раскопки Д.Я. Самоквасова [14, 220, рис.8,4]; Двин [28, кат.43, табл.XXXII].

Публикации: [2, табл.IV,1].

17. Стакан (илл.1,17)

Кат. 82

Выдувание, рифление

Размеры (см): выс.8,5; дм устья 8,5; дм дна 5,5

Стакан «тюльпановидной» формы из прозрачного стекла оливкового оттенка. Стенки закругляются к основанию, украшены декором в виде косого рифления.

Аналогии: Двин [4, кат.66]; Балта, собрание графини Уваровой [6,136, табл.CXIV, 4].

Публикации: [2, таб. IV,2].

18. Стакан (илл.1,18)

Кат.85

Выдувание

Размеры (см): выс. 6,5; дм устья 8,5; дм дна 6

Усеченно-цилиндрической формы. Стенки слегка закругляются ко дну.

Публикации: [2, табл. IV,4].

II. Бокалы

1. Бокал (илл.1,19)

Кат. 2 (в правой стенке, в нише вместе с кат. I,2)

Выдувание

Размеры (см): выс. 9,4; дм устья 5,2; дм дна 2,8

Узкий высокий бокал конической формы, без декора.

Аналогии: Двин [4, кат.45-46].

Публикации: [1, таб.XVII,19], [2, таб.I,3].

2. Бокал (илл.1,20)

Кат.67 (около черепов, ближе к входному проему)

Выдувание, налеп

Размеры (см): выс.10; дм устья 6,5; дм дна 4

Узкий высокий бокал конической формы. Из прозрачного стекла зеленоватого оттенка. Стенки в верхней части украшены декором из накладной нити того же цвета в несколько оборотов, под ней посередине горизонтальный волнообразный декор в виде нити, петлевидно закручивающейся вниз, под ним накладная в один оборот полоса.

Аналогии: Змейский катакомбный могильник [15,268, рис.59].

Публикации: [1, таб.CXXXIV,1], [2, таб.III,5].

3. Бокал (илл.1,21)

Кат.90

Выдувание

Размеры (см): выс.11; дм устья 8,5; дм дна 4,5

Высокий бокал конической формы.

Аналогии: Двин [4.кат.51]; [22, таб.166,25].

Публикации: [2, табл.IV,3]

III. Чаши

1. Чаша (илл.1,22)

Кат.1 (у южной стенки камеры, вместе с кат.I,1)

Выдувание, налеп

Размеры (см): выс.7; дм устья 13; дм поддона 7,5

Чаша из полупрозрачного стекла марганцевого цвета, на кольцевом поддоне. Дно вогнуто, стенки вертикально расходятся от дна к венчику. На венчике и под ним накладной декор из тонкой нити белого стекла в несколько оборотов.

Аналогии: Двин [4, кат.22]; Кувейтский национальный музей [24, cat.3,15;45a,b].

Публикации: [1, таб.VIII,1], [2, таб.I,1]

2. Чаша (илл.1,23)

Кат.28 (вместе с кат. VIII,1)

Выдувание в форму?

Размеры (см): выс.7,5; дм устья 12; дм дна 5

Из прозрачного бесцветного стекла. Стенки закругля-

ются в нижней половине и сужаются ко дну. Посередине вдоль стенок расположена горизонтальная углубленная линия, разделяющая сосуд на две части. Сверху и снизу линии расположен рельефный декор в виде горизонтальных рядов концентрических овалов.

Аналогии: аналогичный декор встречен на сосудах из Змейского катакомбного могильника [16, кат.331, 335].

Публикации: [1, табл.LXXVI, 29], [2, табл.II,2]

IV.Миски

1. Миска (илл.1,31)

Кат.2 (в правой стенке катакомбы, в нише, вместе с кат. I,2 и II,1)

Выдувание

Размеры (см): выс.3,5; дм устья 8,5; дм дна 7,5

Сосуд усеченно-цилиндрической формы с прямыми стенками.

Аналогии: Двин [4, кат. 3-5]; Нишапур [20, cat.1-2], Самарра [25, cat.13-14,17-18], Хульбук [26, рис.16]

Публикации: [1, таб.XVII, 3], [2, таб.I,5]

V. Кубки

1. Кубок (илл.1,24)

Кат.37 (у задней стенки, в головах, вместе с кат.V,2)

Выдувание, резьба

Размеры (см): выс. 8,8; дм устья 9,9см; дм дна 3,5

Кубок из прозрачного бесцветного стекла. На выделенной подставке, стенки закругляются ко дну, венчик слегка отогнут наружу. Стенки украшены рельефным декором в виде двух расположенных один за другим львов, с закрученным хвостом и поднятыми вверх передними лапами. Задние лапы расположены ниже передних. Голова круглой формы, расположена в профиль. Посередине круглым выступом обозначен глаз, с краю горизонтальной чертой — пасть. По краям рельефным выделением обозначена грива, на лапах насечки, обозначающие когти и окраску. Над левой лапой на туловище треугольное углубление.

Аналогии: Сокровищница собора Сан-Марко (Венеция) [17,178-179, cat.84].

Публикации: [5, кат.128]; [1, таб.LXXX, 118]; [2, таб.II,5], [10,253]

2. Кубок (илл.1,25)

Кат.37 (у задней стенки, в головах, вместе с кат.V,1)

Выдувание, наложение щипцов

Размеры (см): Выс.7; дм устья 8,5; дм дна 5

Кубок из прозрачного бесцветного стекла. На выделенной подставке, стенки закругляются ко дну. Стенки украшены рельефным декором, полученным способом наложения горячих щипцов, в виде двух горизонтальных рядов концентрических кружков с вертикальным выступом посередине.

Аналогии: The David Collection, инв.no 24/2009 [18]

Публикации: [1, таб. LXXX, 119], [2, таб.II,6]

3. Кубок (илл.1,26)

Кам.ящ.2 (слева перед лицевой частью черепа)

Размеры (см): выс.9; дм устья 10; дм подставки 4

Выдувание, дутье в форму?

Сосуд цилиндрической формы из прозрачного бесцветного стекла на высоком кольцевом поддоне. Стенки воронкообразно сужаются к основанию, вместе с поддоном образуя ножку. Нижняя треть резервуара выделена рельефным бордюром из трёх углубленных горизонтальных линий. По обе стороны бордюра расположено по одному ряду из рельефных овалов с выпуклой серединой.

Публикации: [1, таб. CCXXVIII, 37]

VI. Рюмки

1. Рюмка (илл.1,27)

Кат. 27

Выдувание в форму

Размеры (см): выс. сохр. 7; дм устья 8,5

Сохранился только резервуар с частью ножки. Из прозрачного стекла темно-желтого оттенка. Резервуар имеет приплюснуто-шарообразную форму, с высоким слегка ото-

гнутым наружу венчиком. Ножка тонкая, полая посередине. Стенки имеют едва заметный рельеф в виде косых линий.

Публикации: [1, таб. LX], [2, таб.II,1].

VII. Кувшины

1. Кувшин (илл.1,28)

Кат. 43 (погребение 1 у задней западной стенки)

Выдувание, налеп

Размеры (см): выс.15; дм устья 3; дм дна 4

Кувшин с длинным горлом. От основания горла к венчику прикреплена ручка с высоким отогнутым петлевидным окончанием. Дно вогнуто.

Аналогии: Балта, катакомбы 4,7 [6,136, табл. CXIV,7-8]; [5,47, рис.101]. Форма кувшина, напоминающая античные стеклянные кувшины первых веков н.э., позволяет судить о его происхождении из центра стеклоделия, продолжающего использовать античные традиции — вероятно, византийского.

Публикации: [1, табл. LXXXVIII, 11], [2, табл.V,10].

2. Кувшин

Кат.85 (илл.1,29)

Выдувание, налеп

Размеры (см): выс.15,5; дм устья 4; дм дна 3,5

Кувшин,аналогичный VII,1.

Публикации: [2, табл.V,11].

VIII. Флакон

1. Флакон (илл.1,30)

Кат.28 (в головах, с деревянными чашами, вместе с кат. III,2)

Размеры (см): выс.5,5; дм устья 1,5; дм дна 2,5

Шарообразное тулово и длинное прямое горло.

Аналогии: Мартан-Чу, катакомба 10 [19, рис.7, 2]; Двин, [4, кат.76]; Иран, Государственный музей г.Тегеран [20, 70, kat.84].

Публикации: [1, таб. LXVII,30], [2, таб.V,9].

Примечания:

1. Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014

2. Дзаттиаты Р.Г. Предметы импорта из катакомб Даргавса//Известия СОИГСИ. 19 (58) 2016. С.5-16.

3. Чижова А.А. Стеклянная утварь алан Северного Кавказа// Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга, 22-23 апреля 2013 г. СПб. С. 103-106.

4. Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX-XIII вв. Ереван,1974.

5. Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища аланских князей I-XII вв. Каталог выставки. Государственный музей искусства народов Востока. М., 2005.

6. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Вып.VIII. М. 1900.

7. Джанполадян Р.М., Калантарян А.А. Торговые связи средневековой Армении в VI-XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван. 1988.

8. Schätze der Kalifen. Islamische Kunst zur Fatimidenzeit. Ausstellungskatalog des Kunsthistorisches Museums. Wien. 1998.

9. The David Collection. Official site. http://www.davidmus.dk/en/collections/islamic/materials/glass/art/24-2008

10. Чижова А.А. «Восточное стекло» в памятниках северокавказских алан//Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Грозный. 2016. С. 253-254.

11. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Историчесого музея)//Аланы. История и культура. Вып.3. Владикавказ. 1995. С.184-258.

12. Чижова А.А., Кадиева А.А. Аланские племена Се-

верного Кавказа // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М. 2016. С. 274-309, кат.196.

13. Фоменко В. Н. Стеклянные изделия VIII-X в. городища Оренкала.//Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. № 7. Баку. 1962. С.31-41.

14. Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV-XIII вв.) //Археология Северной Осетии. Сб.научн. трудов. В 2 ч. Ч.2. Владикавказ, 2007.

15. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ. 1992.

16. Сокровища Алании. М. 2011.

17. Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. Calatogue of an exhibition held at The Corning Museum of Glass. New York. 2001.

18. The David Collection. Official site. http://www.davidmus.dk/en/collections/islamic/materials/glass/art/24_2009

19. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М Аланский могильник у сел.Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970-1976 гг.)//Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

20. Kröger, Jens Nishapur. Glass of the Early Islamic Period. New York. 1995.

21. Джанполадян Р. М. Новые данные о стеклоделии Двина// Краткие сообщения Института Археологии АН СССР. Вып.120. 1969. 28-31.

22. Аракелян Б. Н. Армения в IX-XIII вв.// Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв. М., 2003. С.335-350.

23. Пчелина Е. Г. Два погребения алано-хазарской культуры из села Лац//Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Вып.4. М., 1929. С.408-426.

24. Carboni S. Glass from Islamic lands. New York. 2001.

25. Lamm C. Das Glas von Samarra. Berlin, 1928.

26. Якубов Ю. Таджикистан//Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Том II. Стекло. Самарканд-Ташкент. 2011. С.65-80.

27. Мирзаахмедов Д. Узбекистан// Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Том II. Стекло. Самарканд-Ташкент. 2011. С.96-116.

28. Джанполадян Р.М., Калантарян А.А. Торговые связи средневековой Армении в VI-XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван. 1988.

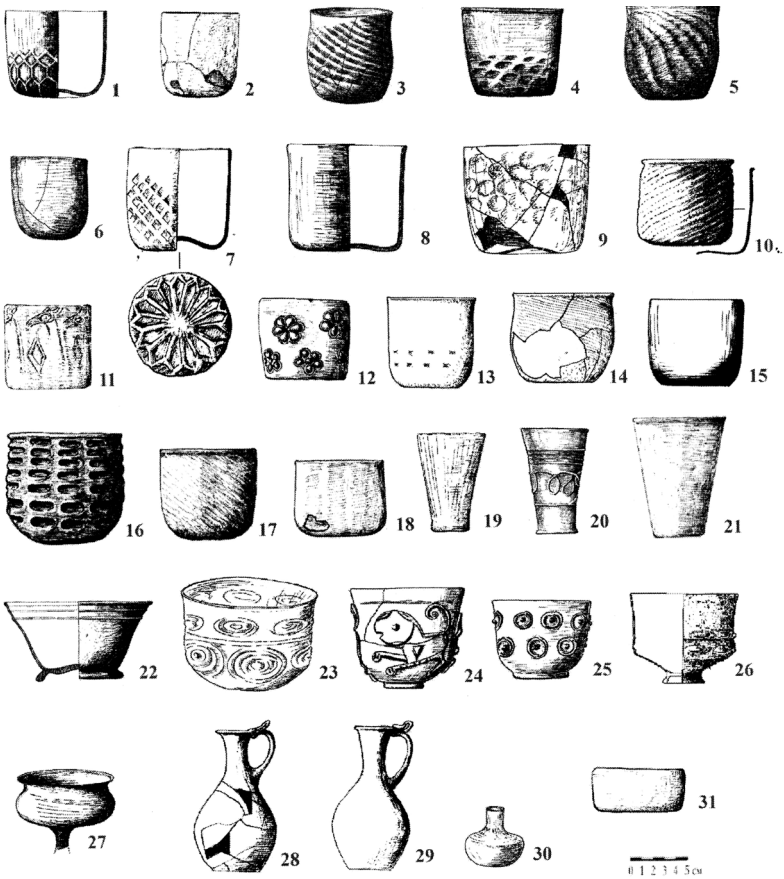
29. Кантемиров Э.С. Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник // Аланы: история и культура. Аланика III. Владикавказ. 1995. С.184-258.

30. Достиев С. Азербайджан// Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Том II. Стекло. Самарканд-Ташкент. 2011. С.161-175.

31. Чхараташвили М.Н. Стеклянная посуда средневековой Грузии. Тбилиси, 1978.

32. Barag Dan Glass piligrim vessels from Jerusalem: part 1// Journal of Glass studies. Vol.12. 1970. P.35-63.

Приложение:



Стеклянные сосуды из могильника Даргавс (по Р.Г. Дзаттиаты)

А. А. Иерусалимская,
кин, внс
Государственный Эрмитаж
(г. Санкт-Петербург)

ПЕРСТЕНЬ ИЗ МОЩЕВОЙ БАЛКИ (О ВЛИЯНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ИСКУССТВО МЕСТНЫХ ПЛЕМЕН)

Аннотация. *Перстень был найден в могильнике Мощевая Балка/дальше М. Б./, вне погребальных комплексов. По форме он принадлежит к известному типу литых алано-салтовских перстней VIII-IX вв. Перстень изготовлен из так называемой «бронзо-подобной» латуни с низким содержанием цинка в сплаве (2-10%). Такой состав характерен, как показали анализы, для перстней и других украшений из М. Б., а также для аналогичных предметов из ряда могильников аланского круга (хранящихся в Эрмитаже). Подобный сплав местные племена производили совместной плавкой медных и цинковистых руд, имея собственную рудную базу. Есть основания предполагать, что они целенаправленно заменяли в сплавах дефицитное олово на цинк, то есть получая не бронзу, а латунь.*

В находках из М. Б. представлен и другой сорт — «золото-подобная» латунь, с высоким содержанием цинка (до 30-50%). Такой сплав производился в Средиземноморье и был предметом торговли в брусках по Северокавказскому Шелковому Пути: из него сделаны нашивные бляшки и брактеаты, которые также были произведены местными мастерами, но из привозного металла. Главной особенностью перстня является резное изображение, довольно грубое, на его щитке: фигура орла (в обрамлении мелких перлов), передана в характерной манере. Прототипом послужили шелка с этим сюжетом, которые ткались в Византии долгие века именно в такой иконографии Византийские ткани составляют одну из самых обширных групп в северокавказских находках импортного текстиля. До недавнего времени, однако, не наблюдалось никаких признаков их влияния на местное искусство, которое оставалось крайне своеобразным. Обычно местные жители относились безразлично к изображениям на тканях, попадавшим сюда благодаря их контролю над перевалами. Исключение делалось лишь для немногих сюжетов,

которые перекликались с их собственными верованиями: одним из наиболее важных среди них были птицы.

Многообразное влияние данного маршрута Шелкового пути сказывалось, таким образом, помимо чисто «прагматической» сферы, и в некоторых явлениях искусства алано-адыгских племен. Публикуемый перстень является первым примером такого рода.

Ключевые слова: *перстень; латунь; алано-адыгские племена; раннее средневековье; византийские шелка; орел; Северокавказский Шелковый Путь.*

The ring atissue belongs in its form to the known type of Alan-Saltovo cast rings dating from the 8th-9th centuries. It was made of so called «bronze-like» brass, i.e. low brass containing 2-10% of zinc. Low brass had been substituted for bronze, which required the addition of scarce tin ocopper: zinc (in natural alloys) had been used in stead of tin. This kind of brass had been manufactured by local populations on its own mining base. Metal analysis of the ring showed the composition which is characteristic of the most decorations from M. B., as well as of a number of other alanian burial grounds of the early medieval period (from the Hermitage Collection).

In the North Caucasian burials one can find also high brass, containing up to 30-50% of zinc, which was the imitation of gold. This kind of brass had been exported in ingots from the Mediterrane by the North Caucasus Silk Road. Pendants and bracteates of this kind of brass were also made by local masters, however from imported metal.

The main feature of the ring from M. B. is the representation of the eagle (with small pearls around) on the plate. The picture had been carved rather rudely. Typical stylization of the figure indicates that the imported Byzantine textile had become come the prototype._Generally, in that epoch North Caucasian local population didn't pay attention to the pattern of the imported textiles, excluding subjects which were associated with their own religious ideas. In the first place the representations of birds attracted interest; this statement is supported by a number of other facts._«Ring with eagle» is the first case of direct influence of patterns of imported textiles on alanian tribes'art, which was distinguished by great originality.

Key words: *ring; brass; adyg-alanian tribes; early medieval period; byzantine silk; eagle. North Caucasus Silk Road.*

Поскольку могильник Мощевая Балка (далее — М. Б.) достаточно полно опубликован [1], ограничусь лишь кратким напоминанием некоторых фактов, которые могут иметь отношение к рассматриваемой теме. Могильник находится в верховьях Большой Лабы, левого притока Кубани, в горах Северо-Западного Кавказа, вблизи Лабинского (и некоторых других, более мелких) перевалов, ведущих в Бзыбскую Абхазию. Над ним, на плато располагалось небольшое укрепленное алано-адыгское поселение (ныне совершенно разрушенное), державшее под контролем эти перевалы. Могилы были устроены на песчаниковых террасах с навесами, образованных выветриванием. Дата памятника VIII-IX вв. Погребальный инвентарь отличается редкой сохранностью органики. В частности, количество найденных здесь привозных шелковых тканей оказалось почти невероятным для эпохи раннего средневековья, когда шелк ценился наравне с золотом. Это обстоятельство, а также состав импорта позволили реконструировать тут один из маршрутов Шелкового пути, названный мной «Северокавказским», и предназначавшийся для торговых связей Средиземноморья с Китаем и Средней Азией: он был изначально проложен в обход Ирана, препятствовавшего их прямой торговле [2, 55-78]. Этой реконструкции способствовали не только некоторые письменные источники [3, 270], но и впервые изучение самих найденных тканей, а также ряд иных артефактов, подтверждавших эту гипотезу (напомню, например, уникальную находку фрагмента «дневника» китайского купца, что свидетельствовало о том, что он побывал в М. Б. в ту эпоху [4, 363-369]).

Подобная ситуация естественным образом заставила задаться вопросом о характере возможного влияния указанного транзитного пути на местные племена [5, 445-460]. Во многих сферах такое влияние на них со стороны стран, ведших торговлю частично по их территории, выглядит совершенно очевидным. Именно этот фактор, вероятно, мог стимулировать появление в местной среде ряда технических достижений (токарного станка, сложносоставного лука, некоторых металлических сплавов), а также отдельных элементов алано-адыгского костюма [6, 192-239]. Если в ранне-аланский период преобладающим в этих районах являлось в первую очередь влияние Боспорского царства, то с началом регулярного функционирования северокавказского маршрута Шелкового пути определяющим явно стало влияние этого последнего. С ним следует в особенности связывать местные подражания ряду форм иноземных предметов — как бытового, так и культового характера. Имеются в виду, например, кожаные флакончики, копировавшие привозные стеклянные, ряд форм металлических украшений, двусторонние деревянные гребни византийского типа (иногда с нарезным орнаментом), мешочки для местных амулетов, повторяющие христианские ладанки (которые могли здесь распространять византийские миссионеры, часто сопутствовавшие торговым караванам [7, 53-57]) и т.д.

Однако менее ясной оставалась проблема влияния Северокавказского пути на местное искусство, которое в целом оставалось здесь весьма своеобразным, нередко восходя к своим более древним прототипам, и которое, разумеется, существенно отличалось от искусства

стран-участниц этой международной торговли, находившихся в ту эпоху на совсем ином уровне политического, социального и культурного развития. Так, до последнего времени не возникало (по крайней мере, у меня самой) однозначного ответа на вопрос, оказывали ли какое-либо влияние на местное искусство *узоры привозных шелков.* Последние, являвшиеся, по выражению Н.В. Пигулевской, «главным товаром» в торговле раннего средневековья, широко вошли в жизнь этих племен. Те из них, которые контролировали перевалы, получали ткани в качестве оплаты караванами их прохода, коней, проводников, носильщиков, провианта (отдельная дань полагалась местному вождю, а также в XVIII-XIX вв. владельцам сторожевых башен). При этом куски шелка, истинная ценность которых была здесь неизвестна, разрезали и делили между собой участники перевода каравана, поэтому в одни руки попадал обычно лишь относительно небольшой фрагмент [8, 94-95; см. также: 9, 458; 10, 86-95].

В любом случае здесь скопилось в ту эпоху такое количество шелковых тканей, что они служили для украшения одежды (и обуви!) даже рядовых общинников или для детских игрушек– и это в то время, когда в странах Запада и Ближнего Востока шелка были преимущественно привилегией высших слоёв общества и использовались лишь самым престижным образом.

Между тем, как мне уже приходилось отмечать [11, 456-458], отношение местных племен к изображениям на этих шелках было обычно весьма безразличным: часто при шитье их кромсали и затем комбинировали, не обращая внимания на узор — особенно, если это был

сложный сюжет. Создавалось впечатление, будто влияния со стороны художественного текстиля на местное искусство вообще не существовало. Это в какой-то мере подтверждалось и характером орнаментации изделий из дерева — несомненно, местных. Так, культовые коробочки-бынат [ы] хицау (обязательный элемент погребального инвентаря в М. Б. и в ряде других алано-адыгских памятников) украшены простейшими орнаментами — гравированными или расписными; чаще всего в виде прямой сетки или перекрестий — обычно к тому же выполненными мало профессионально. Не только подобные примитивные узоры, но даже *(Ил.1)* резное деревянное дно колчана из М. Б. (с мотивом, длительно живущим впоследствии вплоть до поздней осетинской резьбы по дереву), которое отличается более высоким уровнем исполнения, не содержит никаких признаков иноземного влияния. Отсутствовали до недавнего времени такие признаки и в художественном аланском металле: в культовой пластике (например, в фигурках-амулетах, в том числе, давно и тщательно изучавшихся [12] фигурках всадников), а также на поясных, конских и иных украшениях, которые — независимо от степени профессионализма мастера — обычно отличаются своеобразием и не находят прямых параллелей в искусстве далёких стран Запада и Востока. Среди подобных рисунков в орнаментальном репертуаре местного металла встречаются к тому же такие, культовый смысл которых пока не разгадан или не выходит за рамки предположений. К их числу относятся, например *(Ил.2)*, наконечники поясов с изображением двух соединенных по вертикали голов мужчины и женщи-

ны: сюжет, возможно, связанный с культом деторождения. На подобных изделиях, естественно, тем более невозможно усмотреть какое-либо влияние со стороны «искусства Шелкового Пути».

Стоит отметить в этой связи, что в более восточных районах Северного Кавказа аланские ремесленники, работавшие по металлу, воспроизводят порой, кроме собственных оригинальных сюжетов, иранские образы (сасанидские или постсасанидские): такие, как «парфянский выстрел» всадника на поясных бляшках из Тарского могильника [13, 63] или как фигурка богини на туалетной ложечке из Ингушетии в собрании Эрмитажа [14, 897-916]). Однако находки этого рода являются следствием географического положения этих территорий: они связаны крупными перевалами (а в восточной части Дербентским проходом) с областями иранского владычества и влияния в Закавказье, что в сильной степени определило здесь характер контактов аланов с южными соседями [15, 259-262], не имеющих таким образом прямого отношения к Северокавказскому Шелковому Пути (проходившему западнее и северо-западнее). Изложенные соображения подчеркивают необходимость создания в будущем обобщающего специального исследования по аланскому искусству –независимо от уже существующих работ в этой сфере, заслуживающих самой высокой оценки (Г. Е. Афанасьев, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов, В. Х. Тменов, Р. Г. Дзаттиаты, и др.). В данной же статье рассматривается всего лишь частный вопрос: о возможном влиянии со стороны Северокавказского Пути — через тканные узоры –на искусство алано-адыгских племен тех райо-

нов, где он реально проходил, и где, тем не менее, следы подобного влияния до сих пор почти не удавалось обнаружить.

Новый поворот в моем понимании этой проблемы произошел благодаря перстню из М. Б. *(Ил.3)*, впервые детально здесь публикуемому (два прежних его воспроизведения [16, 302 (2012), 458 (2010)] не сопровождались исследованием). Эта тема показалась мне в известной мере уместной, предоставляя к тому же автору возможность принести сердечные поздравления глубоко мною уважаемому **Руслану Георгиевичу Дзаттиаты**, чьи раскопки в Даргавсе дали так много перекличек с М. Б., и чей вклад в кавказскую археологию поистине огромен.

Итак, перстень был найден В. Н. Каминским в 80-х годах, на склоне террасы, где располагались могилы М. Б., в выбросах из раскопок (или как результат старых грабежей). Другие свои находки в М. Б. (того же печального происхождения) В. Н. Каминский, регулярно «навещавший» памятник, любезно переправлял мне для Эрмитажа. Что касается перстня, то он был передан И. В. Каминской-Цокур в 2006 г., уже после трагической гибели талантливого и чрезвычайно результативно работавшего археолога.

Перстень (инв. № Кз 7787) — литой, со следами проковки и шлифовки, массивный, крупный (диаметр 2,1 см), очевидно, мужской. Жуковина сочленяется с овальным щитком (размер 1,8 х 1,3 см) короткими дужками, переходящими по внешней стороне в характерные угловатые выступы по сторонам последнего *(Илл.3; 4)*. Главной особенностью перстня является

вырезанное на щитке изображение орла, исполненное резцом. На частях кольца, прилегающих к щитку — неумелая попытка передать гравировкой растительный мотив. В М. Б. перстни того же типа представлены еще двумя экземплярами. (*Ил.5*), на щитке одного из которых сделаны две насечки, напоминающие тамгу (сходные знаки есть на деревянных донцах роговых бокалов из М. Б.).

Такая форма характерна для большой группы алано-салтовских литых перстней VIII-IX вв. Они были найдены в целом ряде памятников этого круга: на Северном Кавказе (Верхний Чир-Юрт; Балта; Камунта; Хасаут; Джейрах, Нижний Архыз; Гамовская Балка; особенно много их происходит из Даргавса [17, табл. VI, XXIXCVI, CLXXXVIII]), а также в Подонье (Верхнее Салтово; «Городище», Воронежской губернии и целый ряд других находок). Особенно показателен для атрибуции перстней из М. Б. — состав металла. Проведенный С.В. Хавриным (Отдел научно-технической экспертизы ГЭ) рентгено-флюоресцентный анализ дал следующие результаты: *медь* — основа сплава; *цинк* — 10-12%; *олово* — 2-4%; *свинец* — менее 0,8%; *серебро* — менее 0,25%; *железо* — менее 0,7%; *сурьма, мышьяк, никель* — следы.

Таким образом, выяснилось, прежде всего, что публикуемый перстень, был изготовлен не из бронзы, как это казалось с первого взгляда, а из латуни. Сходный состав металлического сплава характерен для большинства туалетных наборов и украшений из М. Б. (свыше 70%), включая оба упоминавшихся перстня. В свое время все они анализировались близкими методами в

той же лаборатории Эрмитажа её заведующим А. И. Косолаповым: было выполнено свыше 50 анализов. К ним вскоре было присоединено еще 20 отобранных мною аналогичных предметов из ряда других аланских могильников, хранящихся в Эрмитаже: Джейрах, Камунта, Кобан, Донифарс, Лизгор (из раскопок В. И. Долбежева и из коллекции К. И. Ольшевского). Все они числились в инвентарях как «бронзовые», но оказались также сделанными из низко-цинковистой латуни. Первые выводы по результатам этих анализов, так же как общий обзор сведений по истории латуни, были представлены в моей статье 1986 гола [18, 100-111], самые краткие данные из которой приводятся ниже — в пределах, необходимых для данной публикации.

В первую очередь стоит, возможно, напомнить, что если для получения бронзы главным компонентом, сплавляющимся с медью, являлось *олово*, то для латуни вместо него использовался *цинк*.

В зависимости от процента содержания цинка выявляются два разных вида латуни (причем оба зафиксированы как М. Б., так и в ряде других северокавказских раннесредневековых могильников Северного Кавказа): 1) Сплав с низким содержанием цинка (от 2% до 7-10%): напоминает по цвету бронзу, почему он и был назван мною *«бронзо-подобным»*. Эта группа являлась самой многочисленной и не была связана с назначением или с техникой исполнения предмета. К ней принадлежит и перстень «с орлом», а также два других аналогичных перстня из М. Б.

Получение низко-цинковистой латуни происходило, по справедливому указанию А. А. Иессена [19,

178], совместной плавкой медных и цинковистых руд. Значительные их залежи имелись в верховьях Терека и в районах Карачаево-Черкесии, что подтверждает существование здесь своей рудной базы. Благодаря анализам, обнаружилось, что в VIII-IX вв. в этих районах происходила, по-видимому, регулярная замена в медных сплавах олова на цинк. Факт этот объясняется тем, что олово было весьма дефицитным в мире (и Кавказ не был в этом отношении исключением), поэтому поиски его заменителей совершенно естественны. К этому можно добавить также ряд преимуществ латуни по сравнению с бронзой: меньшая температура плавления, большая устойчивость к коррозии.

Несмотря на изложенные факты, приходится заметить, что мы продолжаем (по традиции и, конечно, из-за отсутствия массовых анализов) называть, как и прежде, «бронзовыми» почти все найденные при раскопках металлические украшения, тем более, что бронза и латунь идентичны по цвету. Пусть это напоминание послужит призывом к осторожности в определениях металла по внешнему виду и к возможно более массовым проверочным анализам.

2) Сплав с высоким содержанием цинка (от 15-20 до 30-50%) имеет свою особую историю. Такой вид латуни имитировал золото, и получил в моей терминологии наименование *«золото-подобной»* латуни. Анализы выявили, что этот сплав использовался в М. Б. в гораздо меньшей степени: для штампованных индикаций, брактеатов и других нашивных бляшек. Есть основания предполагать, что находки такого рода (судя по характеру их описаний авторами) имели место и в могиль-

никах Кисловодской котловины. В более же восточных районах Северного Кавказа они пока невстречены.

Упоминаю об этом в связи с выдвигаемой здесь гипотезой о возможном продвижении этого сплава — вывозившегося из Средиземноморья на Восток (в Среднюю Азию и Китай, где он был очень востребован) — именно по Северокавказскому Пути, где небольшая его часть и могла «оседать». Такую латунь вывозили в брусках с римского времени из нескольких западных центров, получавших её на базе своих природных источников[1]*. Причем один из трех таких центров, находился у южно-кавказских племен моссиников, то есть недалеко от Трапезунда — главного перевалочного пункта в торговле по северокавказскому маршруту.

Поскольку в М. Б. найдены не только сами изделия из золото-подобной латуни, но и заготовки для них, можно не сомневаться, что они сделаны местными мастерами: но, в отличие от изделий из бронзо-подобной латуни, не из местного, а из привозного металла. Кажется вполне вероятным в этом случае предположение, что брусок такой латуни мог послужить здесь когда-то «приперевальной» оплатой, наряду с тканями и другими товарами, попадавшими к местным племенам. Учитывая, что в основе изображений на индикациях и брактеатах, изготовленных из подобной высоко-цинковистой латуни, лежат византийские золотые солиды — это является само по себе отра-

[1] Правда. уже к X в арабские химики научились выделять «лабораторно» чистый цинк для получения такого сплава и считали при этом выполненной главную задачу алхимии — «превращение меди в золото», как это называл знаменитый химик ар-Рази [20, 63-88,132]).

жением, пусть косвенным, влияния здесь со стороны Шелкового пути.

Возвращаясь к рассмотрению нашего перстня, обратимся к *изображению* орла на его щитке. Оно было, несомненно, выполнено местным мастером, причем довольно грубо и не слишком профессионально. Обращают внимание, например, выходящие за пределы щитка (из-за неверного расчета) *ножки орла*, оставшиеся поэтому внизу не завершенными.

Разумеется, орел — птица, хорошо известная на Кавказе. В данном случае, однако, особенно примечательна трактовка фигуры орла, далеко не реалистичная и при этом с весьма характерной стилизацией. Орел показан в фас, с повернутой вбок головой, с крыльями, опущенными вниз и раскинутыми фронтально. Система передачи оперения явно отличается выработанной традиционностью: полукруглая верхняя, плечевая, часть, отделённая чертой от вертикальных линий маховых перьев; продольные ряды точек на тулове (*Ил. 3).* Подобная фигура не могла быть ни «срисована с натуры», ни тем более «*придумана*» местным мастером. Никаких параллелей в изображениях птиц в искусстве Северного Кавказа — ни в средневековом, ни в более раннем — подобный рисунок не имеет.

За такой иконографией орла, как ни упрощенно она передана на перстне, безусловно, стоит какая-то долгая традиция, ощущается четкий прототип, послуживший образцом для резчика.

Где же искать этот прототип?

В искусстве сасанидского Ирана, явившегося поставщиком множества сюжетов в мировом раннесред-

невековом прикладном искусстве, орел вообще не входил в число популярных сюжетов[1] (связанных обычно с основной религией Сасанидов — зороастризмом, символизируя определённых богов или благие существа, упоминающиеся в Авесте [22, 34-35]).

К тому же, в силу изложенных выше обстоятельств, определивших состав участников торговли по северокавказскому маршруту, иранские шелка и сами по себе отсутствуют в западных находках аланского круга.

Между тем есть основания предполагать, что *прототипом* для рисунка на перстне послужили именно изображения на привозных шелках: неслучайно орел на перстне обрамлен кружочками: они, вероятно, воспроизводили «перлы» — самый распространенный на тканях вид бордюра медальонов. Поиски аналогий к иконографии орла на перстне, привели к группе текстиля, которая была в М. Б. одной из наиболее многочисленных — к *византийским шелковым тканям*, где орёл, причем стилизованный как раз в той форме, какая представлена на перстне, был одним из чрезвычайно распространенных сюжетов. Этот образ нигде не встречается так часто и с таким постоянством в иконографии, как в византийском шелкоткачестве. Такие шелка ткали и в императорском гинекее Константинополя, позже та же трактовка фигуры перешла и на

[1] В редких случаях такого рода (мне удалось зафиксировать, например, в сасанидской торевтике всего два) орёл к тому же является не самостоятельным сюжетом, но лишь частью определённой сцены [21]. При этом крыло орла формально изображено на них, в свою очередь, в западной, римско-византийской иконографии, перешедшей, вероятно, через предшествовавшие сасанидским парфянские памятники.

изображения двуглавого орла. Шелка с фигурой орла с распахнутыми крыльями выпускали в мастерских византийского круга по крайней мере, с VI-VII по XII вв. [23]. При этом традиционная форма почти не меняется — *Илл.*6 и 7. На перстне из М. Б. она дана в упрощенном виде.

Согдийские шелка, воспринявшие от византийских, в том числе, и сходную иконографию орла, также могли бы быть возможным источником этого сюжета на перстне, но всё же менее вероятным, ввиду крайней редкости его в согдийском текстиле (всего 2 экземпляра среди более сотни известных в настоящее время тканей этой обширной группы)[1].

Итак, латунный перстень из М. Б. — это первый (и, кажется, пока единственный) случай, когда влияние узоров привозного текстиля может быть столь ясно зафиксировано на местном металлическом украшении. Влияние Шелкового Пути, прослеженное мною в различных областях жизни местных племен, представлялось в целом скорее «прагматическим», чем «эстетическим». Благодаря «перстню с орлом», оно оказалось более широким, распространяясь и на художественную сферу.

В свое время мною было отмечено обстоятельство, которое приобретает теперь особое значение: а именно, внимание со стороны местных племен к несколь-

[1] Недавняя полемика, возникшая вокруг атрибуции этой группы шелков — в связи с новым чтением скорописной надписи на обороте шелка из Юи (на арабском языке, а не на согдийском, как это предлагалось ранее) — не требует, с моей точки зрения, изменения согдийской атрибуции этих тканей в целом. Моя статья на эту тему находится в печати.

ким сюжетам, пришедшим сюда с импортными предметами — в первую очередь с тканями. Это имело место в тех случаях, когда они, видимо, перекликались с их собственными религиозными представлениями.

Одним из таких сюжетов на шелках была, например, «двойная секира» (первоначальная семантика этого образа: сасанидского мотива «головы вепря» — и процесс его трансформации в согдийском текстиле в такую форму рассматривались мною специально [24, 152-155]). Низкосортные шелка с этим сюжетом стали выпускать в Согде специально для расплаты с местными племенами. Судя по громадному количеству находок подобных тканей в могильниках этого региона, эти шелка имели здесь явный спрос. Причину же популярности тут тканей с изображениями «двойной секиры» объясняют находки аланских бронзовых амулетов такой формы, отражающих некие собственные верования.

Однако, для рассматриваемой темы гораздо важнее другой сюжет, встреченный на шелках (и на некоторых других привозных предметах) и явно вызывавший интерес у местных племен: это — различные птицы, безотносительно к виду: будь то фазан, павлин, утка или, как на нашем перстне, орел.

Такой интерес проявлялся прежде всего в бережном отношении к таким изображениям на тканях: их не только не разрезали при шитье, но старались поместить в правильном положении и на видном месте. Более того, мною был отмечен исключительный случай: на спинке кафтана, крытого византийским шелком с рядами крупных фазанов, к основной фигуре птицы, у которой на этом участке ткани не хватало ножек, их

«подобрали» на пришивной полосе из того же шелка (правда, ножки принадлежали птице из другого ряда, двигавшейся в противоположном направлении, но примечательна уже сама эта попытка [25, 128-129].

Разумеется, все изложенное отнюдь не может еще свидетельствовать о заметном влиянии извне на местное искусство текстильных узоров.

Но, по крайней мере, это говорит о проявлении интереса к сюжетам, когда таковые оказывались, как указывалось выше, созвучными собственным культам (конечно, независимо от их первоначальной символики на родине изготовления ткани).

Любопытный аналог такому избирательному интересу раннесредневековых северокавказских племен к определенным сюжетам, но представленный уже в другом импортном материале, дают изображения на стеклянных литиках-вставках перстней, происходящих из могильника VII-IX вв. Мамисондон [26, 88-92]. Тут было найдено свыше 80-ти металлических (преимущественно из сплавов серебра) перстней — по всей вероятности, грузинского происхождения. При этом совпадают с упоминавшимся текстильным сюжетом (в виде птиц) и изображения, которые преобладают на стеклянных литиках перстней из Мамисондона: птицы. Местные аланские племена, получавшие перстни в процессе торгового обмена с южными соседями, явно также отдавали предпочтение тем, которые несли такие изображения.

Очевидно, культы, связанные с птицами, были в раннем средневековье распространены по всей широкой территории северокавказской Алании и сал-

тово-маяцкой культуры. Об этом свидетельствуют, в свою очередь, находки здесь мелких подвесных металлических амулетов VIII-IX вв. в виде птичек (существует гипотеза С. А. Плетневой о хазарских корнях подобных амулетов).

Возможно, об этом говорят и некоторые другие данные — такие, как *кожаная птичка*. [27, 48]: в могильнике М. Б., кроме этой небольшой фигурки (с узкой шелковой повязкой на шее), найдено еще несколько мелких фрагментов аналогичных птичек.

Не исключено, что мы невольно «осовременим» ситуацию, называя такие поделки «игрушками»: не являлись ли и эти птички оберегами?

Но это уже другая тема и другая задача, которая представляется очень привлекательной.

[Примечания:]

1. *Иерусалимская А. А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на северокавказском Шелковом пути. ГЭ. СПб, 2012; *Ее же*. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. ГЭ. СПб, 1992;

Ierusalimskaja A. Die Gräber der Moscevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstrasse. München, 1996.;

Савченко Е. И. Мощевая Балка — узловой пункт Великого Шелкового пут на Северном Кавказе. // Российская Археология, 1999, №1, 125-140.

2. *Иерусалимская АА.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // Советская Археология, 1967, №2

3. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию: из истории торговли Византии с Востоком.М.-Л. 1951

4. *Иерусалимская.* Мощевая Балка, 2012

5. *Иерусалимская А.А.* Некоторые аспекты влияния византийской культуры

на раннесредневековые племена Северного Кавказа. // Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения А.В. Банк. Труды ГЭ, LI, СПб, 2010

6. *Иерусалимская*. Мощевая Балка, 2012

7. *Иерусалимская А.А.* Мешочки для амулетов из могильника Мощевая Балка и христианские «ладанки».// СГЭ, XLVII,1982. В настоящей статье не рассматриваются некоторые более поздние находки, связанные с деятельностью христианской церкви в Алании: такие как нашивная бляшка Эрмитажа из Камунты, копирующая византийский моливдовул — см. *Иерусалимская А.А.* Аланская реплика на византийский моливдовул //Сфрагистика и история культуры. Сборник трудов, посвящённый юбилею В.С. Шандровской. ГЭ. СПб. 2004, 59-66.

8. *Иерусалимская*. Мощевая Балка, 2012

9. *Иерусалимская*, 2010. Некоторые аспекты влияния византийской культуры.

10. *Иерусалимская.* Мощевая Балка, 2012

11. *Иерусалимская,* 2010. Некоторые аспекты влияния византийской культуры

12. *Афанасьев Г.Е.* Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа. // Сообщения Государственного Эрмитажа, XXXVI,1973, 36-39; *Ковалевская В.Б.* Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с.111-120; *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992, 293-295.

13. *Габуев Т.А.* Аланский всадник. Сокровища князей I-XII веков. Каталог выставки. Государственный музей искусства народов Востока. М., 1995.

14. *Jeroussalimskaja A.* A propos de l'influence sassanide sur l'art des tribus alains: une trouvaille en Caucase du Nord. //

Archaelogia Iranica et Orientalis, v. II. Gent, 1989.

15. *Дзаттиаты Руслан.* Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.

16. *Иерусалимская*, 2012, Ил.183; *Её же*, 2010, Ил.12.

17. *Дзаттиаты Руслан.* Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014.

18. *Иерусалимская А. А.* Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам Мощевой Балки). // Советская Археология, 1986, №4.

19. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. // Известия ГАИМ К, 1935, вып.120.

20. *Каримов У. И.* Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957.

21. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.-Л. 1935; *Кинжалов Р. В., Луконин В. Г.* Памятники культуры сасанидского Ирана Л., ГЭ. 1960, ил.7; *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. М., 1987.

22. *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. ГЭ. Л., 1963.

23. *Falke O.von.*Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1913. Bd.I, Abb.144; *Volbach W. F.* Il tessuto nell'arte antica. Milano, 1966, 132, 137; *Muthesius A.* Byzantine Silk Weaving. AD 400 to AD 1200. Vienna, 1997 и мн.др.

24. *Иерусалимская,*2012, ил.186.

25. *Иерусалимская 2012,* ил.63.

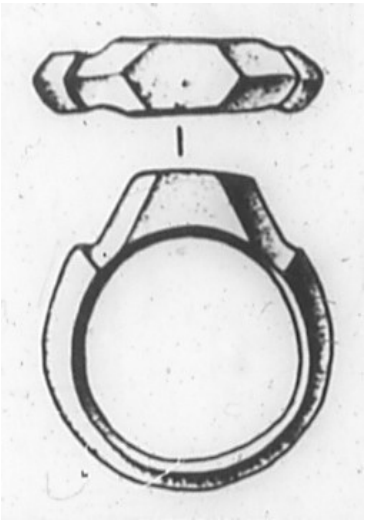
26. *Албегова З. Х., Верещинский-Бабайлов Л. И.* Раннесредневековый могильник Мамисондон. ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований, т.11. М., 2010.

27. *Иерусалимская 2012*, ил.21-а.

Ил.1. *Деревянное дно колчана. М. Б.*

Ил.2. *Латунный наконечник пояса (внутри остатки кожаного ремня). М. Б.*

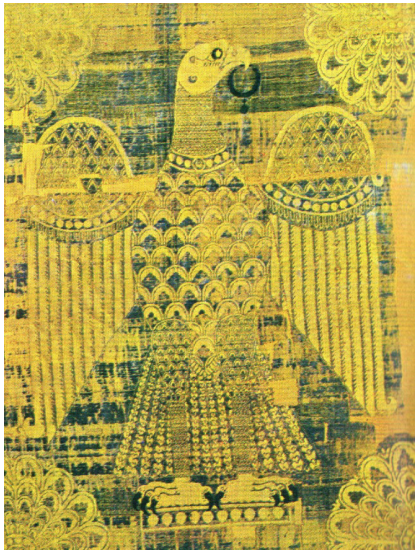
Ил.3. *Перстень «с орлом»: шинка с изображением. М. Б.*



Ил.4. *Схема общего вида литых перстней данного типа*

Ил.5. *Два латунных перстня из М. Б.*

Ил.6. *Византийский шелк Музея Диозесан в Брессаноне. Нач. XII в. (по: Volbach W. F. Il tessuto nell'arte antica. Milano,1966, №64)*



Ил.7. *Византийская шелковая ткань из Оксерра (Auxerre). Около 1000 г.*

(по: Volbach W. F. Il tessuto nell'arte antica. Milano, 1966, № 63)

А. Б. Багаев,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКА У ОСЕТИН В XVIII-XIX ВВ.

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию способов и принципов организации войско у осетин в XVIII-XIX вв. В работе освещены особенности комплектования вооруженных сил в «демократических» и «аристократических» обществах осетин. Выявлены отличительные черты между войском собранного для обороны собственной территории и войском подготовленным для набега или военного похода. Рассмотрены способы деления войска на определенные тактические единицы. Описано использовавшееся осетинами боевое построение войска на марше. Выделены типы военных руководителей существовавшие у осетин рассматриваемое время.*

Ключевые слова: *Военное дело, вооруженные силы, войско, набег, осетины, осетинские общества.*

This article is devoted to the study of methods and principles of the organization of the army of the Ossetians in XVIII-XIX centuries. The paper highlights features of recruitment of the armed forces in the «democratic» and «aristocratic» Ossetian societies. Distinctive features between the army assembled for the defense of its own territory and the army prepared for a raid or military campaign. The methods of dividing the forces on certain tactical units. Described Ossetians used to build combat troops on the march. Obtained types of military leaders existed at the relevant time Ossetians.

Keywords: *military, armed forces, army, raid, Ossetians, Ossetian society.*

Изучение принципов комплектования войска является одним из важных элементов в многоаспектном исследовании традиционной военной культуры. В различные исторические эпохи у разных народа в различ-

ных регионах мира она имела свои особенности. Способы комплектования войска у горцев Кавказа в общих чертах рассматривались М. П. Санакоевым. По его мнению, формирование войска на Кавказе, в том числе у осетин, имело характер феодально-сословной военной организации, не имевшей твердо установленной численности и организационных начал. После окончания военных действий ополчение немедленно распускалось. Службу несли со своим снаряжением, вооружением и конем, а также продовольствием и фуражом. Сбор ополчения поручался какому-либо феодалу или влиятельному лицу, сохраняя в основном форму феодально-сословной организации [33, 36].

В данной работе опираясь на доступные источники мы более пристально рассмотрим способы и принципы организации войска у осетин в XVIII-XIX вв. Необходимо отметить, что в разных обществах, располагавшихся в горных ущельях,существовала определенная разница в принципах комплектования войска [4, 35; 5, 37; 3, 47].

Традиционно сбор войска у осетин происходил посредством призыва одного воина с каждого двора. Каждая семейная община, проживавшая в отдельном дом и представлявшая собой самостоятельную хозяйственную единицу, должна была одного из своих членов вооружить и снабдить всем необходимым для отправки в поход. Так, квартирмейстер русской армии Л. Л. Штедер, принимавший непосредственное участие в народном восстании в Дигории в 1781 г., сообщает о наборе им войска из осетин. «Старшины провозглашали на улицах, чтобы от каждого дома вооружился один че-

ловек и, взяв с собой запасы провизии на три дня, под страхом отнятия быка, встал бы на мою защиту. Они выставили не более 60 человек. Мои старшины сказали мне, что незначительность штрафа вызвала сомнения в серьезности дела. Я удвоил штраф и начал с пары быков. Тогда ко мне побежали со всех сторон, и через несколько минут кругом меня собралось несколько сот хорошо вооруженных горцев» [40, 60]. Свидетельство Л. Л. Штедера о способе сбора вооруженных людей для организации войска распространяется и на другие осетинские общества. Так, согласно договору с грузинскими царями, осетины Наро-Мамисонской котловины в случае необходимости оказывали военную помощь Грузии и обязались выставлять с каждого дома по одному конному или пешему воину. При этом они обязывались служить в войске грузинского царя весь теплый сезон, пока перевалы были открыты [21, 45]. Вероятно отмеченный принцип комплектования вооруженных сил уходил своими корнями в глубокую древность. Подтверждением данной точки зрения является осетинский нартовский эпос, в котором, если кому-то из героев необходимо было собрать войска для похода или войны, он обязывал каждый двор выставлять всадника или пешего воина в противном случае угрожая разорением дома.

С. Броневский отмечал, что организации войска по принципу с «одного двора — воин» бытовал почти у всех народов Кавказа [12, 46]. В особых случаях в поход от одного двора отправлялись два воина.

При организации вооруженных сил в осетинских обществах особую роль играл родственный принцип

комплектования отрядов. Военная организация осетинских обществ тесно связана со структурой родственных объединений осетин, игравших важную роль в социальной жизни народа [7. 91]. Семейная община выставляла самое маленькое подразделение в структуре войска общества, которым командовал старший мужчина семьи. Эти группы входили в состав отряда, состоявшего из членов одной патронимии. Главы семейных общин выбирали из своей среды военного руководителя патронимии. Из патронимических отрядов образовывалось ополчение фамилии. По данным письменных источников комплектование воинского отряда по родственному принципу практиковался осетинами еще в середине XIX в. Так, во время Крымской войны «Хетагуровы организовали специальную конную сотню для отправки на турецкий фронт» [21, 14]. Если несколько фамилий, находившихся в родстве (*æрвадæлтæ),* жили в одном районе, то они в военном отношении составляли единое целое.

Существование у осетин соседской общины предполагало формирование воинских контингентов не только по родственному принципу, но и по территориальному [15, 33-34].

Способы и принципы организации войска в разных осетинских обществах были различными. В «демократических» обществах т. е в обществах, в которых патриархально-родовые отношения в общественной жизни продолжали играть важную роль, бытовали одни принципы организации войска. В обществах же, в которых уже проявлялись феодальные порядки (мы их здесь будем называть «аристократическими» обществами),

способы и принципы организации вооружённых сил были иными.

Организация войска в «демократическом» обществе основывалось на трех принципах: 1) возрастной, 2) родственный, 3) территориальный. Именно в той последовательности, которую мы приводим.

В традиционном осетинском быту биологический возраст человека играл важную роль. Возраст являлся индикатором знаний и умений. Почти всю общественную деятельность лица одного возраста и пола осуществляли совместно [17, 400]. Во время общественных мероприятий лица разных возрастных групп находились в определенной обособленности (старшие со старшими, младшие с младшими). Не была исключением в этом плане и военная деятельность. Люди внутри этих возрастных категорий делились на группы по родственному принципу. И только потом — по территориальному.

Организация войска в «демократическом» обществе, в основном, основывалось на принципах добровольности. В одних случаях один из опытных воинов общины сам или посредством другого лица оповещал членов общества о своем намерении отправиться в поход. Так как инициатива исходила от него, он и являлся предводителем отряда. Из собравшихся добровольцев он по отработанной схеме организовывал войско. В другом случае готовые к походу воины собирались в определенном месте и выбирали из своей среды предводителя, которому во время военного предприятия безоговорочно подчинялись. На должность предводителя они могли пригласить и известного своими орга-

низаторскими способностями опытного воина из другого общества.

В осетинских обществах, в которых феодальные порядки были прочнее, ядром войска являлась привилегированная фамилия. По ее призыву зависимые от нее родственные коллективы обязаны были являться к ним и принять участие в их военных предприятиях. Так, старейшины фамилий Есиевых и Тезиевых утверждали: «Если мы с равными себе куртатинцами или тагаурцами вели войну, то жители наши шли по нашему призыву и дрались за нас» [27, 56]. Это положение отражено и в фольклорных текстах [30, 192]. Вокруг ядра войска, состоявшего из мужчин феодальной фамилии, группировались воины из зависимых родственных коллективов.

В качестве предводителя выступал старший из мужчин привилегированной фамилии. В «аристократических» обществах определенный воинский контингент обязаны были выставить кавдасарды: мужское потомство от побочных жен социальных верхов [40, 53] Как видим, в организации войска «аристократического» общества сохранялась социальная иерархия, характерная для ее повседневной жизни.

Влияние более многочисленных и мощных родственных коллективов на военную жизнь ощущалось как в «аристократических» так и в «демократических» обществах. Как отмечал К. Л. Хетагуров в войнах они составляли главную и руководящую силу [36, 10].

Важным вопросом при организации войска является вопрос о руководстве. Войско без командования являлось просто сборищем вооруженных людей, поэ-

тому в военной организации большую роль играл предводитель. Он решал вопросы подготовки и ведения сражения, занимался организацией марша, походного охранения и разведки, выбирал место для сражения. Только наличие руководителя превращало толпу воинов в войско. Однако даже войско из подготовленных бойцов, обладавших хорошими индивидуальными боевыми навыками, ветеранов многих сражений, еще не означает, что оно, уже благодаря своей опытности, испытанности и профессионализму, безусловно будет побеждать. В истории воинского искусства этому есть немало примеров. Без опытного, умелого, удачливого военачальника даже сильное войско могло подвергнуться жестокому разгрому и уничтожению, поэтому большая ответственность лежала на предводителе. Он должен был организовать массу вооруженных людей в войско. Обращая внимание на сильные и слабые качества воинов, учитывая имеющиеся в наличии оружие и военное снаряжение, покрыть военные недостатки одних сильными качествами других и этим укрепить общую мощь всего войска, сделать массу вооруженных людей как можно легче управляемой, способной действовать организованно, сплоченно. Для предводителя необходимо было знание не только военного искусства и обладание солидным боевым опытом, но и обязательное наличие организаторских способностей. Чем больше был отряд, тем должны были быть выше его способности. Он должен был прекрасно ориентироваться на местности, найти тайную тропу в горах, провести вверившихся ему воинов через густой лес темной ночью и т.п. Предводитель должен был умело повести отряд

к объекту нападения, далее искусно провести захват и организованно вернуться с добычей обратно.

Не каждый опытный воин мог стать предводителем в силу неспособности отвечать вышеперечисленным требованиям. В Нартовском эпосе осетин из двух братьев-близнецов Уырызмага и Хамыца, являющихся опытными воинами, только первый является предводителем нартов. Надо отметить, что в рассматриваемое время военные знания, главным образом сводившиеся к накоплению личных умений и навыков военной деятельности, приобретались с возрастом. Поэтому предводителем всегда являлся человек старшей возрастной группы.

В осетинском языке есть несколько терминов для обозначения предводителя: *балхон, раздзог, фæтæг, раздар, финдзог*. Они отражают место предводителя в строю и функцию ведущего войско [38, 163]. На наш взгляд, существенная разница между предводителями наблюдалась в том, каким образом тот или иной воин становится руководителем войска.

Балхон-ом назывался предводитель, инициировавший сбор войска и отправление в поход или набег.Названиеб*алхон* — буквально созывающий, приглашающий военный отряд, дружину — это тип предводителя, который являлся инициатором военного предприятия [1, 434]. По осетинским фольклорным текстам видно, что *балхон*, планируя осуществить определенное военное предприятие, созывал к себе воинов, готовых участвовать в нем. При этом они должны были соответствовать определенным требованиям. По представлениям осетин, непригодными для военного похода

являлись следующие лица: не способные контролировать свой язык (*дзырдхæсджытæ*), чревоугодники (*гуыбынджынтæ*), легкомысленные (*тæнæгзонд*), не способные вести себя должным образом в обществе (*æнæхсæст*) и лентяи (*зивæгкæнаг*) [31, 154]. К тем лицам, которых он считал подходящими для задуманного предприятия, посылался молодой воин — *кæстæр*. В осетинских селениях были и специальные вестники, называвшиеся *фидиуæг* (глашатай, вестник). На эту должность выбирались мужчины старше средних лет, с громким голосом. В фольклорных текстах часто призыв того или иного военного предводителя о сборе в поход оглашается *фидиуаг*-ом. *Балхон* мог, самолично явившись на особое возвышенное место в селении — *фидиуæн*, громко объявить о приглашении желающих участвовать в предстоящем военном предприятии [29,190]. Как правило, он уведомлял призываемых в поход лиц за неделю. Как свидетельствуют фольклорные тексты, обычно днем сбора войска была пятница. «Сегодня пятница, в следующую пятницу вы должны собраться и быть в боевой готовности» [22, 258]. *Балхон* мог призвать в свое войско не только воинов из своей общины, но и желающих принять участие в его военном предприятии из других общин.

Особенностью создаваемого таким предводителем войска было то, что оно состояло из добровольцев. Все, кто был готов, собирались в условленном месте, приводили себя, свое оружие и снаряжение в порядок. В поход выступали рано утром [6, 5].

Другим типом военного руководителя являлся *раздзог* (буквально переводится как «движущийся впе-

реди»). При выборе предводителя важны были его следующее достоинства: обладание существенными военными знаниями, мужество и сила, удачливость, а нередко и происхождение. Главным требованием к *раздзог*-у было умение грамотно организовать войско и успешно провести предстоящее военное предприятие [31, 157]. Характерным отличием рассматриваемого типа предводителя от *балхон*-а была его выборность. Б. А. Калоев отмечает, что во время нападения на Дигорское ущелье «по тревоге поднималось все ущелье. Отдельными обществами дигорцы собирались на общий сборный пункт Мацута, находившийся в центре Дигорского ущелья, на островке между реками Урух и Сонгутидон. Здесь избирался военный предводитель — *раздзог*. После окончания обороны *раздзог* возвращался к своим обычным занятиям» [23, 97]. Предводителя рассматриваемого типа выбирало собрание, состоявшее из воинов старшей возрастной группы, опытных и искусных в военном деле [39, 122]. А. Р. Чочиев отмечает, что «чаще всего *раздзог*-ом являлся кто-нибудь из *уæздантæ* (привилегированных), которых специально приглашали для такой функции, учитывая их большой военный опыт. Общинники выступали как рядовые воины» [39, 113-114]. Однако, это мнение справедливо только по отношению к «аристократическим» обществам.

В случае гибели предводителя во время военного предприятия войско выбирало нового руководителя, который обязательно должен был отомстить за своего предшественника [24, 6].

Во время передвижения войско должно было двигаться организованно, в определенном порядке. Это

позволяло сохранять строй и боевой порядок и давало возможность вступать в сражение при неожиданном нападении во время перемещения. Картину походного построения осетин можно воссоздать, основываясь на имеющемся этнографическом материале. Как отмечает знаток осетинского быта Б. М. Каргиев, «когда осетинские всадники отрядом отправляются куда-либо, самый младший среди них, пока они в дороге, исполняет обычай *кастариуаг*» [24, 180]. Когда по широкой дороге могут проехать три всадника, тогда старший едет по центру, тот, который младше него, слева, а самый младший справа от самого старшего. При сужении дороги самый младший едет один впереди, двое других продолжат двигаться как прежде, бок о бок. Если же дорога станет настолько узка, что может проехать только один конь, тогда второй старший переходит назад, чтобы самый старший оказался посередине. При переправе через водное препятствие первым двигался самый младший [24, 180]. На наш взгляд, это является отражением походного порядка войска. В центре находились самые старшие и опытные воины. Они составляли самую боеспособную часть войска, которая решала в сражении главные военные задачи. Справа от них располагались воины младшей возрастной группы. Они прикрывали основную часть войска от нападения справа, могли при необходимости переходить в авангард, выполняли функции разведки. Воины средней возрастной группы прикрывали центр слева. Они могли также исполнять и роль арьергарда. Впереди двигался знаменосец с большим красным знаменем [9, 4].

Чтобы не сбиться с пути во время дальних походов или при передвижении по незнакомой местности, осетины в лесу делали зарубки, в чистом же поле делались ямки [31, 164; 37, 190]. Они также способствовали нахождению пути в чужом краю.

Как справедливо отмечает В. С. Уарзиати, атрибутом военного дела у осетин являлось знамя. Оно использовалось в этом качестве «до недавних пор, буквально до XVIII — первой половины XIX веков» [35, 107]. В пылу боя опознать своих и чужих было довольно сложно. И предводитель и рядовые воины могли следить за ходом боя и при необходимости прийти на помощь своим, ориентируясь на знамя. Вследствие этого в военной организации осетин выделяется особое лицо, непременный участник — знаменосец *(тырысахæссæг)*. Исполнение этой важной функции было связано с большой опасностью для знаменосца, ибо он становился одной из первых жертв противника, поэтому эта обязанность считалась очень почетной [35, 107].

Осетинским историком Г. Д. Тогошвили на карте Грузии, созданной Вахушти Багратиони в 1735 году, был обнаружен герб Осетии. На шелковом полотнище светло-красного цвета, имеется изображение белого с черными пятнами барса в настороженной позе на фоне гор голубого цвета [34, 85-86].

Основываясь на этом, Г. Д. Тогошвили попытался реконструировать осетинский военный флаг. По его мнению, он представлял собой полотнище прямоугольной формы светло-красного цвета. В центре его должно было размещаться вышеупомянутое изображение барса на фоне цепи гор [34, 88]. На наш взгляд,

это мнение подтверждается этнографическим материалом, собранным Е. Бараковой во время этнографической экспедиции в Алагирское ущелье. Как сообщает один из ее информаторов, Дж.Черчесов, войско алагирцев отправлялось в поход с большим красным знаменем [9, 4].

В подтверждение гипотезы Г. Д. Тогошвили можно привести сведения о боевом знамени у соседних народов. В. П. Подижаев отмечает, что у адыгов, «предводитель военного отряда — какой-либо князь или уорк — дворянин, отправляясь в поход со своим отрядом, подымал и свое знамя, на шелковом полотнище которого — красном, голубом или зеленом — красовалось в центре большое изображение тамги — вождя ополчения» [32, 243].

По наблюдению Р. Г. Дзаттиаты, в фамильном святилище Джатиевых хранилось знамя этого родственного коллектива. К нему были привешены колокольчики и два серебряных креста «мальтийского типа» [18, 40; 19, 23]. К сожалению, цвет этого фамильного знамени вследствие воздействия времени (материя выцвела) установить не представляется возможным.

При исследовании военной организации нельзя обойти вопрос о делении войска на определенные тактические единицы. Надо заметить, что все родственные подразделения в войске общества, начиная с воинской группы, выставляемой семейной общиной, могли являться тактическими единицами. Это определяется организацией родственных групп, характеризующейся определенной автономностью и самодостаточностью. Однако когда собиралось войско, включавшее в свой

состав представителей многих родственных коллективов, более предпочтительной оказывалось деление войска на десятки и сотни. Ю. Клапрот отмечал, что осетины не могут выставить войско, которое бы превышало 200 человек, вследствие их плохой организованности [25, 59]. Однако исторические источники не только опровергают это мнение, но и сообщают прямо противоположное. В войске проперсидски настроенного грузинского царевича Левана были значительные контингенты из осетин. Иногда они были численностью в несколько тысяч конников. Так, в рапорте майора севастопольского мушкетерского полка Меллы, датируемом 27 января 1805 г., отмечается что «полковник Сталь вступил с сим отрядом в осетинскую землю и подошел прямо к селениям арагвских осетин, где более двух тысяч мятежников… собрались присягнуть в верности Левану» [21, 253, 254]. В другом источнике, датированном мартом 1824 г. майор Титов сообщает командующему Кавказским корпусом генерал-майору Н. Н. Вельяминовуо том, что осетины ущелий рр. Большая Лиахва и Паца собрались «более 3000 человек» для уничтожения его отряда [21, 296]. Анонимный автор, проезжавший летом 1827 г. по Военно-Грузинской дороге, сообщает, что «в ущельях Кайшаурских собралась для набегов шайка горцев тысячи в две человек и что дорога небезопасна» [28, 117]. И. Бларамберг отмечает, что во время карательной экспедиции царских войск 1830 г. в Тагаурурское общество им противостояло около 2000 осетин [10, 181]. По другим данным, осетинское войско, противостоявшее генералу И. Н. Абхазову в 1830 г., насчитывало более 2500 человек [11,

366]. Даже если цифры этих источников не точные, они все позволяют говорить о том, что осетины в рассматриваемое время способны были выставлять войска в несколько тысяч воинов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить о существовании у осетин десятичного деления войска. Полковник Казбек отмечает, что во время восстания 1850 г. в верховьях Большой Лиахвы «осетины избрали из среды себя юзбашей» [21, 471].

Термин «юзбаши», используемый грузинским князем и русским офицером Казбеком, вероятно, имеет отношение к грузинской военной номенклатуре. Н. Ф. Дубровин отмечал, что в грузинском войске имелось несколько чинов: сардар — «полный генерал» (перевод Н. Ф. Дубровина) — предводитель войска, минбаши — тысяченачальник, т.е. тысячник, гундистави — пятисотенник, узбаш — сотник, дасбаш — десятник [20, 205-206]. Осетины прекрасно были знакомы с существовавшим в рассматриваемый период делением грузинского войска на десятки, сотни, тысячи, так как во время военных кампаний Грузии осетинские конные отряды располагались на левом крыле грузинского войска [20, 208]. Термин «юзбаш» — турецкого происхождения, обозначает «глава сотни», «сотник», «предводитель отряда в сто воинов», к осетинам попал через грузинское посредство [13, 18]. Вышеупомянутый полковник Казбек сообщает о том, что во время восстания Рукского общества в 1850 г. туда прибыло подкрепление из Урс-Туальского общества численностью «более 300 человек самых отборных… в полном оружии» [21, 473]. Это говорит о существовании деления вооружен-

ных сил осетинских обществ на десятки и сотни. Кроме того, известно сообщение И. Гюльденштедта о том, что в начале осени 1771 г. осетинский «князь Ахмет доставил грузинскому царю Ираклию несколько сот взятых на службу осетин [16, 73]. Интересно, что войско отправлялось в Грузию по сотням. Под охраной одной из сотен во главе с самим вышеупомянутым князем Ахметом И. Гюльденштедт из осетинского селения Чми отправился в Грузию во время своего путешествия по Кавказу.

В другом документе, датированном августом 1802 г., некий подполковник Симонович упоминает роты осетин, располагавшиеся в Цхинвале и подчинявшиеся штабс-капитану князю Багратиону [21, 234]. На наш взгляд, это также свидетельствует о том, что отряд в сто человек являлся устойчивой боевой единицей в осетинских вооруженных силах. Вероятно, поэтому Симонович применяет к ним известное в этот период в европейских армиях название тактической единицы, насчитывавшей примерно сто солдат.

Еще один источник сообщает о том что в 1853 г. по приказанию князя И. М. Андроникова было приготовлено четыреста человек конницы из осетин [21, 521].

Выше уже отмечались некоторые особенности организации войска отправлявшегося в набег или военный поход. Численность такового не была регламентирована. Чаще это был небольшой отряд, который могвключать в свой состав как нескольких человек, так и две-три сотни воинов. Численность отряда, отправлявшегося в набег, зависела и от театра предстоящих военных мероприятий. В горах предпочтительнее было

действовать малыми группами, редко превышавшими десятки. На равнине эффективнее было воевать крупными силами. Анонимный автор отмечает, что «опасность от хищников в горах не столь велика, как между Екатериноградом и Владикавказом. Там горцы могут нападать целыми тысячами; напротив, здесь неприступные утесы составляют такую ограду, которая вовсе почти отнимает средства выезжать со стороны на дорогу» [28, 89].

Весьма интересно сообщение К. Коха по этому вопросу: «Черкесы производят свои разбойничьи набеги большими группами и пользуются больше силой, нежели хитростью; не так поступает осетин, который часто отправляется один или в сопровождении небольшого количества людей и не пренебрегает никакими средствами, чтобы добиться своей цели» [26, 253].

Письменные источники и фольклорные тексты дают представление о численности вооруженной силы достаточной для совершения результативного набега. Священник И. Кирачев свидетельствовал о набеге осетин на деревню Мохис и утверждал, что «напали осетинцы человек 10 и более в ночное время…» [21, 257]. Производивший набеги на Грузию в первой трети XIX в. отряд А. Кабысты, в основном, состоявший из его родственников, колебался от нескольких до 40 человек в различные периоды [21, 356-357]. Другой отряд во главе с К. Тототы, совершавший набеги на поместья грузинских феодалов насчитывал 90 человек [21, 460]. В докладной записке генерала С. С. Стрекалова отмечается, что летом 1830 г. дзимырские осетины, «около 60 человек, разбили караулы, угнали до 300 баранов» [21,

380]. В осетинских фольклорных текстах часто упоминаются отряды, отправившиеся в набег численностью в двенадцать человек [30, 213; 31, 207, 273, 223; 37, 190]. Вероятно, это наиболее подходящая численность воинов для небольших набегов, главным образом, направленных на угон скота.

Грузинский князь Д. Эристави, плененный осетинами в конце XVIII в., сообщает: «В ту ночь напали на нас осетины, было их пятьдесят человек. Там я попал в плен и увели меня, три дня вели по горам в свою деревню Хцева, там держали десять дней. В деревне той живет шестьдесят дымов, свободные они» [14, 98]. Опираясь на данное сообщение можно говорить о том что численность отряда, отправлявшегося в набег, находилась в определенной зависимости от общества или селения, где он был организован.

Даже большие по численности отряды, насчитывавшие несколько сотен воинов, оказавшись на неприятельской территории, подразделялись на мелкие отряды и рассеивались в поисках добычи [21, 253]. Каждый из таких отрядов действовал автономно. После захвата добычи он стремился к заранее намеченному месту общего сбора.

До вхождения в состав Российской империи осетинские общества самостоятельно решали вопросы защиты своей территории от внешних вторжений. Население смежных обществ часто образовывало временные военные союзы. На создание этих союзов определенное влияние оказывало географическое расположение. Располагавшиеся в одном районе общества, в случае внешнего нападения, объединяли свои силы. К. Кох по

этому поводу сообщает: «Джавское братство раньше было разделено на несколько маленьких, которые враждовали друг с другом, пока их не объединила общая опасность» [26, 235].

Существенным моментом в создании военного союза нескольких обществ было принесение совместной воинской клятвы в верности друг другу. В документе, относящемся к восстанию осетин верховьев Большой Лиахвы в 1850 г., сообщается, что «осетины при общественном обеде с принесением жертвы вновь приняли присягу около старой их церкви хисти (поминки) Джвар и с закланием: буде кто из них нарушать присягу эту или изменит, или отстанет от них, или же передаст другому что-либо, то, по обычаю их, уничтожить его со всем его семейством, имуществом до основания» [21, 471].

Этот акт имел характер священнодействия, так как происходил в почитаемом всеми обществами союза ритуальном центре. Присяга на верность друг другу способствовала сплочению обществ перед лицом смертельной угрозы, а так же повышению боевого духа всех членов, образовывавших таким образом военный союз. Как правило, инициатором создания военного союза являлась потенциальная жертва агрессии. Во время карательной экспедиции генерала И. Н. Абхазова в Тагаурию в 1830 г. тагаурцы «тайно отправили людей к соседям своим, куртатинцам и алагирцам, с просьбой принять участие в защите их жилищ» [8, 206]. Во время восстания осетин верховьев Большой Лиахвы 1850 г., по первому зову Рукского общества, с ним объединились Урс-Туальское, Джомагское и другие общества этого района [21, 468].

Стороны, заключившие союзное соглашение, как правило, старались придерживаться данной клятвы, даже ценой собственной безопасности, так как нарушение клятвы, по представлениям осетин, тяжкое преступление, как в этом мире, так и в загробном [2, 93]. В рапорте капитана Ковалевского от 14 июля 1830 г. отмечается: «Куртатинцы отказались исполнить мою просьбу и решительно объявили, что все куртатинское общество поклялось не принимать к себе ни русских, ни писем от них и действовать заодно с тагаурцами, кои, как известно, собрали многочисленную толпу и намерены по примеру джамурцев встретить войска наши оружием» [21, 343].

Таким образом, в рассматриваемое время у осетин войско собиралось посредством призыва с каждого двора одного воина. В особых случаях двор обязывался выставлять и двух воинов. В «демократических» обществах организация войска носила демократический характер: управлял выборный военный руководитель. В «аристократических» обществах войско организовывалось и управлялось социальной верхушкой. Отряды, собиравшиеся для производства набегов на вражескую территорию, собирались из добровольцев. Руководство таким войском осуществляло лицо, призывавшее воинов в набег, или же они сами выбирали себе предводителя. При сборе войска численностью в сотни или тысячу человек, оно разделялось на подразделения по десятичной системе.Надо при этом отметить, что численность войска зависела от численности населения общества или селения выставлявшего его, а также типа войны. Если в набеге или военном походе участвовало

несколько десятков или сотен человек, то при обороне система комплектования войска была немного иной. В отражении нападения внешнего врага активное участие принимало все боеспособное население общества. Соответственно, численность войска существенно возрастала. Неотъемлемым атрибутом войска у осетин являлось боевое знамя красного цвета. Важным актом, значительно сплачивающим войско, являлась совместная воинская клятва всех без исключения воинов в общем святилище.

Примечания:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.I. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. 665 с.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.Т. II. Л.: Наука, 1973. 448с.

3. Багаев А.Б. Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 169 с.

4. Багаев А.Б. Военное дело Осетии XV-XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009. 215с.

5. Багаев А.Б. Военное дело осетин XV-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 215 с.

6. Багаев А.Б. Институт военных походов у осетин (XV — первая половина XIX вв.) //Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2009. № 1. С. 5-12.

7. Багаев А.Б. Традиционность конного войска в военном деле осетин // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. №43. С.90-97.

8. Баев М. Тагаурское общество и экспедиция гене-

рал-майора князя Абхазова в 1830 году // ПП КОО. Кн.IV.`-Цхинвали: Ирыстон, 1989. С.195-210

9. Баракова Е.Е. Этнографические записи // НА СОИГСИ. Ф.4. Д.64. 81л.

10. Бларамберг И. Мемуары русского генерал-лейтенанта И. Бларамберга // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 180-183.

11. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII — 30-е гг. XIX в.) Орджоникидзе: Ир, 1970. 379 с.

12. Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004. 462 с.

13. Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904. 241 с.

14. Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Владикавказ: Ир, 2007. 238 с.

15. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.

16. Гюльденштедт И.А. Путешествие по России и Кавказским горам // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С.70-89.

17. Дауева Т.Т. Институт старшинства в осетинских обществах в период пореформенных модернизация (вторая пол. XIX — нач. XX вв.) // EuropeanSocialScienceJournal. 2014. №8. Т.2. С. 399-403.

18. Джадтиев Р.Г. Культовые памятники верховьев реки Б. Лиахви // Известия ЮОНИИ. Вып. XVIII. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 33-51

19. Дзаттиаты Р.Г. Национальный флаг: благость, мужество, «фарн» // Кавказ, 1992. №1. С. 22-23

20. Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Том I кн.II Закавказье, СПб., 1871. 442 с.

21. История Юго-Осетии в документах и материалах (1800-1864 гг.). Т. II. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1960. 739 с.

22. Казбеков Г. Исторический фольклор // НА СОИГСИ. Ф. фольклор Д.112. П.89. 335 л.

23. Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 2004. 471 с.

24. Каргиев Б. М. Старинные нравы и обычаи осетин // НА СОИГСИ Ф.4 Д. 109.

25. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 105-180.

26. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. //Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 222-274.

27. Марзоев И-Б. Т. Куртатинские таубии // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, 2007. №18. С. 53-57.

28. Н… Н… Поездка на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М.: 1829. 190 с.

29. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Т. I. Владикавказ: Иристон, 2003. 589 с.

30. Осетинские легенды. Владикавказ: Ир, 1989. 530 с.

31. Осетинские народные сказки. Исторические и местные сказки, легенды и сказания, Т. III. Цхинвал: Грузглавиздат, 1962. 362 с.

32. Подижаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент // Ученые записки КНИИ Т. IV. Нальчик, 1948. С. 154-166.

33. Санакоев М. П. Из истории кавказских национальных иррегулярных формирований (XVIII — нач. XX вв.). Цхинвал, 2008. 36 с.История Юго-Осетии в документах и материалах (1864-1900). Т. III. Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1961. 270 с.

34. Тогошвили Г. В. О символах осетинского народа. Осетинский герб и флаг // Фидиуаг (Глашатай). 1972. №4. С. 85-89.

35. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987. 157 с.

36. Хетагуров К. Л. Особа. Владикавказ, 1999. 60 с.

37. Цаллагова И. Н. Паремии осетинского языка: язык осетинской загадки. Владикавказ, 2010. 230 с.

38. Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М.: А КАЛИС, 1996. 263с.

39. Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал, 1985. 288 с.

40. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году Штедером // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С.27-70.

Ф.М. Таказов
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

АРХЕТИП ОРЛА В ФОЛЬКЛОРЕ ОСЕТИН

Аннотация: Орел занимает значительное место в фольклоре и мифологии осетин. Имея типологическое сходство в фольклоре и традициях разных народов, образ орла неразрывно связан с троичной системой религиозно-мифологической картины мира осетин. Архетип орла в контексте этно-ментального мировидения осетин маркирует Ось мира, выступая зооморфным образом Бога или Уастырджи. Подобно Богу/Уастырджи Орел обладает способностью проникать во все три мира: верхний, средний и нижний. При этом, как и Бог/Уастырджи, орел соотносится с верхним миром, противопоставляясь нижнему, символом которого в фольклорных текстах осетин выступают змея и вода. Архетип образа орла в осетинском фольклоре семантически близок изображениям орла/грифона в скифском зверином стиле.

***Ключевые слова*:** фольклор, мифология, мифы, архетип, орел, символ солнца, мифологическая картина мира, ось мира, скифский звериный стиль.

Annotation: The eagle occupies a significant place in the folklore and mythology of the Ossetians. Having a typological similarity in folklore and traditions of different peoples, the image of the eagle is inextricably linked with the ternary system of the religious mythological picture of the Ossetian world. The archetype of the eagle in the context of the ethno-mental worldview of Ossetians marks the Axis of Peace, acting in a zoomorphic image of God or Uastyrdzhi. Like God/Uastyrji Eagle has the ability to penetrate all three worlds: upper, middle and lower. At the same time, like God/Ustyrdzhi, the eagle correlates with the upper world, contrasting with the lower one, the symbol of which in the folklore texts of the Ossetians is a snake and water. The archetype of the eagle's image in the Ossetian folklore is semantically close to the images of the eagle / griffin in the Scythian animal style.

Key words: folklore, mythology, myths, archetype, eagle, symbol of the sun, mythological picture of the world, axis of the world, Scythian animal style.

Орел — один из самых древних солярных символов в культуре многих народов. В шумеро-аккадской традиции орел — символ солнца и атрибут бога войны Нинурты, в Древней Греции — Зевса, у римлян — Юпитера, у скандинавов — Одина, в Древнем Иране — Митра, в ассирийской традиции — олицетворение бога бури, молнии и плодородия Ашшура. У тюркских, тунгусо-маньчжурских и других народов Сибири орел был связан с культом предков, олицетворением шамана и культурного героя [3, 258]. В Урало-Алтайской мифологии орел часто называется птицей-предком [10, 118].

Анализ образа орла выявляет его типологическое сходство в различных традициях. Наиболее часто встречаемый типологический миф, в котором орел тесно связан с основным мотивом сюжета, повествует о разорителе гнезда орла. Согласно этому мифу, герой поднимается на дерево, чтобы разрушить гнездо орла. Орел вступает в переговоры с героем и соглашается оказать ему помощь в добыче огня. По другим вариантам герой спасает птенцов орла от змея или водных духов.

Образ орла широко представлен и в осетинском фольклоре. Наиболее частый мотив — орел, похищающий героя мифа, которого он возносит к небу/горе (Как орел унес Сослана на вершину высокой скалы) [4, с. 495-496] или носит на себе, доставляя героя в нужное ему место (Сказка о семиголовом уаиге и залиаг змее):

«Послали люди за большим орлом, а когда тот прилетел, посадили младшего сына на его широкие крылья, дали целую бычью тушу на дорогу» [8, с. 8].

Орел выступает и как культурный герой, добывающий определенные предметы (конечно же, через помощь герою) [7, с. 24]. В образе культурного героя орел, к примеру, выступает в мифе об Амране, который был прикован к скале, подобно Прометею, за то, что принес людям огонь [2, с. 47]. Хотя функция орла в данном сюжете «перевернута», однако символика Цепи (Оси мира), которая спускается с потолка пещеры, и до которой не может дотянуться Амран, свидетельствует о сакральной связи Цепи, Амрана и Орла.

Орел в фольклорных текстах иногда оказывает помощь герою, который в трудную минуту вызывает орла, подержав его перо над огнем [7, с. 25]. Чаще же орел оказывает услугу герою за то, что тот не убил птицу:

«Увидел (Дженагаз) на дороге орла со стрелой в крыле. «Может, орла съесть?» — подумал юноша, а орел ему говорит:

— Помоги мне, юноша, и я тебе когда-нибудь помогу! Вытащил юноша стрелу из орлиного крыла и отпустил орла на волю» [7, с. 46].

Как правило, примерно такой диалог происходит в сюжетах, в которых орел помогает герою.

В одном из нартовских сюжетов орел унес нарта Сослана на высокую гору, оставил его там, а сам полетел за туром, которого убил Сослан. Оставшись один, Сослан стал думать, как одолеть орла. В гнезде оказалось много добра. Сослан нашел оружие и приготовился к встрече с орлом. Убив орла, Сослан не знал, как спуститься с высокой скалы. Тогда он отрезал крылья

орла, привязал их к рукам и, взмахивая подобно орлу, спустился на землю [4, с. 427].

Победа нарта Сослана над орлом и отрубания его крыльев сближается с мотивом отламывания крыльев с древнемессопотамским эпосом, где львиноголового священного орла Анзу должны одолеть сражающиеся с ним боги [3, с. 258].

В сюжетах с мотивом инициаций Орел выступает в роли испытателя героя. Ярким примером такой роли орла служит сказка «Орел»:

«Родители растили своего единственного мальчика по имени Кало с нежностью, окружив его любовью. Мальчик тоже очень любил своих родителей. Как-то он заявил, что любит их больше себя и, если понадобиться отдать за них свою жизнь, он без колебаний пожертвует ради них свою юную душу.

И в действительности наступил такой случай: с высокой горы прилетел старый орел, сел у обочины и стал просить всех проходящих накормить его, обещав вознаградить того, кто его накормит. Его накормили дети, даже подружились с ним. Перед тем, как улететь, он обратился к детям: «Если вам вдруг понадобиться моя помощь, то крикните: “Старый орел, где ты? Нам понадобилась твоя помощь”». Прошло время, дети решили проверить, не обманул ли их старый орел. Они призвали его. Через мгновение перед ним предстал орел и спросил, для чего они его позвали. Кало обратился к нему, что хотели бы увидеть те места, что видит он. Орел согласился с ними, посадил их на себе, взлетел и облетел с детьми чуть ли не весь мир. Когда вернулись, дети, под впечатлением от увиденного, стали приглашать старого орла к себе в гости. На это приглашение

орел ответил, что его не так-то просто прокормить, что он не может насытиться без человеческого мяса. На это Кало ответил, что он угостит его и человеческим мясом. Орел принял приглашение Кало. Кало угощал орла разными яствами, мясом скота и птиц. Однако орел заявил, что он не может насытиться, пока не поест человеческого мяса. Кало испугался, заявил, что он слишком худой и предложил орлу своего упитанного друга. Однако орел отказался, сказав, что собирается съесть только его. Тогда Кало стал упрашивать съесть вместо него его родителей. На это орел сказал: «Только перед лицом смерти выявляется, кто по-настоящему тебя любит. Даже среди птиц, питающихся падалью, нет таких, которые готовы съесть своих родителей, своих близких и единокровных» [8, с. 169-172].

Таким образом, орел преподал урок подростку.

Безусловно, сюжеты с мотивом испытания участника инициаций встречаются в осетинском фольклоре довольно часто. Однако, как правило, роль испытующего исполняют Бог, Уастырджи, или старик, в образе которого опять же бывает Уастырджи. Потому в данном сюжете орел олицетворяет Бога/Уастырджи, что демонстрирует связь архетипа орла с троичной системой мироздания.

Если в данном сюжете архетип образа орла проявляется не столь явно, то в сюжете «Сослан в царстве мертвых» вся символика трех миров и Оси мира лежит на поверхности.

После того, как Сослан решил вернуться из Царства мертвых на землю, он долгое время скитался, не находя дорогу домой. В одной долине наткнулся на высокое дерево, взобрался на верхушку, где обнаружил орлиное

гнездо с птенцами. В это время по стволу к птенцам орла заполз «руймон» («змееподобный дракон»). Сослан убивает змею-дракона, в благодарность за спасенных птенцов орел сажает его на спину и доставляет из под семи подземелий на землю. [4, с. 546-547].

В сюжете маркируются все три мира, причем дополняющими друг друга символами:

Мировое Древо, растущее в Царстве мертвых, т.е. корнями уходящее в нижний мир. Орлиное гнездо на верхушке — маркер верхнего мира. Человек (Сослан), карабкающийся по стволу между корнями и верхушкой — средний мир.

Дополняющим Мировое Древо маркером является противопоставление верха — низа (орел — змея).

Происходит вторжение нижнего мира в верхний. Змея грозит разорению орлиного гнезда. Миф о разорителе гнезда Орла распространено у многих народов Евразии и даже Америки. Но, как правило, в мифологии древней Месопотамии, индейцев Центральной Америки и у народов Западной и Южной Сибири разорителем гнезда выступает герой, главным мотивом которого бывает добыча огня. В осетинском мифе разорителем выступает змея. Сослан, убив змею, спасает птенцов Орла. В награду, вместо огня, Орел доставляет героя из царства мертвых на землю. И это существенное отличие осетинского мифа, мотив которого направлен не на добычу огня, а на сохранение модели мира. В результате герой смог вернуться домой — в средний мир.

Наиболее близко к осетинскому мифу о разорителе гнезда по своей мотивации стоит грузинская легенда, согласно которой Орел в преисподней по-

жирает детей грифа. Когда царевич убивает Орла, благодарный гриф вывозит царевича из преисподней [1, с. 165-166].

Судя по тому, что противопоставление Орла и Змея характерно не только для осетинской, но и для мифологии многих народов, миф о разорителе Орла имеет в своей основе архетип трехуровневой модели мира, которую герой и должен уберечь от хаоса. Хотя в результате эволюции данного архетипа в мифологиях других народов произошли определенные трансформации в мотивации героя относительно гнезда Орла, мотив добывания огня/воды не противоречит семантике осетинской мифологической концепции оберега трехуровневой модели мира.

Определенную эволюционную трансформацию архетип оберега модели мира ради сохранения жизни мы наблюдаем и в осетинской мифологии. Противопоставление «Орел — Змея» в осетинской волшебной сказке выражено сакральной формулой «Бусина («цыкурайы фæрдыг») — Змея». В этом случае Бусина дублирует Орла.

В сказке «Згидская красавица» [8, с. 89] герой отнимает бусину у змеи, заползшей в склеп к умершей возлюбленной, и оживляет ее. Вслед за тем герой теряет Бусину. На поиски посылаются шахские войска, которые перепахивают огромную территорию земли.

На уровне мифа сюжет сказки моделирует последствия нарушения трехмерного пространства. Действие происходит в склепе (как и творение мира в склепе Дзерассы) — маркере мироустройства. Перепаханное поле — хаос, наступивший в результате утери одного из элементов модели мира.

Бусина, падающая с неба, маркирует верхний мир, змея же — нижний мир. Бусина в зеве змеи соответствует нападению змея на гнездо Орла. Отнятие Бусины у змеи семантически повторяет действия Сослана, спасающего орлиное гнездо. Мотив отнятия бусины у змеи и оживления героини бытует и в нартовских сказаниях: «Золахъ фæрдуг æма фæндури фæззинд» («Бусина "Золак"» и появление музыкального инструмента "фандур"») [5, с. 140]. Результат: Бусина оживляет (т.е. возвращает на землю) героиню — Орел возвращает на землю героя.

Архетип орла часто встречается и в скифском зверином стиле. Так, известный рисунок с чепрака из Пазырыкского кургана № 1, возводимый к V веку до н.э. [9, с. 82], близок фольклорному тексту осетин, повествующий о кормлении орла нартом Сосланом во время его перенесения из Царства мертвых на землю. Хотя в Пазырыкском рисунке (Рис. 1.) отсутствует изображение человека, необходимо помнить, рисунок находится на чепраке, на котором, естественно, восседал всадник, а значит, полностью восполняется вся символика осетинского мифа: Сослан — Орел — жертвенное животное (которым Сослан кормит Орла в пути) / Всадник — Орел — жертвенный олень.

Символика Орла усиливается изображением Оленя (в качестве жертвы) тем, что и олень/лось, как и орел, впрочем, как и конь, накрытый этим чепраком, воспроизводят одну и ту же мифологему — Ось мира. Однако в данном случае Ось мира изображается не в статике, а в динамике. Поэтому можно предположить, что рисунок на чепраке использовался скифским всадником как оберег.

Рис. 1. Рисунок с чепрака из кургана №1, Пазырык, V в. до н.э.

Эта же сцена в несколько измененном стилизованном виде встречается в виде татуировки на теле вождя, похороненного в Пазырыкском кургане № 2 (Рис. 2) [9, с. 54].

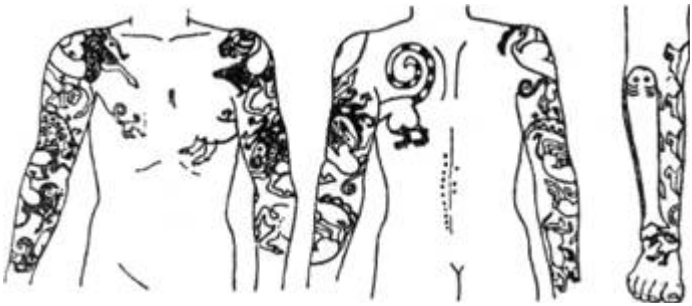


Рис. 2. Татуировки на теле вождя. Пазырык, курган № 2. V в. до н.э.

На татуировке изображается сцена терзания хищной птицей копытного (Рис. 3 и 4).

На правой ноге изображена рыба (Рис. 2.), символизирующая через воду, где она обитает, нижний мир. Таким образом, на татуировке воспроизведена вся символика трех миров.

К семантике воспроизведения динамики трех миров через образ орла/грифона, по нашему мнению,

следует отнести, найденный в Пазырыкском кургане, голову грифона (Рис. 5.). Голова грифона с головой оленя в клюве и изображение рыбы на его шее маркируют верхний и нижний миры, тем самым ставив и эту сцену в один ряд с рис. № 1 и фольклорным текстом «Сослан в царстве мертвых».

Рис. 3. Часть татуировки на левой руке вождя

Рис. 4. Часть татуировки на правой руке вождя

Таким образом, архетип образа орла маркирует Ось мира, так как обладает способностью проникать во все три мира. При этом орел переносит героя из одного мира в другой. Учитывая тот факт, что из всех небожителей в осетинской мифологии способностью проникать во все три мира обладают только Бог и Уасты-

рджи, то орел представляется их ипостасью. Потому в качестве испытателя участника инициаций Бога или Уастырджи подменяет орел. Фактически, обладая божественными полномочиями, будучи символом Бога/Уастырджи, орел представляет верхний мир, что прослеживается в противопоставлении орла змею или воде — нижнему миру. Изображение архетипа образа орла в фольклоре осетин семантически близко (в какой-то степени — тождественно) изображением орла/грифона в скифском зверином стиле.

Рис. 5. Голова грифона с головой оленя в клюве. Пазырык, курган №2. V в. до н.э.

Таким образом, архетип образа орла маркирует Ось мира, так как обладает способностью проникать во все три мира. При этом орел переносит героя из одного мира в другой. Учитывая тот факт, что из всех небожителей в осетинской мифологии способностью проникать во все три мира обладают только Бог и Уасты-

рджи, то орел представляется их ипостасью. Потому в качестве испытателя участника инициаций Бога или Уастырджи подменяет орел. Фактически, обладая божественными полномочиями, будучи символом Бога/ Уастырджи, орел представляет верхний мир, что прослеживается в противопоставлении орла змею или воде — нижнему миру. Изображение архетипа образа орла в фольклоре осетин семантически близко (в какой-то степени — тождественно) изображением орла/ грифона в скифском зверином стиле.

Примечания:

1. Грузинские народные сказки. Сто сказок / Составит. Н.И. Долидзе. Тбилиси, 1971.

2. Ирон таурæгътæ. Осетинские легенды / Составит. Ш.Ф. Джикаев. Орджоникидзе, 1989.

3. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992.

4. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос (Нартовские сказания. Эпос осетинского народа). Кн. 2. (Составитель Хамицаева Т. А.). Владикавказ, 2004. (на осет. яз.).

5. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке (Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзагбæл) /Составители: Кибиров А. Я. и Скодтаев Э. Б./. Владикавказ, 2005. (на осет. яз.).

6. Осетинские народные сказки / Составит. А.Х. Бязров/. Цхинвали, 1978.

7. Осетинские народные сказки /Составитель Т.А.Саламов / Владикавказ, 2006.

8. Осетинское народное творчество. Т. 2. (Ирон адæмон сфæлдыстад). /Составитель Салагаева З. М./. Владикавказ, 2007. (на осет. языке).

9. *Райс Т.Т.* Скифы: Строители степных пирамид. М., 2009.

10. *Сагалаев, А.М.* Урало-Алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991.

Л. А. Чибиров,
дин, профессор
СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЕЩЕ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ ПОЭМЫ «АЛГУЗИАНИ»

Аннотация. *Авторство поэмы «Алгузиани», написанной на древнегрузинском языке, до сих пор вызывает споры. На основе анализа мнения академика Кекелидзе и других авторитетных ученых (Абаева, Тибилова, Ардасенова и др.), в статье предпочтение в авторстве поэмы отдается Иуане Ялгузидзе (Габараеву).*

Ключевые слова: *Поэма «Алгузиани», авторство, время написания, Давид Сослан, Ялгузидзе, аргументы, Бестауты, Кекелидзе, Тибилов.*

The authorship of the poem «Alguziani» written on the Old Georgian, are still causes disputes. Based on analysis of Academician Kekelidze opinion and of other authoritative scientists (Abaev, Tibilov, Ardasenov and other), the authorship of the poem is given to the Iuane Yalguzidze (Gabaraev) in this article.

Keywords*: Poem «Alguziani», authorship, writing date, David-Soslan, Yalguzidze, arguments, Bestauty, Kekelidze, Tibilov.*

Со времени обнаружения поэмы «Алгузиани» прошло более ста лет, но не утихают споры и догадки об ее авторстве, времени написания, характере произведения и освещаемых событий.

Поводом же послужило то, что творец поэмы счел нужным скрыть свою фамилию. В одном все ученые исследователи едины — автором был природный осетин. «Ясно только одно, — писал В. Миллер, — что, начиная с тенденциозного заявления, что у осетин был знаменитый царь, автор старался подкрепить что-то спорное, сомнительное и, действуя в интересах осетин, по всей вероятности, сам принадлежал к этому народу»

(1, 91). По этому вопросу нет сомнения и у грузинолога А. Хаханова: «Поэма писана осетином, начитавшимся грузинских стихотворных памятников»(2, 25).

В этой связи встал вопрос: а кто же он? И стали ученые мужи перебирать в памяти наиболее выдающихся деятелей истории Осетии до начала XIX века, кто бы мог претендовать на авторство поэмы. И остановились на личностях Давида-Сослана и Иуане Ялгузидзе (Гæбæраты).

«До сегодняшнего дня, — писал в начале 60-х годов Г. Бестауты в предисловии книги: «Ægъуызаты Иуане «Ælгъуызы кадæг», впервые вышедшей отдельным изданием на осетинском языке в его переводе, — ученые спорят. Часть из них пришла к заключению, что поэма написана в начале XIX в. известным общественным деятелем Ægъуызаты (Ялгузидзе) Иуане, единственным просвещенным человеком конца XVIII — начала XIX века среди выходцев из осетин. К тому же герой поэмы носит имя Алгуз (Алгъуызон), что свидетельствует о том, что он отпрыск рода Ялгузидзе и тем самым восславляет своих предков (3).

Другая часть ученых считает, что автором поэмы мог быть просвещенный осетин, имя которого Давид-Сослан. Свое заключение они основывают на том, что в биографии Габараева (Ялгузидзе) ни разу не упоминается о поэме; во-вторых, будто язык и построение поэмы гораздо архаичнее в сравнении с письменной культурой XVIII-XIX вв. На этом основание считают что у «Витязя в тигровой шкуре» и «Алгузиани» — один автор, т.е. Давид-Сослан. Каковы же аргументы для такого утверждения?

Сторонники авторства Давида-Сослана ссылаются на известное высказывание Сандро Шамшиашвили в кругу грузинских писателей, будто автором «Витязя…» является не Шота Руставели, а Давид-Сослан. Оно, безусловно, греет наши души, но сказано в приватной беседе и не имеет силу исторического документа.

Основанием в пользу авторства «Витяза…» (следовательно и «Алгузиани») Давида-Сослана — А. Г. Маргиев считает следующее: «Когда грузинские ученые во главе с Ираклием Абашидзе побывали в Иерусалиме, изучили архивные документы об авторстве «Витязя в барсовой шкуре» и убедились, что в действительности автором поэмы является Сослан-Давид, то по возвращении обратились к грузинским исследователям — сделайте все, чтобы доказать грузинское происхождение Сослана-Давида из рода Багратионов» (4,26-.27). При всем моем уважении к А. Г. Маргиеву, приведенное выше обращение не обоснованно, и нельзя на его основе делать какие-либо серьезные выводы, заключения; оно для серьезного научного спора не пригодно. Прежде чем считать аргументом в пользу авторства поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Давида-Сослана, необходима новая научная экспедиция в Иерусалим во главе с компетентным специалистом по древнегрузинскому языку и лишь по ее компетентного анализа делать соответствующие выводы.

На фольклорном уровне и разговоры возвратившихся из Иерусалима членов грузинской делегации: не будем поднимать об авторстве вопрос, пока не установим грузинское происхождение Сослана-Давида. Поездку в Иерусалим грузинская научная делегация

совершила во вт. пол. XX столетия, а версия о принадлежности Сослана-Давида к роду грузинской царской династии Багратидов, с подачи Вахушти Багратиони, прочно гуляет в Грузии с конца XVIII в., т.е. уже два столетия.

С трудом верится и утверждения, будто Сослан обладал поэтическим даром. В частности, по характеристике современника Давида-Сослана, историка Басили, он «хороший, воспитанный, мужественный, воин могущественный, рыцарь, не имеющий равного, как стрелок предприимчивый, телом молодой, совершенный во всех доблестях» (5). Такая прекрасная всесторонняя характеристика личности Сослана-Давида — и даже намека нет на его поэтический дар. И Басили не исключение. Восторженными эпитетами награждают Давида-Сослана современные ему грузинские поэты Чахрухадзе, Шавтели, только лишь как великого осетина.

Безусловно, для каждого осетина личность Давида-Сослана — большая гордость. Еще больше бы им гордились, если бы подтвердилась и поэтическая грань его способностей. Но это надо доказать, а сегодня мы еще не располагаем соответствующими научными аргументами.

Что касается текста поэмы «Алгузиани», то он «вызывает много историко-литературных вопросов, ответы на которые при современном состоянии изучения старой грузинской литературы, представляются затруднительными…. Раньше появления историко-критического и логического исследования текста поэмы все предположения о ее авторе и времени написания будут ограничены лишь догадками, которым ценность

довольно сомнительная» — так писал в конце XIX в. В.Ф. Миллер (2,95). К сожалению, все это остается в силе, хотя в советское время усилиями целого ряда ученых изучение вопрос значительно продвинулся.

Нет единого мнения и относительно времени написания поэмы «Алгузиани». Одни в основе поэмы находили события, предшествующие эпохе царицы Тамары, другие — последующее (после XI-XII вв.) время.

Известный грузинский ученый конца X1X в. -нач XX вв. М. Джанашвили не сомневался в том, что в основу поэмы положены исторические события VIII в., борьба алан с усилившимся влиянием хазаров, создавших свой каганат, куда на вассальных отношениях входила и Алания (6).

Исследователи, занимавшиеся литературно-художественным анализом поэмы «Алгузиани» были единодушны в том, что поэма испытала влияние «Витязя в тигровой шкуре». Известный дореволюционный ученый-кавказовед Л. Лопатинский, имея в виду языковые особенности «Алгузиани», писал: «Изложение поэмы, способ выражения несут на себе все обороты, свойственные древнегрузинскому языку. Цветистый слог, богатый эпитетами и искусно подобранными сравнениями, притом разукрашенными блестками арабско-персидской поэзии, напоминают в значительной степени «Барсовую кожу» Руставели, но зато некоторые образы, отделенные штрихами в описаниях природы, характеристика действующих лиц сложились под влиянием уже средневековых романских элементов — «генуезских»; установлено, что генуезцы пользовались на берегах Черного моря самым большим влиянием в

первой половине XIV века»(7, 24). Ученый приводит несколько веских обоснований, согласно которым заключает, что поэма не могла быть написана раньше 1400 г. и позже 1453 (падение Константинополя), так как автор «Алгузиани» не знает (точнее, не говорит) о турках на берегах Боспора (7, 197).

В. Ф. Миллер еще более приближает время написания поэмы к современности, исходя из единства этнонимов «калмухи» и «калмики». Поддержав рассуждения Л. Лопатинского о времени написания поэмы, он писал: «Но если в калмухах поэмы видеть калмыков, ставших известными на Кавказе лишь в конце XVIII столетия, то автор поэмы жил позже этого времени» (2, 95). Эти два довода (незнакомство автора поэмы с турками на берегах Боспора и калмыками на Северном Кавказе, на наш взгляд, исключают написание поэмы в XII века.

Отметим также мнение известного ученого А. Хаханова, который хотя и считал поэму «Алгузиани» подражанием «Барсовой коже», однако, как и Лопатинский, считал, что поэма могла быть написана не раньше первой половины XV в. Вместе с тем Хаханов пишет и о связи этой поэмы с исторической надписью, начертанной в стихотворной форме на древнегрузинском языке в Нузальском храме (8,25).

Таковы доводы о предполагаемом авторстве поэмы Давидом-Сосланом и разночтения о времени ее написания.

Судя по обзору существующей вокруг вопроса литературы, абсолютное большинство ученых и писателей (среди которых немало высоких авторитет) отдают предпочтение Иуане Ялгузидзе-Гæбæраты.

1. Выдающийся грузинский ученый, специалист по древнегрузинской литературе, автор известного труда «Истории древнегрузинской литературы в двух томах (4-е издание: Тбилиси, 1958-1960), академик АН ГССР, профессор Корнели Кекелидзе не считает поэму «Алгузиани» древним произведением. На основе анализа стилистических и других литературных особенностей поэмы, К. Кекелидзе доказал: а) поэма не могла быть написана раньше XVIII в. и перв. четв. XIX в.; б) автор поэмы жил в эпоху русского владычества в Грузии; в) события, которые описываются в поэме, — не исторические; все они выдумки автора, или взяты им из древних преданий. По мнению профессора, автором поэмы непременно является осетин, который, помимо родного осетинского языка, прекрасно владел грузинским языком, а также русским. Написал его человек, который очень любил осетинский народ и хотел написанной им поэмой еще выше поднять их престиж, авторитет (9, 204-205).

Далее грузинским ученым раскрыты источники, которыми пользовался автор поэмы. «Это с одной стороны, осетинские народные легенды и предания, а также предания других северокавказских народов, с другой — сведения об Осетии и осетинах, разбросанные в грузинских летописях. В итоге К. Кекелидзе не оставил основной вопрос — кто же автор? — без ответа: таким человеком на рубеже веков мог быть только осетинский «азнаур Иуане Иалгузидзе».

2. Обоснованное заключение маститого грузинского коллеги об авторстве И. Ялгузидзе полностью подтвердил и В. И. Абаев в специальной статье, по интересующей нас теме (10, 465-473). Отмечая, что ни З. Н. Ва-

неев, ни Коста Хетагуров не смогли определить истоки генеалогии осетинских царей, Абаев продолжает: «Зато у жившего значительно раньше их, осетинского культурного и общественного деятеля Ивана Ялгузидзе (1775-1830) в написанной им на грузинском языке поэме «Алгузиани» мы находим на этот счет ясные указания» (11, 409-410). Перу В. И. Абаева принадлежит несколько работ, посвященных анализу поэмы «Витязь в тигровой шкуре» (11, 467-500), но ни в одной из них он даже не намекает, что поэма «Алгузиани» могла быть написана в XII веке.

Автор поэмы возводит происхождение главного героя Алгуза и свой род к византийскому императору Кесарю (Августу). Вот как он пишет:

Уæд бердзенты бæсты райгуырд Август-паддзахæн фырттæ,

Хистæр уыд Алгъуыз-хъæбатыр, дард йæ кады ном ныхъхъæр

(Тогда от Августа-Кесаря, грека, произошли прекрасные сыновья…

Имя одного из них Алгуз, прославленный герой-боец)

2. Между тем, возведение своих предков к мировым знаменитостям, в прошлом было в порядке вещей. Как отмечает В. И. Абаев, сведения об Осетии и осетинах, разбросанные в грузинских летописях… предания о царственном происхождении некоторых осетинских фамилий…во времена Ялгузидзе (конец XVIII в) были еще в памяти народа вполне конкретными и недвусмысленно приписывали осетинским «знатным» фамилиям происхождение от византий-

ских или римских императоров»(10, 410). О причинах, почему эти два колена Ос-Багатара возводили свои роды к Цезарю и Августу, можно узнать из обстоятельной работы В. И. Абаева: «Происхождение осетинских фамилий…»

3. Веским доказательством в пользу авторства Ялгузидзе служит и то, что в поэме воспевается род Агуызатæ, к которому принадлежал сам Иуане. «Сказывается, что автор книги стоял близко к главному герою своей песни величественному Алгузу, он как бы сам переживал дни его славы и падения» (12, 140-141). В воспевании и прославлении Ялгузидзе своего рода есть логика и здравый смысль; человек был патриотом своей фамилии, любил предков, преклонялся перед их светлой памятью. И возмужав, узнав многое, расширив свой кругозор, он решил рассказать о своих предках в поэтической форме.

Æмæ рывналон ныффыссон: чи стæм, ц ‘адæмы мыггаг,
Чи кæй фырт у, чи кæй фæдон, чи кæй цæрæнбоны таг,
Чи уыд а-зæххыл хъаруджын, рæвдз, ныфсхаст æмæ уæндаг
Æмæ чи айгæрста хсарæй царды й ‘амондмæ фæндаг
(Чтоб правдиво описал я: кто мы и какой народ,
Кто чей сын и чей потомок, продолжает чей он род.
Кто был смел, правдив, отважен на земле отцов моих
И дорогу людям к счастью, кто достойно проложил).

(пер. Р. Сотиевой)

В связи с изложенным к сторонникам авторства поэмы Давида-Сослана возникает резонный вопрос: с какой статьи он стал бы восславлять род Агъузаты, когда собственный царственный род Царазоновых был более могущественен и более славен?

4. Статья А. Тибилова об И. Ялгузидзе состоит из четырех параграфов: «Кто такой Ялгузидзе?», «Ялгузидзе — защитник интересов осетинского народа»; «Ялгузидзе — основоположник осетинской письменности» и последнее: «Ялгузидзе и «Алгузиани». Эта ценная работа прилагается в конце книги. Основная мысль ее, если быть кратким, сводится к тому, что «Алгузиани» написана осетином.

Вслед за К. Кекелидзе на вопрос, кто мог быть таким просвещенной личностью на рубеже XVIII-XIX вв. Тибилов пишет: «Таким человеком в начале XIX в. был только И. Ялгузидзе. Исключается, чтобы кто-нибудь кроме Ялгузидзе был автором этой поэмы. Между тем о героических делах Алгуза ничего не сказано в древнегрузинских и иных рукописях. События эти выдуманы автором, по ним нельзя восстановить историю осетинского народа. Поэма показывает лишь, что Ялгузидзе являлся великим (большим) поэтом и был озабочен судьбой родного народа. Поэма написана на грузинском языке, но замысел и содержание посвящены родному осетинскому народу… Одним словом, среди осетинского народа не должно быть забыто имя Ялгузидзе — основоположника осетинской письменности**, первого осетинского писателя** (подч. автором статьи) (12, 139-141). Ко времени написания статьи, поэма еще не была переведена на осетинский язык. А. А. Тибилов мечтал: «Когда будет переведена поэма «Алгузиани» на осетинский язык, тогда осетины узнают своего первого писателя»(Там же).

5. В статье, посвященной И. Ялгузидзе, З. Н. Ванеев писал: «Ялгузидзе известен как один из зачи-

нателей осетинской письменности, выработавший осетинский алфавит на грузинской основе, переводчик богослужебных книг на осетинский язык, автор поэмы «Алгузиани» и других произведений (на груз. яз.) (13, 232).

6. Наиболее основательно творческое наследие Ялгузидзе было изучено Дз. А. Гугкаевым, долгое время работавшим ученым секретарем Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. В том, что он не сомневался в авторстве поэмы «Алгузиани» Ялгузидзе видно из следующих строк: «Что касается других работ об Ялгузидзе, то они посвящены его поэме «Алгузиани», написанной на грузинском языке» (14, 281). В другом месте той же работы он повторяется («создал свою известную поэму «Алгузиани») и добавляет: «безусловно смог бы создать еще ряд произведений, как оригинальных, так и переводных (14, 285).

7. Г. Бестауты — один из самых непререкаемых авторитетов в области обсуждаемой проблемы. Он неустанно трудился годами над переводами обеих поэм. В упомянутом выше отрывке из предисловия к книге о поэме «Ælгъуызы кадæг» Георгий правильно отмечал, что вопрос сложный, однозначно отвечать на него невозможно. Однако книга, к которой он написал предисловие, представляла собой перевод поэмы на осетинский язык и вышла под авторством — Ægъуызаты Иуане. Мало верится, чтобы это произошло без ведома переводчика Георгия Бестауты: в противном случае он навряд ли бы согласился писать предисловие к этому изданию. Видимо, в душе своей он все-же отдавал предпочтение И. Ялгузидзе.

8. В 1985 г. издательство «Ир» в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) выпустило поэму «Ælгъуызы кадæг» в переводе Г. Бестауты. Книга вышла под авторством Иуане Ægъуызаты, а в предисловии редактора (Л. Валиева), после краткого перечня претендентов на авторство, сказано: «Так или не так, тем не менее, автором произведения пока что считается Иоанн» (15, 8).

9. В статье «Иван Ялгузидзе — осетинский писатель и культурный деятель» известный осетинский ученый-литературовед Х.Н. Ардасенов подробно разбирает поэму, не сомневаясь в авторстве Ялгузидзе (16, 194-206). В другой своей статье он подчеркивает, что поэму свою Ялгузидзе написал на основе легенд и преданий (17, 140).

10. В первом томе «История Северо-Осетинской АССР», в главе «О культуре Осетии в XVIII-XIX вв.» четко написано: «Ялгузидзе известен также как автор поэмы «Алгузиани» (18, 262)

11. В послесловии к книге «Ægъуызаты Иуане Ælгъуызы кадæг»: Когда и кем найдена рукопись поэмы», А.Х. Бязырты чашу весов клонит в сторону Ялгузидзе, осторожно заявляя: «…возможно, автором поэмы был Ялгузидзе, но подтверждающего документа пока не найдено» (15,79).

12. В статье об Иуане Ялгузидзе, опубликованной в «Литературной Осетии», Ж. Тхостаты писал, что Ялгузидзе «был образованным для своего времени человеком. Его поэма «Алгузиани» обнаруживает в нем автора, прекрасно знакомого с лучшими произведениями грузинской светской литературы» (19,110).

13. В одном из своих писем к Н. М. Саламову от 5. VI.1959 г ученый –осетиновед Е. Г. Пчелина недоброжелательно отзывается как о художественных достоинствах поэмы «Алгузиани»(«бездарное и безграмотное творение»), так и мотивах появления ее: якобы написана человеком, «в силу необходимости искавшим дворянство и возводившим род от выдающегося Алгуза» (20, 313). Мы никак не разделяем ее акценты, но остается фактом: и Пчелина не сомневалась в авторстве Ялгузидзе.

14. На 215- летие со дня рождения Ялгузидзе кандидат филологических наук Г. З. Калоев откликнулся большой статьей, посвященной разбору идейно-художественных особенностей «Алгузиани», при этом, также, нисколько не сомневаясь в авторстве Ялгузидзе. По его мнению, «Витязь в тигровой шкуре» оказал влияние на «Алгузиани» в следующих элементах: Алгуз не осетинский царевич, а сын византийского императора, Августа. Влияние проявляется и в том, что действующими лицами поэмы выведены индийцы, арабы, неизвестные мулгазарцы» (21).

15. Полное название поэмы: «Агустиани — Алгъузиани — Русиани — Царазон — Цахилон». На наш взгляд правильно разгадал смысл названия литературовед Г. З. Калоев: каждое из перечисленных имен, возможно, было названием отдельного произведения. Может быть в «Агустиани» поэт поведал о деяниях римского императора Августа, в «Русиани» — о присоединении Грузии к России, в «Царазоне» — о славном осетинском роде, «Цахилоне» — о сыне Алгуза. Возможно, все эти части были соединены единой сюжетной конвой» (21).

И такая версия исключает авторство Давида-Сослана, ибо тогда еще России, как государства, не было.

16. Что касается Н. Г. Джусойты, то он считает И. Ялгузидзе крупнейшей фигурой в осетинском просвещении в дореволюционный период и не сомневается, что он и есть автор поэмы «Алгузиани (22,12-14)

17. По Ю. С. Гаглойти Агузовы — один из древних юго-осетинских родов. Он считал И. Ялгузидзе принадлежащим к одной ветви этого рода и не сомневался, что он «автор исторической поэмы «Алгузиани», написанной на грузинском языке, главным героем которой является легендарный осетинский царь Алгуз (осетинское Алгъуыз) (23, 222).

18. В 1995 г на страницах «Мах дуг», известный этнолог В. С. Уарзиати опубликовал подробную статью об усилиях Ялгузидзе в деле приобщения родного народа к идеям православия. Ссылаясь на авторитет К. Кекелидзе и В. Абаева, Уарзиати также считает автором поэмы «Алгузиани» И. Ялгузидзе (24).

19. В пользу авторства Ялгузидзе говорит и признание его как просвещенного и культурного деятеля. В рукописи книги католикоса Антония I «Учение о категориях» (1797) относительно Ялгузидзе отмечен «его интерес к античной философии, в частности к Аристотелю; его труды по осетинскому языку говорят о недюжинных способностях и знаниях в области лингвистики. Владел он не только грузинским, но и русским языком, что сыграло в его жизни немаловажную роль» (19, 110). О высокой образованности и просвещенности Иуане свидетельствуют и архивные данные; Шегрен назвал его умным и почтенным осетином (25). О

его литературных способностях свидетельствуют упомянутые выше и дошедшие до нас стихотворения на грузинском языке.

20. Единственный довод в пользу авторства Давида-Сослана, заслуживающий внимания, — это ссылка на художественно-эстетическое влияние поэмы Ш. Руставели на «Алгузиани». Об этом писали Л. Лопатинский, А. Хаханов, Г. Бестауты, Ш. Курдадзе и др. Но и эта особенность не позволяет претендовать на авторство. В мировой литературе немало примеров, когда последующие мастера пера, оказавшись в плену определенного произведения, испытывали его влияние. Почему нельзя допустить, что Ялгузидзе был знаком с поэмой Шота Руставели, которая могла оказать влияние на его творчество?! При всем при этом следует учесть духовно-нравственные качества Иуане, его образованность, просвещенность. Современники, близко его знавшие, подчеркивали его высокие знания.

21. Кто же мог быть автором поэмы? По мнению А. Хаханова, единственной такой хорошо образованной личностью в нач. XIX в среди осетин был только Иоанн Ялгузидзе (8). Гаппо Баев называл Иуане «хорошо образованным по своему времени человеком, знавшим памятники грузинской литературы золотого века и книги священного писания», называет его «крупным песнопевцем» (2, 26).

Безусловно, и вышеизложенные аргументы высокоавторитетных ученых, и другие доводы не позволяют со стопроцентной уверенностью считать И. Габараева (Ялгузидзе) автором поэмы. Но, согласитесь, чаша весов явно перевешивает в его сторону. При

этом следует учесть и тот факт, что авторство И. Габараева (Ялгузидзе) вошло в учебные программы средних школ, вузов, в книги об осетинских писателях, в конечном счете в сознание интеллектуальных слоев нашего общества. Если же со временем кому из исследователей удастся доподлинно доказать, что автором поэмы в действительности был не И. Ялгузидзе, а Давид-Сослан, мы будем одним из первых, кто поздравить его с успехом.

Примечания:

1. Миллер В. Ф. Критика и Библиография //Поэма об Алгузе, М., 1993.

2. Поэма об Алгузе. Научный сборник. Составитель Е. А. Хадонов, М., 1991.

3. Бестауты Гиуæрги. Алгъуызы кадаг //Æгъуызаты Иуане. Алгъуызы кадаг, Цхинвал, 1962.

4. Маргиев А. Г. Мои встречи с Г. Д. Тогошвили //Сослан-Давид: правда жизни мужа и соправителя царицы Тамары, Цхинвал, 2008.

5. Басили. Жизнь царя царей Тамары // Картлис Цховреба, ч.11, Тб., 1959.

6. Джанашвили М. Поэма «Алгузиани»//СМОМП К. Вып. XX11, Тифл., 1891.

7. Лопатинский Л. Заметка. Послесловие к поэме «Алгузиани» // СМОМП К. Вып. XXII, Тифлис, 1897.

8. Хаханов А. Очерки по истории грузинской словесности, М., 1901.

9. Кекелидзе К. История грузинской литературы (на груз. яз.), Тбилиси, 1926.

10. Абаев В. И. Происхождение осетинских фамильных имен Cærazontæ и Æгъuzatæa // ИТ.Т.1, Вл., 1990.

11. Абаев В. И. Рецензия на кн.: Проф. Кекелидзе. Исто-

рия грузинской литературы.Т.11. Перевод с груз.//Известия ОНИИ К, 1926.

12. Тибилов А. А. Избранные работы. Цх., 1988 (на осет. яз.).

13. Ванеев З. Н. К вопросу о происхождение И. Ялгузидзе //Труды Сталинирского пединститута, Сталинир, 1952.

14. Гугкаев Дз. А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе//ИЮОНИИ. Вып.У11, Сталинир, 1955.

15. Æгъуызаты Иуане. Алгъуызы кадæг. Пер. Г. Бестауты, Ордж., 1986.

16. Ардасенов Х. Н. Иван Ялгузидзе — осетинский писатель и культурный деятель // УЗ СОГПИ. Т. ХУIII, Дз., 1949.

17. Ардасенов Х. Н. Нартский эпос и осетинская литература // Нартский эпос, Вл., 1957.

18. История Северо-Осетинской АССР, Дз., 1987.

19. Тхостов Ж. Иван (Иуане) Георгиевич Ялгузидзе //Литературная Осетия. 1975, №46.

20. Пчелина Е. Г. Письма к Н. М. Саламову//НА СОИГСИ. Фонд «История», оп.1, д.215, письмо №13.

21. Калоев Г. Просветитель (К 215-летию И. Ялгузидзе) // Рæстдзинад, апрель. 1986.

22. Джуссоев Н. Г. История осетинской литературы, Тбилиси, 1980.

23. Гаглойти Ю. С. Избранные труды.1. Цхинвал, 2010.

24. Уарзиаты Вилен. Чырыстон тæваг ирон удварны // Мах дуг, 1995, №11-12.

25. Шегрен А. М. Осетинские исследования, Вл., 1990. 22 ноября. 2016 г.

Ю. А. Дзиццойты,
кин, снс ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева
(г. Цхинвал)

К ОСЕТИНО-ПЕРСИДСКИМ ЛЕКСИЧЕСКИМ СВЯЗЯМ

Аннотация*. В статье расматориваются новые лексические паралели между осетинским и персидским языками.*

Ключевые слова: *осетинский язык, персидский язык, лексические паралели*

This article discusses new Ossetian-Persian lexical parallels

Keywords: *Ossetian language, Persian language, lexical parallels*

Осетино-персидские лексические связи хорошо изучены. В. Ф. Миллер, разрабатывая историю осетинского языка, в качестве этимологических параллелей к осетинской лексике из всех живых иранских языков чаще всего привлекает материал современного и классического персидского языка [Миллер 1882, 1887: passim]. Основной корпус осетинско-персидских лексических схождений собран в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989: passim], а также в еще не завершенном «Этимологическом словаре иранских языков» В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман [ЭСИЯ, I-V: passim]. Кроме того, В. И. Абаев посвятил осетино-древнеперсидским связям специальную статью [Абаев 1949: 138-143]. Осетино-древнеперсидским параллели разрабатываются и в работах Т. К. Салбиева и автора этих строк [Салбиев 1998; Dzittsojty 2002].

Осетино-персидские лексические схождения можно разделить на три рубрики: 1. общеиранская лекси-

ка, 2. лексика, заимствованнная из персидского языка в осетинский; 3. лексика, заимствованная в оба языка из третьего источника (тюркского или арабского). В настоящей статье нас интересует первая категория лексики. Причем, не вся, а только та ее часть, которая либо выпала из поля зрения исследователей, либо нуждается в дополнительных комментариях.

Помимо поиска древнеиранских корней (или основ), общих для осетинского и персидского языков, наше внимание привлекают к себе в первую очередь словообразовательные и семантические параллели. Блестящую подборку осетино-славянских семантических параллелей находим в статье [Журавлев 2007], некоторые осетино-курдские параллели в области фразеологии отмечены Ю. Ю. Авалиани [1976: 82]. Эти и подобные исследования дают хороший материал к изучению семантических моделей в различных языках, названных В. И. Абаевым «идеосемантикой» [Абаев ИТ, II: 67-83], о которой см. также [Будагов 1977; Климов 1981: 74-75; Трубачев 1988: 200-201; Алпатов 2011: 260-261, 276; Остаева 2011].

Перс. **ābxōr** ‘водопой’, ‘земля, орошаемая арыками’ [ПРС, I: 34], ‘водопийца’ [Чавчавадзе 1977: 332] — осет. *donxæræg*, *donxær*, *doxxær* | *donxwæræg*, *donxwarug* ‘орошение’ [Абаев 1958: 370]. В первой части обоих композитов содержится слово ‘вода’ — перс. *āb*, осет. *don*. Для второй части персидского слова ср. перс. *xōrē* ‘полив через определенный срок’ [ПРС, I: 550]. Для второй части осетинского слова В. И. Абаев привлекает осет. *a-xor-yn* | *xwarun* ‘красить, окрашивать; орошать’, восходящее к др.-иран. прототипу **hu̯ar-* [Абаев,

1958: 370; Абаев 1989: 252]. В то же время В. И. Абаев отвергает связь этих слов с глаголом *xæryn* | *xwærun* ‘есть, кушать’ [Абаев 1958: 370]. Противоположное мнение представлено в «Этимологическом словаре иранских языков», где вторая часть кл.перс. *āb-xwar* ‘питье’, возводится к др.-иран. **xᵛar-* ‘есть, кушать’, а в качестве этимологических параллелей к хорезм. *’b-xw’rc* ‘место питья, водопой; орошаемое место’, привлекаются язг. *afxora* ‘глиняная чаша для питья’, афг. *ubəxor* ‘орошаемый; поилка; орошение; водопой’и осет. *donxær* [ЭСИЯ, I: 314; ЭСИЯ, III: 475]. Данное решение представляется нам более обоснованным. Ср., в частности, осет. выражение *zæxx donæj æfsadyn* ‘поливать землю’, букв. «поить/насыщать землю водой». Следует отметить, что В. И. Абаев также сопоставил осет. *donxæræg* с перс. *xwar-āba* ‘перекрытое русло’, хорезм. *āb-xwarc* ‘орошение’, ср.-перс. *xwārēn* ‘орошать’, язг. *xərək* ‘оросительный арык’ [Абаев 1989: 183; Абаев 1995: 10]. Что касается осетинского *a-xor-yn* || *xwarun* ‘красить, окрашивать; орошать’, то его удобнее возвести к др.-иран. **huᵲar- > *xᵛar-* ‘мазать; окрашивать (преимущественно в темный цвет) ’ [ЭСИЯ, III: 481].

Перс. **āb (i) garm** ‘горячий минеральный источник’ [ПРС, I: 39] — осет. *qærmædon* ‘тёплый минеральный источник’ [Абаев 1973: 295]. Образовано от перс. *āb* ‘вода’, осет. *don* ‘вода’+ этимологически родственная основа перс. *garm* ‘тёплый’, осет. *qarm* ‘тёплый’. В [ЭСИЯ, III: 163] осет. *qærmædon* сравнивается с тадж. *Ob-i garm* — названием горячих источников и населенного пункта, букв. ‘горячая // теплая вода’.

Перс. **bad** ‘плохой, нехороший, скверный, дурной’, ‘злой, недобрый, зловещий’ [ПРС, I: 186] — осет. *wædægond* ‘глуповатый, слабоумный’ [ОРС: 420; Дзодзикова, Караджаев 1987: 131], ‘никчемный; «ни рыба, ни мясо»’, *wædægomaw* ‘«так себе», неважный, плоховатый, плохонький’ [Миллер 1934: 1270; ОРС: 420], ‘посредственный’ [Абаев 1989: 64], *wædæzond* ‘легкомысленный’ [«Ф» 1988, № 6: 13].

В. И. Абаев делит слово *wædægomaw* на *wædæ* (*союз*) ‘так, то, в таком случае; а’и суффиксоид *-gomaw*, отмечая, что «семантическая мотивация не вполне очевидна» [Абаев 1989: 64]. Полагаем, что осет. *wædæ* не имеет сюда никакого отношения. В приведенных осет. словах скрывается один и тот же компонент **wædæ-* ‘плохой’, вышедший из свободного употребления. Этимологически он предполагает др.-иран. этимон **u̯ata-* или **u̯atā-*. Перс. *bad* ‘плохой’через среднеперсидское *vad* || *vadag* ‘скверный, плохой, злой’, ‘злодей’также восходит к др.-иран. **u̯ata-* [Расторгуева 1991: 216; Расторгуева, Молчанова 1981: 69, 130; Эдельман 2009: 75, 189], откуда идут также гилянское *bəd*, шамерзади, велатру *bäd*, йезди *vad* || *bad* ‘плохой’и пр. [Расторгуева, Эдельман 1982: 484; Молчанова 2008: 243, 254].

Остается добавить, что персидское *bad* ‘плохой’и английское *bad* ‘плохой’, несмотря на полное фонетическое и семантическое сходство, не являются этимологически родственными словами, представляя собой яркий пример межъязыковой омонимии [Вандриес 1937: 279; Абаев 1949: 15].

Перс. **badčašm** ‘завистливый; обладающий дурным глазом’ [ПРС, I: 187] — осет. *ævzær cæst* ‘дурной

глаз’. Букв. «плохой (перс. *bad*/осет. *ævzær*) глаз (перс. *čašm*/осет. *cæst*)».

Перс. **badmast** ‘вдребезги пьяный’ [ПРС, I: 191] — осет. *fydrasyg* id. В обоих языках означает «дурно/плохо (перс. *bad*, осет. *fyd*) пьяный (перс. *mast*, осет. *rasyg*)».

Осет. **Bazyq || Wazyq** — имя матери жителей подводного царства в осет. фольклоре. Ср. перс. *vazaγ* ‘лягушка, жаба’ [ПРС, II: 700]. Осет. слово может восходить к др.-иран. **u̯az-* ‘везти; двигаться’, представленному в ряде памирских языков в значении ‘плыть, плавать’и пр. [Morgenstierne 1974: 95]. Конечное *-yq* может быть вариантом осет. суффикса *-yg* (< др.-иран. **-ūka-*), подобно тому, как суфф. *-aq* восходит к др.иран. **-āka-* [Bailey 1998: 29].

Перс. **bābābōzōrg** ‘дед, дедушка’ [ПРС, I: 153], **pēdar (i) bōzōrg** id. [ПРС, I: 275] — осет. *styrfyd* id. В обоих языках основано на понятии «большой (перс. *bōzōrg*, осет. *styr*) отец (перс. *bābā*, *pēdar* осет. *fyd*)». Такая же идеосемантика прослеживается в названии «деда, дедушки» в некоторых других языках: англ. *grand-dad*, *grandfather* ‘дедушка’, франц. *grand-papa* ‘дедушка’, *grand-père* ‘дед, дедушка’, др.-инд. *pitāmaha-* ‘дедушка’, букв. «большой отец». Древнеиндийское слово не считается древним [Бенвенист 1995: 157]. Осетино-персидское соответствие также не предполагает праиранского архетипа. В значении «дедушка» в праиранском языке существовало другое слово — **nii̯āka-*, откуда идут авест., др.-перс. *nyāka* ‘дедушка’, перс. *niyā* и пр. [Эдельман 2009: 38, 121]. Ср. также вах. *lup-pup* ‘прадед’, букв. «большой дед» [ЭСВЯ: 227]. Добавим, что перс. *bōzōrg* означает

не только ‘большой’, но и ‘старший’ [ПРС, I: 205]. См. ниже *mādarbōzōrg*.

Перс. **dād** ‘крик о помощи; вопль’ [ПРС, I: 597] — осет. *dædæj* ‘возглас страха, боли и т.п.’ [Абаев 1958: 350], *dodoj* ‘возглас ужаса, угрозы’ [там же: 364]. Последнее слово уже сопоставлено с перс. *dād* [Абаев 1995: 10]. К приведенным у В.И. Абаева параллелям следует добавить афг. *dād* ‘вопль, крик о помощи’ [АРС: 397], вах. *dōd* (< из тадж.) ‘вопль, крик о помощи’ [ЯВГ-ВЯ: 333], шугн. *doδ* ‘жалоба, иск’ [ШРС, I: 475], сарык. *dod* ‘крик о помощи’ [СРС: 50] и т.п.

Перс. **dilnarm** ‘мягкий; отзывчивый; жалостливый’ [ПРС, I: 657], **narmdil** ‘мягкосердечный, добродушный, благодушный’ [ПРС, II: 635] — осет. *fælmænzærdæ* ‘мягкосердый’ [Абаев 1989: 300]. Букв. «(имеющий) мягкое (перс. *narm*, осет. *fælmæn*) + сердце (перс. *dil*, осет. *zærdæ*)».

Осет. **færank** ‘барс; леопард’ [Абаев 1958: 450]. К приведенным у В.И. Абаева параллелям следует добавить перс. *farānak* ‘рысь’ [ПРС, II: 226]. Судя по фонетическому облику, осет. слово является довольно поздним заимствованием из персидского.

Перс. **gōrbēšūy k.** ‘слегка помыться, обмыться, сполоснуться’ [ПРС, II: 388], букв. «помыться по-кошачьи/на кошачий манер» — от *gōrbē* ‘кошка; кот’+ *šūy* — основы наст. времени глагола *šōstan* ‘мыть; умывать’. Точно такое же выражение находим в осетинском языке: *(xi) gædyjy æxsædtytæ akænyn* ‘быстро умыться (проведя влажными руками по лицу); помыться кое-как’, букв. «помыться по-кошачьи». Здесь не стоит видеть наследие праиранской семантической модели, т.к.

предки иранских народов не знали домашнюю кошку. Ср.: «Общее праиранское название кошки не реконструируется, что объясняется относительно поздним появлением самого животного в повседневной жизни человека в этом ареале» [Эдельман 2009: 51].

Осет. **gukku** ‘пирог; пирожок’ [Абаев 1958: 526]. К приведенным у В.И. Абаева параллелям следует добавить перс. *kūkū* ‘омлет (с душистыми травами, приправами) ’ [ПРС, II: 372], а также афг. *kāk* ‘сладкий хлебец (который пекут в честь рождения сына для раздачи детям) ’, ‘лепёшка’ [АРС: 656], шугн. *kakā* (детск.) ‘лепёшка; кусок лепёшки’ [ШРС, II: 73], язгул. *kaka* (детск.) ‘лепешка, хлеб’ [ЯРС: 120].

Осет. (диг.) **læs-pæs** ‘мямля’ [Миллер 1929: 766]. В [Абаев 1949: 457] дано с вопросительным знаком, в [Абаев 1973] и вовсе отсутствует. Сопоставляем с осет. (чисанский говор) *læsæ-wæsæ* ‘никчемный; вялый, еле двигающийся’ [Дзиццойты 2008: 138]. Ср. также перс. *las* ‘вялый, слабый; парализованный’, *laš* ‘слабый, бессильный; вялый; беспечный, беззаботный; неуклюжий, неповоротливый, неподвижный’ [ПРС, II: 424]. Возможно, сюда же осет. *las-yn* ‘везти; тащить, волочить’, *læs-yn* ‘тащиться’, связь которых с др.-иран. **naś-* ‘терять (ся), погибать; пропадать, исчезать; скрывать (ся) ’, предложенную В.И. Абаевым [1973: 14-15], Д.И. Эдельман считает спорной [ЭСИЯ, V: 495-496]. Грузинское *laslasi* ‘шатание; шатаясь; с трудом, еле-еле’идет, скорее всего, из осетинского [Дзиццойты 2008: 138].

Осет. **lekka** ‘праздное хождение, шатание’ [Абаев 1979: 41]. Сюда же В.И. Абаев относит осет. (диг.) *qwælek kænun* ‘шататься без дела’ [Абаев 1949: 461].

Этимологии нет. Ср. перс. *lōkka* ‘рысь (аллюр) ’ [ПРС, II: 428], а также вах. *lak-*: *lakt-* ‘болтаться, качаться’и пр. [ЭСВЯ: 223]. В конечном итоге может быть звукоизобразительным словом.

Осет. **lolo** ‘баиньки’ [Абаев 1973: 47; Абаев 1995: 18]. К приведенным у В.И. Абаева параллелям следует добавить перс. *lala* ‘бай-бай; баюканье’ [ПРС, II: 416], а также афг. *lalo* ‘колыбельная песня’ [АРС: 764], шугн. *la (j) — lāj* ‘бай-бай, баю-бай’ [ШРС, II: 162], язгул. *lala* ‘баю-бай’ [ЯРС: 144], русск. *лала* ‘болтун’, *лалакать* ‘лепетать, болтать’ [Фасмер, II: 453-454], *лелеять*, болг. *лелям* ‘укачиваю’ [там же: 479], русск. *люли*, *люлькать* ‘убаюкивать’, *люлька* ‘колыбель’и пр. [там же: 545-546]. В конечном счете — звукоподражательное, хотя для иранских слов реконструирован праиранский архетип **lala* («детское» слово) ‘родственники и близкие люди’, ‘маленький ребенок’, ‘напев при баюкании ребенка’ [ЭСИЯ, V: 62-63].

Перс. **mādarbōzōrg** ‘бабушка’ [ПРС, II: 438] — осет. *styrmad* ‘бабушка’. Букв. «большая (перс. *bōzōrg*/осет. *styr*) мать (перс. *mādar*/осет. *mad*)».

Перс. **nāzukdil** ‘мягкосердечный, жалостливый; чувствительный; впечатлительный; обидчивый, легко ранимый’ [ПРС, II: 607] — осет. *tæn (æg) zærdæ* ‘мягкосердый’, букв. «(имеющий) тонкое (перс. *nāzuk*/осет. *tæn* || *tænæg*) сердце». В.И. Абаев в качестве параллели к осет. слову приводит перс. *tunukdil* с тем же прямым и переносным значением [Абаев 1979: 263, 265].

Др.-перс. **niyašādayam** ‘ (я) поставил (на место) ’. В Накш-и-Рустемской надписи Дария сообщается о подавлении восстания, текст которого содержит следую-

щую фразу (рассказ ведется от имени самого Дария): *vašnā Auramazdāhā adamšim gāθavā niyašādayam* (DNa, 35-36) «по воле Ахурамазды я их (на) место поставил», т.е. «усмирил», «подавил», «вернул к прежнему состоянию». Здесь *ni- (y) — a-šādaya-m* ‘ (я) поставил’ — это имперфект глагола *ni-šādaya-* ‘сажать; класть, ставить’ (с аугментом *-a-*), который в свою очередь является каузативом к *ni-šad-* от преверба *ni-* + глагол *had-* ‘сидеть’ [Kent 1950: 212; ЭСИЯ, III: 306]. Т.е. «поставить на место» передается через буквальное значение «посадить на место». Точно такая же идеосемантика у осет. выражения *bynaty abadyn kænyn* ‘поставить (букв. посадить) на место’. Здесь *abadyn kænyn* ‘заставить сесть’ — это каузатив к *abadyn* ‘сесть’< преверб *a-* + глагол *bad-yn* ‘сидеть’. Примечательно, что осет. основа *bad-* восходит к др.-иран. **upa-had-* [Абаев 1958: 230-231]. Т.е. мало того, что в обоих языках понятие «ставить на место» образовано от понятия «сажать на место», оба языка использовали для этого еще и один и тот же древнеиранский глагол **had-* ‘сидеть’.

Семантическая эволюция этих выражений не может быть до конца понята, если не будут учтены этнографические данные осетин о социальном ранжировании общества, нашедшем отражение в практике рассаживания за пиршественным столом, а также на общеаульных собраниях (nyxas). Каждый член общества занимал свое место: самые почетные места во главе стола занимали трое почетных старших. Дальше рассаживались остальные старики и мужчины среднего возраста, причем места по правую руку от ведущего застолье (xistær) считались почетнее тех, которые по левую

руку от него. Для молодежи вообще не было места за столом — они прислуживали старшим. То же наблюдалось и на ныхасах: места занимали и, соответственно, говорили по старшинству. Одно из неписаных правил традиционного кодекса осетин гласит: *dældær abad dyn mači qwamæ zæğa*, букв. «(живи так, чтобы) никто не сказал тебе: «пересядь на место пониже (т.е. подальше от почтенных старших, поближе к концу стола)»». Если кто-то по недоразумению или из-за завышенной самооценки садился за столом на неподобающее ему место, его заставляли пересесть на «свое» место. В переносном значении *bynaty abadyn kænyn* «посадить на место (кого-л.)» означает «заставить сдаться, заставить капитулировать, заставить пойти на попятную» и т.п.[1] Хорошую семантическую параллель находим в русск. языке — *осадить* «резко остановить, заставить податься назад; дать отпор, поставить на место» (Ожегов) — от глагола *садить* || *сажать*, содержащего тот же и.-е. корень **sed-*, что и др.-перс. *had-*, осет. *bad-yn* [ЭСИЯ, III: 305].

Т.е. Дарий не просто усмирил бунтовщиков, а указал им на то самое место, которое им подобает занимать в силу их социального и политического положения. Неудивительно, что вслед за разбираемой фразой Дарий счел необходимым добавить: *tyašām adam aθaham ava akunava, yaθā mām kāma āha* (DNa, 36-38) «что я им говорил, то (они и) делали, как (на то) мое желание было», т.е. «все, что я им говорил в соответ-

[1] Ср. [ИФД: 80]: *Bynaty badyn kænyn* «указывать кому-л. на его место (согласно его) положению, на его (реальные) возможности, чтобы он не совался туда, куда ему не положено».

ствии со своим желанием, то они и делали». Так же и в традиционном осетинском обществе: занимая свое, а не чужое место, каждый осетин слушал слова старшего (= социального лидера), и действовал в соответствии с его установками, пожеланиями, рекомендациями.

Перс. **pōrsīdan** ‘спрашивать’, ‘осведомляться, наводить справки, расспрашивать (*о ком*) ’, ‘навещать, проведывать (*больного*) ’ [ПРС, I: 287] — осет. *færsyn* ‘спрашивать; читать; передавать привет; гадать, ворожить’ [Абаев 1958: 454-455][1], ‘навещать, проведывать’ [ОРС: 447], ‘наказывать’, ‘свататься’.

Последние два значения осетинского слова, известные нам из югоосетинских наречий, в словарях не отмечены. Но они несомненны, ср.: *ær-færs-yn* ‘строго спросить, потребовать ответа, допросить; наказать’. Ср. в кударском диалекте: Æz dæ ær-færš-ǯyn-æn[2], ba-ğæš! «Я тебе покажу! Погоди у меня!», букв. «я спрошу тебя, погоди!». Сюда же — форма прош. причастия *farst* ‘вопрос’, *farsta* ‘допрос’, *farsta kænyn* ‘допрашивать’и пр.

Такое же развитие значения находим и в других языках. Ср., например, английское *question* ‘вопрос’, ‘допрос, следствие; пытка’, французское *question* ‘вопрос’, ‘пытка (при допросе); допрос с пристрастием’. Рефлексы и.-е. **perk-* || **prek-* также встречаются в значении ‘допрос’и ‘наказывать’ [Бенвенист 1995: 334-335]. Ср., с одной стороны, русск. *до-праш-ивать*, *до-прос*,

[1] Все эти значения совмещаются и в грузинском *k’itxva*, мегрельском *k’itxiri* [Абаев 1958: 455; Абаев ИТ, II: 506, 509].

[2] Здесь *færš-* из *færs-* по ассимиляции с глухим ǯ следующего слога.

при *с-праш-ивать*, *во-прос*, *с-прос-ить* ‘обратиться с вопросом’, ‘выразить желание видеть кого-н.’, ‘взыскать, потребовать’, ‘призвать к ответу, потребовать отчета’ (Ожегов) и *с-прос* «требования к тому, кто должен нести ответственность, отвечать за что-н.», а с другой — др.-перс. *fraθ-* ‘спрашивать, допрашивать, расследовать, наказывать’ [Kent 1950: 198]. В древнеперсидском находим и превербную форму с близким значением: *pati-parsa-* ‘допрашивать, читать’ [там же]. Сюда же — др.-перс. *ufrašta-* ‘хорошо наказанный’< от *u-* ‘хороший’+ причастие *frašta-* от корня *fraθ-* [там же: 176]. Ср. также шугнан. *pēxč-* (< др.-иран. **pr̥s (a)* — [ЭСВЯ: 277]) ‘спрашивать, расспрашивать; допрашивать; просить согласия’ [ШРС, II: 399].

Значение ‘свататься’тоже находит параллели на и.-е. почве. Но для начала приведем иллюстрирующие фразы из осет. языка. Ср.: *Xorz čyzg u, fælæ jæ niči færsy* ‘Она хорошая девушка, но никто к ней не сватается (букв. никто ее не спрашивает) ’. Или: *Xorz čyzg u, fælæ jæ færsæg næj* ‘то же’, букв. «нет спрашивающего ее». Из доступных нам иранских источников значение ‘сватать’отмечено только в язгулямском языке: *pist-* ‘спрашивать’, ‘сватать’ [ЯРС: 202]. В латинском и.-е. **prek-* дало не только *prec-* ‘просить’, но еще и *procus* ‘жених’. Близкое к этому значение приобрело и литов. *pir šti* ‘сватать’ [Бенвенист 1995: 334]. Ср. также славянские факты: болг. *прося*, сербохорв. *прòсити*, *прȍсȋм* ‘клянчить, сватать’ [Фасмер, III: 377].

К значению ‘гадать, ворожить’у осет. *færsyn* ср. др.-инд. *prach* ‘спрашивать’, ‘предсказывать будущее’ [Кочергина 1987: 412], а также англ. *ask* ‘просить, спра-

шивать', «первоначально «гадать, спрашивать Божество»» [Маковский 2014: 87].

Как видим, осетинский глагол сохранил все значения соответствующего индоевропейского слова.

Осет. **qævdyn** 'щенок' восходит к др.-иран. **gaduą-* 'собака' [Абаев 1973: 299; ЭСИЯ, III: 103]. Из какого-то восточноиранского языка, в котором др.-иран. **d* перешло в *l* (ср. мунджанское *γolv*, йидга *γalv* || *γalᵊv* 'собака') заимствованы ваханское *γəlba* || *γulba* 'пестрая собака, собака с белой отметиной' и шугнанское *γulbā* 'собака с отрезанными ушами' [ЭСИЯ, III: 103]. Возможно, к этому же источнику восходит перс. *kalb* 'собака, пёс' [ПРС, II: 340]. См. еще [ЭСВЯ: 219].

Осет. **samark'a** 'деревянная цепь для подвешивания котла над очагом в кутане' [Миллер 1929: 1035], **samak'a** 'деревянная цепь над очагом с регулируемой длиной' (из нашего полевого материала) — ср. перс. *sēmāk* 'приспособление для поднятия тяжестей; рычаг' [ПРС, II: 56].

Перс. **sangdil** 'жестокий, безжалостный; бессердечный, жестокосердный' — осет. *durzærdæ* 'жестокий, жестокосердный, чёрствый (о человеке) '. Букв. «с каменным (перс. *sang*/осет. *dur*) сердцем (перс. *dil*/осет. *zærdæ*)».

Перс. **sarbōzōrg** 'большеголовый', 'шишка (о важном человеке) ' [ПРС, II: 31] — сарм. **stursar-ak-* id. [Абаев 1979: 159]. Букв. «с большой (перс. *bōzōrg*/сарм. **stur*) головой (перс. *sar*/сарм. **sar-*, осет. *sær*)».

Перс. **sarsabōk** 'легкомысленный, пустой' [ПРС, II: 35] — осет. *ræwægsær* 'легкомысленный'. Букв. «с легкой (перс. *sabōk*/осет. *ræwæg*) головой».

Перс. **sīb (i) zamīnī** ‘картофель’ [ПРС, II: 78] — осет. *zæxxy fætk’wy* ‘топинамбур’. В обоих языках «земляное (перс. *zamīn-ī*/осет. *zæxx-y*) яблоко (перс. *sīb*/осет. *fætk’wy*)». Персидское слово калькирует французское *pomme de terre* ‘картофелина’, букв. «земляное яблоко» [Стеблин- Каменский 1982: 70].

Перс. **siyāhmast** ‘мертвецки пьяный’ [ПРС, II: 77] — осет. *sawrasyg* ‘id.’Букв. «по-чёрному (перс. *siyāh*/осет. *saw*) пьяный (перс. *mast*/осет. *rasyg*)». Следует добавить, что в осетинском чаще употребляется *c’æx-c’æxid rasyg*, букв. «по-сине-пресинему пьяный».

Перс. **siyāhrūz (gār)** ‘несчастный, обездоленный; злосчастный; неудачливый’ [ПРС, II: 77], **siyāhrūzī** ‘несчастье; невезение; бедственное положение’ [там же] — осет. *sawbon* ‘тяжелый, несчастный день, несчастье’. Букв. «чёрный (перс. *siyāh*/осет. *saw*) день (перс. *rūz*/осет. *bon*)».

Перс. **tīridil** ‘злой, недоброжелательный’ [ПРС, I: 415] — осет. *sawzærdæ* ‘злой, злобный’ [Абаев 1979: 42]. В обоих языках имеет значение «чёрное» (осет. *saw*)/«тёмное» (перс. *tīri*) + «сердце» (перс. *dil*, осет. *zærdæ*). В.И. Абаев сравнивает осет. слово с перс. *dilsiyāh* с тем же прямым и переносным значением [Абаев 1989: 300].

Перс. **xar** ‘осёл’, ‘крупный, большой’ [ПРС, I: 542]. Ср. перс. *xarmagas* ‘слепень; овод’ [ПРС, I: 549], букв. «осёл-муха», *xarmūš* ‘большая крыса’ [ПРС, I: 549], букв. «осёл-мышь». В этих сложениях перс. *xar* ‘осёл’выступает в значении ‘большой’. Дополнительный материал собран в [Цаболов, II: 450-451]: перс. *xar-anbār* ‘большой амбар’, *xar-bat* ‘гусь’ (при *bat* ‘утка’), *xar-pušta*

‘большой холм’, ‘большая насыпь’ (при *pušta* ‘холм’), ‘куча’, *xar-čāl* ‘гусь’, ‘дрофа’ (при *čāl* ‘утка’), *xar-xiyār* ‘большой огурец’, ‘бешеный огурец’ (при *xiyār* ‘огурец’)[1], *xar-muhra* ‘крупные бусы’ (при *muhra* ‘бусина’, ‘бисер’), *xar-pūl* ‘богач’, ‘денежный мешок’, ‘толстосум’ (букв. ‘большая деньга’), ср.-перс. *xar-buz* ‘газель’ (‘осёл-коза’), курд. *ḱar-mēš* ‘оса’, ‘овод’, ‘слепень’ (‘осёл-муха’)[2], мундж. *xar-šižn* ‘мешочная игла’ (‘осёл-игла’)[3], вах. *xur-maks* ‘овод’, ‘слепень’ (‘осёл-муха’) и пр.

В статье, впервые опубликованной в 1969 г., М. Н. Боголюбов восстановил др.-иран. **kara-/*xara-* ‘большой; огромный’, к гнезду которого отнес авест. *kara-* ‘большая рыба’, а также некоторые из приведенных выше фактов и заимствования из какого-то др.-иран. диалекта в арамейский: *būs īnā* ‘огурец’ — *h arbūs īnā* ‘дыня’ [Боголюбов 2012: 74-75]. Данная реконструкция принята в [ЭСВЯ: 409] и вряд ли может быть подвергнута серьезным сомнениям. Д. И. Эдельман по поводу ассоциации с понятием ‘осёл’пишет следующее: «В ряде случаев в таких композитах первый элемент *kar-/xar-* трактуется как ‘ослиный’по аналогии с рефлексами праиран. **kara-/*xara-* ‘осёл’<…>, однако обычно это — результат переосмысления слов под влиянием народной этимологии…» [ЭСИЯ, IV: 280-282], см. [там же: 244].

И все же, нельзя не обратить внимания на два обстоятельства. Во-первых, связь значений «осёл ~ большой» иллюстрируется также и неиранским материа-

[1] Ср. осет. *хæрæгnas* || *хæрæгnasæ* ‘тыква’, букв. «осёл-тыква» [Н К, II: 655].

[2] Иначе [Цаболов, I: 537]: букв. «ослиная муха».

[3] Ср. шугн. *šār-siʒ* ‘большая игла для грубой ткани’при *šār* ‘осёл’ [ШРС, III: 414].

лом, в котором трудно усмотреть народноэтимологическое переосмысление. Ср. тур. *ešek-arysy* ‘оса’из *ešek* ‘осёл’и *ary* ‘пчела’, *ešek-balyyy* ‘треска’ (при *balyy* ‘рыба’), *ešek-boyan* ‘крупный сорт айвы’, груз. *vir-tagva* ‘крыса’ (букв. ‘осёл-мышь’) [Цаболов, там же].

Из примеров на тюркской почве можно привести еще балк. *гылыу чычхан* ‘крыса’ (при карач. *уллу чычхан* ‘крыса’ [Р КБС: 246]) — от карач.-балк. *гылыу* ‘ослёнок’ [Р КБС: 374]/карач.-балк. *уллу* ‘большой’ [Р КБС: 48] + карач.-балк. *чычхан* ‘мышь’ [Р КБС: 282]. Т.е. в карачаевском языке «крыса» — это «большая мышь», а в балкарском — «ослёнок-мышь». Из этого сопоставления также видно, что значения «большой» и «осёл/ослёнок» перекрещиваются.

Балкарский пример особенно показателен на фоне осет. (диг.) *gælæw* ‘крыса’ при осет. (ирон.) *k’ælæw* ‘ослёнок’ [Абаев 1958: 511][1]. Это сопоставление делает достоверной догадку Р. Л. Цаболова, видящего в дигорском *gælæw* ‘крыса’ усеченную форму от **gælæw-mistæ* «ослёнок-мышь» [Цаболов, II: 451].

Во-вторых, в осет. языке *xæræg* ‘осёл’ употребляется еще и в значении ‘большой, огромный’. Ср.: *xæræǯy jas* «большой, огромный», букв. «величиной/ростом с осла» [Дзиццойты 2012: 335].

Возможно, в данном случае язык хранит воспоминания о весьма древних реалиях, когда лошадь и верблюд еще не были одомашнены, а осёл/ишак был самым крупным среди домашних животных.

[1] В кударском диалекте осетинского языка в значении ‘крыса’ употребляются *dony myšt* ‘водяная мышь’ и *wyryssag myšt* ‘русская мышь’, реже — *wyry*, букв. «хомяк».

Перс. **yakxurdē** ‘немного, небольшое количество’ [ПРС, II: 747] — осет. *iw c’us* || *iw čysyl* ‘совсем немного’. В обоих языках букв. «один (перс. *yak*/осет. *iw*) + мало/маленький, малый (перс. *xurd*/осет. *c’us* || *čysyl*)». О персидском *xurd* см. [ЭСИЯ, III: 482-483].

Перс. **zadan**: **zan** ‘бить, ударять, стучать (по чему-л.) ’, ‘играть (на музыкальном инструменте) ’, ‘сбивать (белки, сливки и т.п.) ’ [ПРС, I: 757] — осет. *cæğdyn* ‘вытряхивать (= выбивать пыль или соринки палкой или другим предметом); ковать (= бить молотом по металлу); играть на инструменте (= отбивать такт); бить в колокол; истреблять; наваливать; сбивать (масло) ’. В. И. Абаев привлек перс. слово для иллюстрации эволюции значения от ‘бить’к ‘играть на музыкальном инструменте’ [Абаев 1958: 299], но упустил из виду такое значение перс. слова, как ‘сбивать (белки, сливки) ’. Любопытно, что данное значение осетинского *cæğdyn* В. И. Абаев приводит только в гнезде слова *carv* ‘масло (топленое) ’ [там же: 290]. О дальнейших этимологических связях осет. слова см. [ЭСИЯ, II: 213-215]. Думается, сюда же относится осет. звукоподражание *c’ykk* ‘удар острым, тонким предметом, хлыстом’ [ОРС: 522].

Осет. **zærdæbyn** ‘сердечный, душевный, искренний’, **zærdæbynæj** ‘искренне, душевно, от всего сердца, от души’ [ОРС: 231; ИÆД, II: 323], букв. «из-под сердца». Точное соответствие находим в таджикском языке: *az tagi dil* ‘искренне’, букв. «из-под сердца» [ЭСИЯ, IV: 314].

Осет. **zyğar** || **zæğar**, **ʒæğar** ‘имеющий белое пятно на лбу (о животных) ’, **zyğaræg** || **ʒæğaræg** ‘барсук’ [Абаев 1989: 318, 319]. К приведенным у В. И. Абаева парал-

лелям следует добавить афг. *čayar* ‘с бельмом’ [АРС: 317], перс. *šayār* ‘барсук’ [ПРС, II: 104].

Разумеется, приведенным материалом не исчерпываются осетино-персидские лексические параллели. Для их полного выявления пришлось бы написать отдельную монографию. Аналогичную работу следует провести по лексическим связям осетинского языка с другими языками иранской группы.

Примечания:

1. Абаев 1949 — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. — М.; Л.: Наука.

2. Абаев 1958 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. — М.; Л.: Наука.

3. Абаев 1973 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. — Л.: Наука.

4. Абаев 1979 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. — Л.: Наука.

5. Абаев 1989 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. — Л.: Наука.

6. Абаев 1995 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. V (Указатель). — М.: Наука.

7. Абаев ИТ — *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II: Общее и сравнительное языкознание. — Владикавказ: Ир, 1995.

8. Авалиани 1976 — *Авалиани Ю.Ю.* Материалы к компаративным и сопоставительным исследованиям иранской фразеологии // Иранское языкознание: история, этимология, типология. — М.: Наука. — С. 71-78.

9. Алпатов 2001 — *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 3-е. — М.: Едиториал УРСС.

10. АРС — *Асланов М.Г.* Пушту-русский словарь. 2-е изд. — М.: Рус. яз., 1985.

11. Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевро-

пейских социальных терминов/Пер. с франц. — М.: Прогресс — Универс.

12. Боголюбов 2012 — *Боголюбов М.Н.* Труды по иранскому языкознанию: избранное. — М.: Вост. лит.

13. Будагов 1977 — *Будагов Р.А.* Понятие идеосемантики в работах В.И. Абаева // Вопросы иранской и общей филологии. — Тбилиси: Мецниереба. — С. 44-46.

14. Вандриес 1937 — *Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю/Пер. с франц. — М.

15. Дзиццойты 2008 — *Дзиццойты Ю.А.* Очерк чисанского говора осетинского языка (на осет. яз.). — Цхинвал.

16. Дзиццойты 2012 — *Дзиццойты Ю.А.* Этимологические заметки // Nartamongæ. Vol. IX, № 1-2. — С. 331-339.

17. Дзодзикова, Караджаев 1987 — *Дзодзикова З.Б., Караджаев Ю.Д.* Основные типы экспрессивов осетинского языка и средства их образования // Проблемы осетинского языкознания. Вып. 2. — Орджоникидзе: Ир.

18. Журавлев 2007 — *Журавлев А.Ф.* Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). Статья 2 // «Этимология 2003-2005». — М.: Наука. — С. 86-108.

19. ИÆД — Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдуат/Толковый словарь осетинского языка. Т. II. — М.: Наука.

20. ИФД — *Дзабиты З.Т.* Ирон æвзаджы фразеологон дзырдуат [Фразеологический словарь осетинского языка (на осет. яз.)]. — Цхинвал, 2003.

21. Климов 1981 — *Климов Г.А.* Типологические исследования в СССР (20-40-е годы). — М.: Наука.

22. Кочергина 1987 — *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. — М.: Русский язык.

23. Маковский 2014 — *Маковский М.М.* Большой этимологический словарь современного английского языка. — М.: Либроком.

24. Миллер 1882 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. II. — М.

25. Миллер 1887 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. III. — М.

26. Миллер 1929 — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. — Л.

27. Миллер 1934 — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. III. — Л.

28. Молчанова 2008 — *Молчанова Е. К.* Йезди (зороастрийский дари) // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. — М.: Вост. лит. — С. 235-343.

29. Н К — *Нарты кадджытæ*. Ирон адæмы эпос. Т. II. — Дзæуджыхъæу, 2004.

30. ОРС — *Осетинско-русский словарь*. 5-е изд. — Владикавказ: Алания, 2004.

31. Остаева 2011 — *Остаева Р. Д.* «Идеосемантика» В. И. Абаева и основы когнитивной семантики // Василию Ивановичу Абаеву 110 лет. Сборник материалов, посвященных творчеству В. И. Абаева. — Цхинвал: Дом печати. — С. 161-175.

32. ПРС (I, II) — *Персидско-русский словарь*. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Тт. I, II. Изд. 3-е — М.: Русский язык. — 1985.

33. Расторгуева 1991 — *Расторгуева В. С.* Сангесари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. I. — М.: Наука. — С. 206-246.

34. Расторгуева, Молчанова 1981 — *Расторгуева В. С., Молчанова Е. К.* Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. — М.: Наука. — С. 6-146.

35. Расторгуева, Эдельман 1982 — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Гилянский, мазандеранский (с диалектами

шамерзади и велатру) // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. — М.: Наука. — С. 447-554.

36. Р КБС — *Русско-карачаево-балкарский словарь*. — М.: Советская энциклопедия. — 1965.

37. Салбиев 1998 — *Салбиев Т.К.* Об осетинской формуле læggæyn æmæ bæxgæyn // Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. — Rome. — P. 433-438.

38. СРС — *Пахалина Т.Н.* Сарыкольско-русский словарь. — М.: Наука, 1971.

39. Стеблин- Каменский 1982 — *Стеблин- Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. — М.

40. Трубачев 1988 — *Трубачев О.Н.* Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. — М.: Наука. — С. 197-222.

41. Фасмер (II, III) — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка/Пер. с нем. Тт. II, III. — М.: Прогресс, 1986, 1987.

42. «Ф» — журнал «Фидиуæг» (на осет. яз.). — Цхинвал.

43. Цаболов (I, II) — *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Тт. I, II. — М.: Вост. лит., 2001, 2010.

44. Чавчавадзе 1977 — *Чавчавадзе Т.А.* О некоторых словах, незафиксированных в словарях персидского языка. — Вопросы иранской и общей филологии. — Тбилиси: Мецниереба. — С. 330-333.

45. ШРС (I, II, III) — *Карамшоев Д.* Шугнанско-русский словарь. Тт. I-III. — М.: Наука. — 1988, 1991, 1999.

46. Эдельман 2009 — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Лексика. — М.: Вост. лит.

47. ЭСВЯ — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. — СПб., 1999.

48. ЭСИЯ (I-III) — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. ТТ. I-III. — М.: Вост. лит., — 2000, 2003, 2007.

49. ЭСИЯ (IV-V) — *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. ТТ. IV-V. — М.: Вост. лит., — 2011, 2015.

50. ЯВГ-ВЯ — *Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М.* Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: тексты, словарь, грамматический очерк. — М., 1976.

51. ЯРС — *Эдельман Д. И.* Ягулямско-русский словарь. — М.: Наука, 1971.

52. Bailey 1998 — *Bailey H. W.* Zolaq and colaq // Studia Iranica et Alanica. — Rome. — P. 27-30.

53. Dzittsoity 2002 — *Dzittsoity Y. A.* Ossetic *fydaz* and OPrs. *dušiyāra-* // «Nartamongæ». The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Vol. I, № 1. — Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw-Paris. — P. 87-92.

54. Kent 1950 — *Kent R.* Old Persian // American oriental series. Vol. 33. — New Haven, Connecticut.

55. Morgenstierne 1974 — *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. — Wiesbaden.

А. А. Цуциев,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ХРИСТИАНСКИЙ КРЕСТ ИЗ ДАРГАВСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА И ЕГО АНАЛОГИИ.

Аннотация. *Статья является первой публикацией христианского креста с фигурой Богородицы Одигитрии, найденного в аланском катакомбном могильнике у с.Даргавс. Дается подробное описание предмета и всех известных на настоящее время его аналогов. Предлагаемая датировка находки — X-XII вв.*

Ключевые слова: *Даргавский катакомбный могильник, Алания, христианство, крест, Богоматерь Одигитрия.*

Annotation*. The article is the first publication of the Christian cross with the figure of the Virgin Hodegetria found in the Alanian catacomb cemetery near the village of Dargavs. A detailed description of the subject and all its analogues known at the present time is given. The proposed dating of the find — X-XII centuries AD.*

Keywords*: Dargavs catacomb cemetery, Alania, Christianity, cross, Virgin Hodegetria.*

Последний полевой сезон на Даргавском катакомбном могильнике принес ряд интересных находок. Одна из них, на наш взгляд, заслуживает отдельной публикации, поскольку может дать повод для пересмотра верхней даты функционирования названного памятника. Речь идет о бронзовом кресте с христианской символикой, обнаруженном в катакомбе № 92. В камере катакомбы находилось трое погребенных, уложенных головами направо от входного отверстия (на Ю). Из-за плохой сохранности костяков и небольшого количества погребального инвентаря, удалось определить пол лишь одного из погребенных. У дальней стенки камеры

была похоронена женщина, о сем свидетельствуют стеклянный браслет, туалетный набор (копоушка и ногтечистка) и типичные для женского костюма нагрудные застежки. На центральном костяке (пол которого не установлен) было обнаружено всего два предмета. В районе пояса были найдены небольшой железный нож и бронзовый христианский крест. Отметим, что данная находка является первой находкой меднолитой христианской пластики в катакомбах Даргавса.

Высота креста — 69 мм (с петлей), ширина — 45 мм. На его лицевой стороне помещено изображение Богоматери Одигитрии (Путеводительницы) в полный рост, держащей младенца Христа на левой руке и поддерживающей его правой. Обратная сторона креста гладкая.

(рис. 1).

Хотя икона Богоматери Одигитрии известна с V-VI вв., поклонение данному образу и почитание святого источника у константинопольского монастыря Одигон (отсюда название Одигитрия) становится устойчивой традицией в X-XI вв. В XI-XIV вв. икона Богородицы Одигитрии считалась охранительницей Константинополя и личной святыней императоров. Изображение Одигитрии на иконках, складнях, печатях и крестах часто сопровождалось погрудными образами евангелистов, архангелов, святых в медальонах. Это мы видим и на обнаруженном в Даргавском могильнике кресте, стороны (концы) которого имеют по два округлых медальона с изображениями ликов избранных святых. Количество медальонов — это очень интересная особенность, имеющая важное значение для дальнейшего изучения даргавской находки и ее аналогий. Дело в том, что оформление концов креста изображениями святых характерно для многих типов как византийских, так и русских энколпионов, односторонних нагрудных крестов и т.д., однако медальонов обычно бывает три-четыре.

Поиск ближайших аналогов кресту из Даргавса дал следующие результаты.

1. В 2014 г. в катакомбе № 15 Змейского катакомбного могильника был обнаружен крест-псевдоэнколпион, состоящий из двух склепанных односторонних крестов[1]. Одна его сторона в точности соответствует находке из Даргавса. Вторая сторона имеет изображение Распятия в центре и восемь медальонов на концах

[1] Автор искренне благодарит автора раскопок М. А. Бакушева за предоставленные материалы из Змейского катакомбного могильника и возможность их публикации.

(рис. 2).

Качество отливки змейского предмета несколько хуже чем даргавского, детали изображений проработаны менее четко. Вместе с тем, кресты настолько близки, что, на наш взгляд, можно говорить об одном центре их производства. Эта мысль подтверждается находкой в катакомбе № 93 Даргавского могильника и в катакомбе № 19 Змейского могильника практически идентичных нагрудных застежек женского платья, наверняка произведенных в одной мастерской.

Названные материалы из ст. Змейской датируются автором X-XII вв.

2-3. В 2011 г. в средствах массовой информации прошел ряд сюжетов о расхищении археологических предметов с территории средневекового городища у горы Калеж, на правом берегу р. Малки, примерно в пятистах метрах от въезда в с. Каменномостское (Зо-

льский р-н Кабардино-Балкарской Республики). По некоторым сведениям, в течение трех лет из верхнего культурного слоя поселения было извлечено от 2000 до 3000 христианских крестов и других предметов культовой пластики [1, 119].

Рис. 3. Нагрудные застежки из Змейского (а) и Даргавского (б) катакомбных могильников

(рис. 3).

Все они были распроданы и осели в частных коллекциях. Среди калежских находок для нашей темы представляют интерес два предмета. Один из них в точности соответствует кресту из Даргавса, отличаясь от него лишь формой петли и немного меньшим размером (58х40 мм)

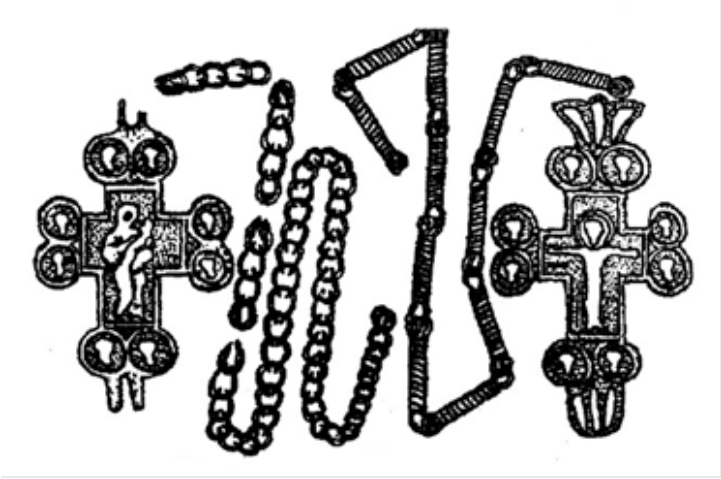
(рис. 4).

Второй крест иконографически повторяет сцену Распятия на псевдоэнколпионе из Змейки. Он также имел восемь медальонов, но верхняя его лопасть утрачена

(рис. 5).

Размеры креста — 48х35 мм [1, 127]. Опубликовавший находки С.Н. Малахов высказался за датировку подобных крестов в границах X-XII вв.

4. Следующий предмет данного типа был обнаружен в одиночном погребении (каменный ящик) Келийского могильника в горной Ингушетии (Назрановский р-н). Это двустворчатый энколпион с изображениями распятого Христа на лицевой стороне и Богородицы Одигитрии на оборотной. Вместе с крестом на груди погребенного были найдены два фрагмента бронзовых цепочек



(рис. 6).

Погребение датируется концом XIII-XIV вв., но при этом авторы подчеркивают, что «дата изготовления креста неизвестна» [2, 7]. Данная находка вместе с другими материалами из Кели хранилась в Грозненском музее. В настоящее время, по сообщению Е.И. Нарожного, ее местонахождение неизвестно.

5. Еще один крест с восемью медальонами на концах сторон и Распятием в центре был опубликован В. А. Кузнецовым. Исследователь информирует о находке целой серии (7 экз.) различных крестов, поднятых И. Е. Волковым на городище на горе Развалка близ Железноводска в 1996-1997 гг. [3, рис.5]. Подробностей и обстоятельств находки неизвестно. Датировки предмета В. А. Кузнецов не предлагает, констатируя лишь «присутствие на Пятигорье христианских общин по крайней мере в X-XШ вв.» [3, 79].

(рис. 7)

6. О последнем известном на сегодняшний день кресте данного типа информации практически нет. Имеется лишь фотография предмета, найденного черными копателями где-то «на Кавказе» и проданного на одном из интернет-ресурсов. Фотография креста, размещенная в Интернете, свидетельствует, что данный

экземпляр, в сравнении с другими известными, имеет лучшую сохранность и более качественную начальную проработку. И фигура Богородицы, и лики святых рельефнее, детали отливки четче

(рис. 8).

Примерные размеры предмета по фото — 62х43 мм. К сожалению, даже этот, пока лучший по сохранности экземпляр, не дает нам возможности установить изображенных на сторонах креста святых.

Подведем некоторые итоги. Все известные сегодня экземпляры крестов «с восемью медальонами» происходят с территории Северного Кавказа, что свидетельствует о локальном характере, местной кавказской традиции изготовления и бытования крестов данного типа[1]. Центральный сюжет — Распятие или Одигитрия

[1] Аналогичная точка зрения была высказана независимо друг от друга целым рядом специалистов, любезно проконсультиро-

— типичен для византийских средневековых крестов в целом, и энколпионов в частности. Наиболее вероятная датировка предметов данного типа — X-XII вв., что ставит вопрос о пересмотре верхней даты функционирования Даргавского катакомбного могильника в пользу ее омоложения как минимум до X в. н.э.

Примечания:

1. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино-Балкарии // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир-Краснодар-М., 2012. С. 119-139.

2. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Голованова С.А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный. 1990. С. 6-17.

3. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.

вавших меня в частной переписке. С благодарностью привожу их мнения.

Н.И. Асташова (ГИМ, г. Москва): «Такое оформление концов неизвестно ни для Руси, ни для Средиземноморья в средние века. Возможно, это вариант собственно кавказских крестов периода развитого средневековья».

Чхаидзе В.Н. (ИА РАН, г. Москва): «Прототип у креста, несомненно, византийский, однако мне не известен точный по форме односторонний крест или энколпион. Имею ввиду изображение двух святых в медальонах на концах креста. Думаю, это местная, аланская особенность».

Малахов С.Н. (АГПУ, г. Армавир): «Особенностью некоторых «аланских» находок является размещение на концах крестов двух медальонов с ликами святых».

Список сокращений

ВНЦ — Владикавказский научный центр
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИÆД — Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдуат/Толковый словарь осетинского языка
ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
ИФД — Ирон æвзаджы фразеологон дзырдуат. **Дзабиты З. Т.**/Фразеологический словарь осетинского языка
КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт
КСИА — Краткие сообщения института археологии
МА К — Материалы по археологии Кавказа
МБ — Мощевая Балка
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР — Материалы и исследования по археологии России
НА — Научный архив
Н К — Нарты кадджытæ
ОА К — Отчет императорский археологической комиссии
ОРС — Осетино-русский словарь
ПРС — Персидско-русский словарь
Р КБС — Русско-карачаево-балкарский словарь
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников
СМОМП К — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
СОИГСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
СРС — Сарыкольско-русский словарь

УЗ СОГПИ — Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института
Ф — Фидиуæг
ЭСИЯ — Этимологический словарь иранских языков
ЯВГ — Языки Восточного Гиндукуша
ЯРС — Язгумско-русский словарь
ШРС — Шугнанско-русский словарь

СОДЕРЖАНИЕ

Харебов Б.К.

РУСЛАН ДЗАТТИАТЫ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ.....3

Гаглойти Р.Х.

ПРЕДМЕТЫ КОСТЮМА – ВАЖНЫЙ РАЗДЕЛ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ....12

Вольная Г.Н.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОШАДИ В «ЛЕТЯЩЕМ ГАЛОПЕ» В ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.....27

Коробов Д.С.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ АЛАН В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ.....48

Габуев Т.А.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА БРУТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В IV-V В.Н.Э.....75

Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С.

ФИБУЛЫ ДАРГАВССКОГО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам раскопок р.г. дзаттиаты 1993-2009 гг.) 87

Чижова А.А.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ДАРГАВСА 115

Иерусалимская А.А.

ПЕРСТЕНЬ ИЗ МОЩЕВОЙ БАЛКИ (О ВЛИЯНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ИСКУССТВО МЕСТНЫХ ПЛЕМЕН) 134

Багаев А.Б.

ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКА У ОСЕТИН В XVIII-XIX ВВ.....158

Таказов Ф.М.

АРХЕТИП ОРЛА В ФОЛЬКЛОРЕ ОСЕТИН.....182

Чибиров Л.А.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ ПОЭМЫ «АЛГУЗИАНИ» 194

Дзиццойты Ю.А.

К ОСЕТИНО-ПЕРСИДСКИМ ЛЕКСИЧЕСКИМ СВЯЗЯМ 211

Цуциев А.А.

ХРИСТИАНСКИЙ КРЕСТ ИЗ ДАРГАВСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА И ЕГО АНАЛОГИИ.....233

Научное издание

СКИФО-АЛАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА

Сборник научных статей

Издано в авторской редакции
Технический редактор *Маслов Е.Н.*.
Компьютерная верстка *Черная А.В.*
Дизайн обложки *Макарова Е.Н.*

Подписано в печать 18.12.2017.
Формат бумаги 70×108 $^{1}/_{16}$. Бум. офсетная. Печать цифровая
Гарнитура шрифта "Warnock". Усл. п.л. 21,5
Тираж 100 экз. Заказ №101.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»
362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3